

ВЕСТНИК МГУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 1 (53)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Реморенко И. М.** доктор педагогических наук, доцент,
председатель член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Москва, Россия
- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор,
заместитель председателя член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Москва, Россия
- Геворкян Е. Н.** доктор экономических наук, профессор, академик РАО,
заместитель председателя первый проректор МГПУ, Россия, Москва
- Агранат Д. Л.** доктор социологических наук, доцент,
заместитель председателя проректор по учебной работе МГПУ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Москва, Россия
главный редактор
- Омельянчук И. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор
заместитель департамента истории Института гуманитарных наук
главного редактора МГПУ, Москва, Россия
- Андреев И. Л.** кандидат исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук
МГПУ, Москва, Россия
- Брэдли Дж.** доктор философии по истории (PhD), заслуженный
профессор Университета Талса, Александрия,
Вирджиния, США
- Васильев Д. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Гагкуев Р. Г.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Россия, Москва
- Гайда Ф. А.** доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Жангуттин Б. О.** доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ им. Абая, Алматы, Казахстан
- Иванов А. А.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
- Кириллов В. В.** кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Козловская Г. Е.** доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала МГПУ, Самара, Россия

- Копелев Д. Н.* доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
- Мальшева О. Г.* доктор исторических наук, профессор, профессор департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Матвеев Г. Ф.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Михайловский Ф. А.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Москва, Россия
- Николаев А. Б.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
- Орлов С. В.* кандидат экономических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Пазин Р. В.* кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Москва, Россия
- Рокки Э. К.* магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.* кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Сорокин А. А.* кандидат педагогических наук, доцент, начальник департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Токарева Е. А.* кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Черникова Т. В.* доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва, Россия

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Егерова Т. А.* Размышления князя П. А. Вяземского о принципах кадровой политики и чиновничестве в эпоху Николая I 6
- Могилевский Н. А.* Губернаторы и чиновники эпохи Великих реформ в русской литературе 1850–60-х гг. 19
- Виноградов А. Е.* Российская империя в Средней Азии: причины и последствия 36
- Бессолицын А. А.* Государственная политика в сфере кинематографии в дореволюционной России 49

Новейшая история России

- Кулаков С. В.* Украинский вопрос в деятельности министра-председателя Временного правительства, князя Г. Е. Львова (март – июль 1917 г.) 66
- Разиньков М. Е.* Политический диалог в период революции 1917–1918 гг.: по материалам Центрального Черноземья и Юга России 83
- Кувшинова Е. Е., Челнокова А. Ю.* Петр Николаевич Миллер и его деятельность по изучению истории Москвы 99
- Ярмолич Ф. К.* Жилищные условия и образ жизни ленинградца в 1950–1960-е гг. 117
- Малхозова Ф. В.* Девятый съезд народных депутатов России: депутаты против президента 128
- Плюйко Д. В.* Конституционный кризис 1993 г. в России: по материалам стенограмм заседаний последних сессий райсоветов Москвы 144
- Григорьева С. В.* Локальные конфликты в Африке и участие в них советских военных в постсоветской документалистике в 1991–2022 гг. (на примере Анголы) 152

Всеобщая история

- Гурин Г. Г.* Свержение иранского правительства в 1953 г.: операция «Аякс» в отражении рассекреченных документов Соединенных Штатов 166

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки»,

2024, № 1 (53) 178

Требования к оформлению статей 181

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Egereva T. A.* Reflections of Prince P. A. Vyazemsky on the principles of personnel policy and officialdom in the Era of Nicolas I 6
- Mogilevskiy N. A.* Governors and officials of the era of Great reforms in Russian literature of the 1850s – 60s 19
- Vinogradov A. E.* Russian Empire in Central Asia: causes and consequences..... 36
- Bessolitsyn A. A.* State policy in the sphere of cinematography in pre-revolutionary Russia 49

Modern History of Russia

- Kulakov S. V.* The Ukrainian question in the activities of the minister-chairman of the Provisional government, Prince G. E. L'vov (March – July 1917). 66
- Razinkov M. E.* Political dialogue during the Revolution of 1917–1918: based on the materials of the Central Chernozem region and the South of Russia..... 83
- Kuvshinova E. E., Chelnokova A. Yu.* Peter Nikolaevich Miller and his activity in studying the history of Moscow 99
- Yarmolich F. K.* Housing conditions and lifestyle of a Leningrader in the 1950s – 1960s..... 117
- Malkhozova F. V.* The Ninth congress of people's deputies of Russia: deputies against the president..... 128
- Pluyko D. V.* Constitutional crisis of 1993 in Russia: based on transcripts of meetings of the last sessions of the Moscow district soviets..... 144
- Grigorieva S. V.* Local conflicts in Africa and the participation of the Soviet military in them in the post-Soviet documentary in 1991–2022 (by the example of Angola)..... 152

General History

- Gurin G. G.* Overthrow of the Iranian government in 1953: Operation “Ajax” in the reflection of declassified documents of the United States 166

Authors of the MCU Journal of Historical Studies,

- 2024, № 1 (53)..... 178
- Requirements for the Style of Articles..... 181

УДК 94 (470.311)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.01

Егерова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук

Музей-заповедник «Остафьево» – «Русский Парнас»

Москва, Россия

taegerova@gmail.com; ORCID: 0009-0007-3375-3761

РАЗМЫШЛЕНИЯ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО О ПРИНЦИПАХ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЧИНОВНИЧЕСТВЕ В ЭПОХУ НИКОЛАЯ I

Аннотация. Князь П. А. Вяземский (1792–1878), поэт и литературный критик, известный в обществе и в правительственных кругах второй половины 1820-х гг. своими оппозиционными взглядами, в 1830 г. из-за материальных затруднений был вынужден вернуться на госслужбу. Его назначение по ведомству Министерства финансов воспринималось и императором, и самим князем как средство укрощения фрондирующего аристократа. Стараясь внешне сохранять благонадежность, князь заносил размышления о принципах кадровой политики императора в свою записную книжку и отчасти делился ими в письмах близким друзьям — В. А. Жуковскому и А. И. Тургеневу. Объектом его рефлексии стали такие проблемы, как предпочтение лояльности профессионализму на госслужбе, подавление инициативы, отказ от диалога с обществом, формализм. Вяземский специально подчеркивал, что назначение на должность вопреки личным и профессиональным качествам является не его личным казусом, а общим правилом николаевского царствования и имеет под собой политическую причину.

Ключевые слова: П. А. Вяземский, Николай I, бюрократия, кадровая политика, лояльность, чиновник, Министерство финансов.

Для цитирования: Егерова Т. А. Размышления князя П. А. Вяземского о принципах кадровой политики и чиновничестве в эпоху Николая I // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 6–18. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.01

© Егерова Т. А., 2024

UDC 94 (470.311)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.01

Egereva Tatiana A.

Candidate of Historical Sciences

Museum-Reserve

«Ostafyevo» – «Russian Parnassus»

Moscow, Russia.

taegereva@gmail.com; ORCID: 0009-0007-3375-3761

**REFLECTIONS OF PRINCE P. A. VYAZEMSKY
ON THE PRINCIPLES OF PERSONNEL POLICY
AND OFFICIALDOM IN THE ERA OF NICOLAS I**

Abstract. Prince Vyazemsky (1792–1878) was poet and literary critic, known in society and in government circles in the second half of the 1820s for his oppositional views. In 1830 due to financial difficulties, he was forced to return to the civil service. His appointment under the Ministry of Finance was perceived by both the emperor and the prince himself as a means of taming the frond aristocrat. The prince remained trustworthy in society, but at the same time he recorded reflections on the principles of the emperor's personnel policy in his notebook and shared them in letters to close friends V. A. Zhukovsky and A. I. Turgenev. The object of his reflection were such problems as the preference of loyalty to professionalism in the civil service, suppression of initiative, refusal of dialogue with society, formalism. Vyazemsky specifically emphasized that the appointment to the post, contrary to personal and professional qualities, is not his personal case, but a general rule of the Nicolas reign and has a political reason.

Keywords: P. A. Vyazemsky, Nicholas I, bureaucracy, personnel policy, loyalty, official, Ministry of Finance.

For citation: Egereva T. A. Reflections of Prince P. A. Vyazemsky on the principles of personnel policy and officialdom in the Era of Nicolas I // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 1 (53). P. 6–18. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.01

Введение. Князь П. А. Вяземский, известный поэт, переводчик и литературный критик, начинал свою службу в 1807 г. в Московской межевой канцелярии. Эта служба была необременительной и формальной: «...Ни служба, ни начальство не заботились обо мне»¹, — вспоминал он впоследствии. На волне общественного подъема после Отечественной войны 1812 г. друзья Вяземского по литературному обществу «Арзамас», в первую очередь А. И. Тургенев, выхлопотали для него назначение в Варшаву в канцелярию Н. Н. Новосильцева, которая стала одним из центров выработки проектов конституционных реформ. Князь стал быстро продвигаться по служебной лестнице: назначенный в канцелярию в 1817 г. в чине коллежского

¹ Вяземский П. А. Автобиографическое введение // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского: в 12 т. Т. 1. 1810–1827. СПб., 1878. С. XXXVII.

ассессора, в 1818 г. он стал уже коллежским советником. Судя по позднейшим воспоминаниям Вяземского, Н. Н. Новосильцев привлекал его к работе над Уставной грамотой, не раскрывая при этом сути проекта, державшегося в строгом секрете: «В канцелярии был у нас юрист и публицист, француз Deschamps. Ему Новосильцов передавал соображения и мысли свои: француз, набивший руку себе во Франции в изготовлении и редакции подобных проектов, писал их, так сказать, прямо набело. Переливка этих работ в русские формы наложена была на меня»².

Отказ Александра I от реформ, конгрессы Священного союза в Троппау и Лайбахе, нежелание наместника в Польше, великого князя Константина Павловича считаться с нормами конституции 1815 г. привели князя Вяземского к разочарованию в политике правительства, что отражалось в его письмах и гражданской лирике тех лет. В 1821 г. Вяземский был уволен со службы с запретом появляться в Варшаве, причиной чему послужила перлюстрация его личной переписки и неприязнь со стороны Константина Павловича. Князь был оскорблен до глубины души и в мае 1821 г. демонстративно подал прошение об увольнении с занимаемой придворной должности камер-юнкера. С 1821 по 1830 г. он находился под негласным надзором полиции, но из-за материальных затруднений и желания обеспечить будущность подраставших детей был вынужден вернуться на службу.

При посредничестве Д. В. Дашкова Вяземский хлопотал о назначении по ведомству Министерства юстиции³, однако Николай I решил иначе: 18 апреля 1830 г. высочайшим указом коллежский советник князь Вяземский был зачислен в Министерство финансов на должность чиновника для особых поручений при министре, графе Е. Ф. Канкрине. Это назначение воспринималось и императором, и самим князем как средство укрощения фрондирующего аристократа: «Изю всех служб, как-то разнородных с природою моею, эта самая разнородная. Кажется, скорее мог бы я пойти в лейб-гусары. Не хватить ли?»⁴ — горько шутил по этому поводу Вяземский в письме к жене. «У меня нет никакой способности к *положительному делопроизводству*, счета, бухгалтерия, цифры для меня тарабарская грамота, от коей кружится голова и изнемогают все способности, все силы умственные и духовные: к ним-то меня и приковывают роковыми кандалами»⁵. Стараясь внешне сохранять благонадежность, князь заносил размышления о кадровой политике

² Вяземский П. А. Автобиографическое введение // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского: в 12 т. Т. 1. 1810–1827. СПб., 1878. С. XXXV.

³ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824–1836. СПб., 1899. С. 191–192.

⁴ П. А. Вяземский. Письма к жене за 1830 год / предисл. и коммент. М. Боровковой-Майковой // Звенья: сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Выпуск VI. М.; Л., 1936. С. 237.

⁵ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848) / издание подгот. В. С. Нечаева. М., 1963. С. 299.

императора, чиновниках и госслужбе в свои записные книжки и отчасти делился ими в письмах близким друзьям — В. А. Жуковскому и А. И. Тургеневу.

По мировоззрению князь П. А. Вяземский был близок к представителям просвещенной бюрократии Николая I, к которым относят М. А. Корфа, Д. Н. Блудова, П. Д. Киселева, Д. В. Дашкова, С. С. Уварова, Л. А. Перовского, Д. Г. Бибикова, воспитанных на идеях французского Просвещения, понимавших необходимость постепенных перемен в соответствии с духом времени, инициированных верховной властью, и готовых ей в этом помогать⁶. В отечественной историографии плодотворное изучение дореформенной бюрократии представлено в трудах П. А. Зайончковского, Н. П. Ерошкина, М. М. Сафонова, С. В. Мироненко, Л. Ф. Писарьковой, И. В. Ружицкой, М. М. Шевченко, П. В. Акульшина⁷. Целью данной статьи является показать взгляд на правительственный аппарат николаевской эпохи изнутри, взгляд человека, обладающего язвительным умом, привыкшего рассуждать и иметь свое независимое мнение.

Ход и результаты исследования. По мнению Вяземского, для успешного прохождения службы от чиновника требовалось проявлять поменьше личной инициативы, не демонстрировать публично свои способности и не рассуждать при исполнении приказаний начальства. Специфические моральные качества, необходимые для успешного продвижения по госслужбе, не раз становились предметом обсуждения в переписке Вяземского с В. А. Жуковским. Так, в письме от 25 ноября 1842 г. князь отмечал: «А знаешь ли, что, поистине, нужно иметь порядочную дозу глупости, чтобы быть деловым человеком. Я имею тому ежедневное доказательство под глазами и чистосердечно, смиренно сознаюсь, что я не деловой человек, именно потому, что нет во мне той казенной глупости, которая потребна. Эта глупость есть необходимый балласт для безопасного и правильного плаванья»⁸.

⁶ *Ружицкая И. В.* Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009. С. 3–13; *Акульшин П. В.* Просвещенная бюрократия Российской империи в дореформенную эпоху // Дискуссионные вопросы Российской истории: материалы IV научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 2000. С. 75–76.

⁷ *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты: Первая половина XIX в. М., 1981; *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *Писарькова Л. Ф.* От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. № 4. С. 29–43; *Ружицкая И. В.* Указ. соч.; *Шевченко М. М.* Правительство, народное образование и государственная служба в России в первой половине XIX в // Российская история. 2010. № 6. С. 57–69; *Акульшин П. В.* Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

⁸ «Мы столько прожили с тобой на свете...»: Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского 1807–1852 гг.: в 2 т. Т. 2: Переписка 1826–1852 гг. / сост. и коммент. В. С. Киселева. Томск, 2021. С. 223.

Однако не прошло и четырех лет после написания этих строк, как столь необходимые для службы качества Вяземский стал обнаруживать и у самого себя, о чем свидетельствует его письмо В. А. Жуковскому от 1846 года: «...за отъездом Языкова управляю департаментом и в таких обстоятельствах я так вхожу в свою роль, что обыкновенно тупею и глупею»⁹. Об этом же он жаловался еще раньше в письме к И. И. Дмитриеву: «Несколько часов утра, проведенных ежедневно в департаменте, наводят на весь день какую-то тупость в понятиях и охлаждение в умственной деятельности»¹⁰. Апатия, моральная и интеллектуальная опустошенность, какая-то притупленность живых интересов и импульсов осознавались Вяземским как прямое следствие его нахождения на службе. В 1841 г. он безучастно сообщал В. А. Жуковскому о своей жизни: «Жизнь как жизнь. Сплю хорошо. Ем, произвожу дела, подписываю бумаги, слушаю, докладываю, хожу пешком, читаю, читаю и Евангелие, и духовные книги: все это механическое производство жизни идет своим порядком. Но в этой жизни недостает одного: жизни, жизни-любви, жизни-упования»¹¹. Одним из следствий подобного настроения было то, что написанное еще в 1830 г. большое исследование Вяземского о Д. И. Фонвизине так и оставалось неопубликованным, а затронутые в нем сюжеты теряли свою актуальность. «“Ф-Визин” мой все еще лежит недопечатанный. Остается несколько страниц, но ни к чему охоты нет. Душная тлетворная атмосфера все подавляет»¹², — сообщал князь В. А. Жуковскому в 1844 г.

Неудивительно, что постоянной эмоцией Вяземского, вызываемой мыслями о службе и о жизни в Петербурге, становится уныние. Ей сопутствовала излюбленная шутка-каламбур князя, построенная на созвучии во французском языке *ange tutélaire* и *ange titulaire*, что его сопровождает вместо ангела-хранителя некий титулярный советник, который постоянно причиняет ему неприятности¹³.

Любопытно, что уныние и подавленность были не только личными ощущениями Вяземского на госслужбе, но и приписывались им широкому кругу представителей высшей бюрократии николаевского царствования. К примеру, подобные настроения вызвали ограничения, введенные в 1844 г. правительством на выдачу загранпаспортов: «Никогда еще общее уныние не было так разительно и глубоко, как ныне»¹⁴. При этом, как следует из описания князем поведения высшей бюрократии (и, что немаловажно, и его собственного), чиновники вполне осознавали нелепость и вред этой меры, критиковали ее

⁹ «Мы столько прожили с тобой на свете...»: Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского 1807–1852 гг.: в 2 т. Т. 2: Переписка 1826–1852 гг. / сост. и коммент. В. С. Киселева. Томск, 2021. С. 284.

¹⁰ *Вяземский П. А.* Письма к И. И. Дмитриеву князя Петра Андреевича Вяземского. М., 1868. С. 14.

¹¹ «Мы столько прожили с тобой на свете...». С. 213.

¹² Там же. С. 240.

¹³ *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). С. 445.

¹⁴ «Мы столько прожили с тобой на свете...». С. 239.

исподтишка дома, но не осмеливались громко заявить о своей позиции, не говоря уже о выходе в отставку в знак несогласия.

Такая двойная мораль, когда в мундире и на публике бюрократ демонстрировал свою верность престолу, а в халате дома ругал власть, ярко отражена в письме Вяземского Жуковскому от 21 марта 1844 г.: «Неудовольствие и ропот против этой меры (ограничение выезда за границу. — *Т. Е.*) всеобщие, во всех званиях, начиная от государственных людей до мелких частных. Но, верно, не сыскалось ни одного человека, который, осмелился бы решительно сказать о том, кому ведать надлежит. Ни один из них не понимает, что для самой пользы лица, которому они будто бы преданны, бывают случаи, в которые обязанность требует отказываться от участия в мерах, признаваемых пагубными. Каждый видит, что меры пагубны, каждый говорит о том наедине, но ни один из них не имеет духа отойти от зла, идти в отставку и протестовать добросовестно и в истинном смысле верноподданнически — против направления, которое всех пугает»¹⁵. В этом отрывке хорошо отражена не только модель поведения высшей бюрократии, но и специфика понимания верноподданничества самим князем Вяземским, характерная для родовитой фрондирующей аристократии второй половины XVIII в. и, очевидно, воспринятая им из атмосферы родительского дома. Согласно этому пониманию монархия мыслилась необходимой для России, при этом долг просвещенного дворянина состоял в нелицеприятном высказывании истины у трона, во имя блага и процветания самого же монарха.

Отдельной темой размышления князя в его записных книжках было недоверие императора к образованным и самостоятельно мыслящим людям на госслужбе, хорошо выраженное в известной фразе Николая I: «Мне не нужно ученых голов, мне нужно верноподданных». Вяземский признавал, что абстрактный ум не всегда полезен при решении конкретных дел, что не менее важны опытность, навык, житейский практицизм, но при этом целенаправленно отвергать умных и инициативных людей от занятия государственных должностей тоже неверно: «Я первый готов советовать правительству не обольщаться умом, не думать, что каждый умный человек на все способен. <...> Но, с другой стороны, позволю себе заметить правительству: что не следует и пугаться ума, отречься от него, как от сатаны, и всех дел его и поставить себе за правило, что глупость или, по крайней мере, пошлая посредственность одна благонадежна и вследствие сего растворять ей двери настежь во все правительственные места»¹⁶.

Вяземский, исходя из своего пессимистического настроения, в 1830–40-е гг. явно недооценивал правительственные усилия по привлечению на службу образованных людей, выпускников высших и средних учебных заведений. Согласно Положению о порядке производства в чины по гражданской службе

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). С. 287.

1834 г., образованные чиновники получали возможность продвигаться по лестнице Табели о рангах в полтора-два раза быстрее¹⁷. Несмотря на это, образованных чиновников все равно не хватало: в 1853 г. высшее образование имели 18,2 % членов Госсвета, 22,2 % министров и главноуправляющих, 24,5 % сенаторов, 30,4 % товарищей министров и директоров департаментов, 18,8 % губернаторов¹⁸.

Но здесь проблема даже не в наличии высшего образования как такового: у самого Вяземского его тоже не было, но он добросовестно пытался восполнить пробелы своего образования по части финансов и, будучи повышен в должности до вице-директора Департамента внешней торговли, просил своего друга А. И. Тургенева присылать ему из-за границы все недавно вышедшие книги о коммерции, а также журналы, периодические издания, энциклопедии и даже товарные лексиконы¹⁹.

Ключевое слово в размышлениях Вяземского — благонадежность. В первой половине XIX в., особенно после восстания декабристов, власти пристально следили за тем, чтобы в среде высшей бюрократии, которая воспринималась как одна из важнейших опор престола, не было политически неблагонадежных лиц²⁰. А поскольку благонадежность чиновника во многом определялась стилем его публичного поведения, неудивительно, что, по наблюдениям Вяземского, даже отдельные умные и деловые люди в жерновах правительственных канцелярий и департаментов обмелели, «высохли», приобрели общий для всех отпечаток, как, например, назначенный товарищем министра финансов И. М. Ореус: «Он человек умный, деловой и честный; но он стар и хвор, но в нем нет стихий государственного человека: все это производители текущих дел, а России потребны люди самостоятельные, люди с видами на будущее. Нигде этого нет. Все это люди, которых Россия не знает и не может знать и потому не имеет в них веры. Все это люди, которых умы обмелели, высохли, съезжились в душной, канцелярской атмосфере. Горизонт их ограничен их департаментом. Россия и будущее ее были от них заслонены ширмами отношений и письмоводительства»²¹.

Ограниченность кругозора узкими рамками канцелярии и департамента была еще не самой худшей чертой николаевских бюрократов. Некоторые из них, как, например, П. А. Клейнмихель, перенимали у Николая I «патриархальную» манеру общения с подчиненными в стиле «отца-командира». Вяземский обещал прислать В. А. Жуковскому приказы П. А. Клейнмихеля по корпусу путей сообщения: «Тут есть и эпиграммы, и пинки, и пощечины. Многие

¹⁷ Шевченко М. М. Указ. соч. С. 59.

¹⁸ Степанов В. Л. Российская дореволюционная бюрократия: основные этапы и тенденции развития (XVII – начало XX в.) // Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика / под ред. А. Е. Лебедева, А. Я. Рубинштейна. СПб., 2011. С. 336.

¹⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. С. 213.

²⁰ Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 79–80.

²¹ «Мы столько прожили с тобой на свете...». С. 269.

возмущаются ими, но я полагаю, что неприличное в другом месте у нас еще прилично. Мы во многом все-таки еще не вышли из лакейской или, пожалуй, из патриархального правления. И патриарху отцу командиру почему не потужить своих детей, когда они того стоят»²².

На эту тему Вяземский сочинил замечательный афоризм: «Вся государственная процедура заключается у нас в двух приемах: в рукоположении и в рукоприкладстве»²³. Как власть возлагает руки на условных Ивана или Петра, назначая их министрами и губернаторами, так и они прикладывают руки к исходящим бумагам, полагая, что в этом и заключается управление вверенными им учреждениями: «Власть видит, что бумажная мельница в ходу, что миллионы нумеров вылетают из нее безостановочно, и остается в спокойном убеждении, что она совершенно права перед Богом и людьми»²⁴.

О том, что внешний порядок отправления делопроизводства подменил собой во времена Николая I реальные механизмы управления и контроля, писал не только Вяземский, но и другие известные мемуаристы, например А. И. Герцен в «Былом и думах». Эта подмена содержания канцелярской формой позволяла чиновникам, обучившимся премудрости правильно составлять входящие и исходящие бумаги, жить в бумажном Зазеркалье, имеющем мало общего с реальным положением дел в стране²⁵, и одновременно искусно скрывать чудовищный размах своих злоупотреблений. В письмах к В. А. Жуковскому Вяземский нарисовал выразительную картину казнокрадства, обучившего чиновников: «Тришатный, командующий внутренней стражей, предан суду за растрату денег и людей, а с ним и несколько подведомственных ему генералов, — писал князь в 1847 г. — В кассе здешней управы благочиния оказался также недостаток, в кассе гвардейского штаба. А недавно умерший к<нязь> Николай Долгорукий, бывший виленский генерал-губернатор, а после малороссийский, оставил после себя письмо к государю, которому сознается, что растратил казенных денег до 45 000 руб<лей> сереб<ром>. Все эти вдруг огласившиеся беспорядки очень огорчили государя; он сказал, что краснеет не только как русский император, но и как русский дворянин»²⁶.

По мнению Вяземского, у высших чиновников атрофировалось чувство дворянской чести, «жадность к корысти, к прибыли сделалась повальной лихорадкой, всеувлекающим потоком». При этом, по наблюдениям Вяземского, боязнь наказания не мешала чиновникам продолжать воровать, надеясь на удачу: «Теперь пускаются на бесчестные дела, как игрок ставит деньги на карту. Авось выиграет». Причину казнокрадства Вяземский видел в моральном падении высшего общества, утрате высокопоставленными чиновниками чувства

²² Там же. С. 224.

²³ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). С. 283.

²⁴ Там же.

²⁵ Соловьев К. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017. С. 292.

²⁶ «Мы столько прожили с тобой на свете...». С. 288.

дворянской чести и достоинства: «Общество духовно умерло, чувство личной независимости, личной гордости смято, убито: мертвые срама не имеют. От того так и умножилось число срамников»²⁷. Возможно, потому на контрасте с современностью Вяземский идеализировал эпоху Екатерины II, восхищаясь самобытностью фигур ее сподвижников, в отличие от «обмелевших» и «высохших» николаевских бюрократов.

В целом размышления Вяземского о своих коллегах — высших чиновниках николаевского царствования — были полны пессимизма: «Изо всех наших государственных людей только разве двое имеют несколько русскую фибру: Уваров и Блудов. Но, по несчастю, оба бесхарактерны, слишком суетны и легкомысленны, то есть пустомысленны. Прочие не знают России, не любят ее, то есть не имеют никаких с нею сочувствий»²⁸. С. С. Уваров и Д. Н. Блудов были давними знакомцами Вяземского еще по «Арзамасу». Впрочем, в следующей своей записи князь отметил, что и Блудов «в рядах государственных деятелей <...> ничтожен»²⁹.

Отказывая николаевским чиновникам в любви к России, Вяземский писал, что «лучшие из них имеют патриотизм официальный, они любят свое министерство, свой департамент, в котором для них заключается Россия — Россия мундирная, чиновническая, административная»³⁰. России же за пределами чиновнического кабинета они не знают и ее нуждами не озабочены. Эти отметки в записной книжке 1844 г. перекликаются с размышлениями Вяземского об истинном и «чиновничьем» патриотизме в письме к В. А. Жуковскому от 4 ноября 1844 г.: «А многие еще утверждают, что любят отечество, и, может быть, и любят по-своему. Да и как, и что любить? Истории, преданий своих не знают, языка не знают, нравов, обычаев также, русского духа и разнюхать не могут. Для иного отечество его — департамент, министерство, для другого — и этот еще благоразумнее — его саратовская деревня, для некоторых — военная слава России. Но тут еще нигде нет отечества. А многие еще нас укоряют, что мы не любим отечество или не так его любим, потому что иное осуждаем, другому огорчаемся»³¹.

Князь вполне мог бы вслед за М. Ю. Лермонтовым сказать: «Люблю Отчизну я, но странною любовью...». В процитированном фрагменте письма Вяземского такой важный компонент традиционного понимания патриотизма, как гордость за военную славу, приравнен к приверженности к департаменту и исключен из любви к отечеству («тут еще нигде нет отечества»). Чуть более высоко в глазах князя ценится «локальный патриотизм», т. е. привязанность к своей родовой земле, к усадьбе, к «саратовской деревне». Наконец, патриотизм в масштабе России в целом оказывается для Вяземского

²⁷ «Мы столько прожили с тобой на свете...». С. 288.

²⁸ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). С. 282.

²⁹ Там же. С. 283.

³⁰ Там же. С. 282.

³¹ «Мы столько прожили с тобой на свете...». С. 246.

неотделим от просвещенного знания и любви к русской истории, нравам, обычаям, языку, т. е. из сферы государственнической патриотизм выводится князем в сферу культуры. Быть патриотом, в его понимании, это любить не монарха, чиновников и армию, а любить тех, кто, подобно высокоценным им Е. А. Боратынскому, А. С. Пушкину и Н. М. Карамзину, приносил славу России своим творчеством. Неудивительно, что подобное понимание патриотизма вызывало укоры многих, что «мы не любим отечество или не так его любим, потому что иное осуждаем, другому огорчаемся».

Квинтэссенцией этого нового понимания патриотизма может послужить следующая фраза из записных книжек Вяземского, ставшая крылатой: «Для некоторых любить отечество — значит дорожить и гордиться Карамзиным, Жуковским, Пушкиным и тому подобными и подобным. Для других любить отечество — значит любить и держаться Бенкендорфа, Чернышева, Клейнмихеля и (подобное тому) прочих и прочего. Будто тот не любит отечество, кто скорбит о худых мерах правительства, а любит его тот, кто потворствует мыслию, совестью и действием всем глупостям и противозаконностям людей, облеченных властью? Можно требовать повиновения, но нельзя требовать согласия»³².

Приведенные выдержки из писем и записных книжек Вяземского могли создать впечатление, что он не добился успеха на службе. Однако это не так: напротив, Вяземский медленно, но неуклонно поднимался по служебной лестнице. 21 октября 1832 г. он был назначен исполняющим должность вице-директора департамента внешней торговли, в 1833 г. — вице-директором этого департамента в чине статского советника. В 1835 г. за «усердную и полезную» службу, а точнее, за управление департаментом во время отсутствия директора, Вяземскому назначили аренду в размере 1200 руб. серебром на протяжении 12 лет. Князь ежегодно получал по 2500 руб. ассигнациями «квартирных», 14 раз награждался деньгами, в 1839 г. стал действительным статским советником, в 1843 г. получил 2 тысячи десятин земли. В 1844 г. Канкрин поставил вопрос о назначении Вяземского директором Департамента внешней торговли. Но император отказал под предлогом, что департаменту подчиняется корпус пограничной стражи, а потому возглавлять его может только армейский генерал, а не штатский чиновник.

В 1846 г. новый министр финансов Ф. П. Вронченко назначил Вяземского управляющим Государственным заемным банком. Точно так же, как назначение на службу в министерство финансов не соответствовало способностям и кругу интересов Вяземского, эта новая высокая должность, требующая компетентности в финансовых вопросах, менее всего подходила ему. По мнению князя, «правительство наше признает послаблением, пагубною уступчивостью советоваться с природными способностями и склонностями человека при назначении его на место. Человек рожден стоять на ногах: именно потому и надобно поставить его на руки и сказать ему: иди! А не то, что значит власть, когда

³² Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). С. 275–276.

она подчиняется общему порядку и течению вещей»³³. Записные книжки Вяземского пестрят саркастическими замечаниями о назначении на высшие посты империи лиц, абсолютно не приспособленных для занятия их должностей. Князь писал, что если бы дело касалось только его одного, то было бы еще полбеды, но таков, по его мнению, был общий принцип кадровой политики Николая I: правительство «неохотно определяет людей по их склонностям, сочувствиям и умственным способностям. Оно полагает, что и тут человек не должен быть у себя, а все как-то пересажен, приставлен, привит, наперекор природе и образованию»³⁴. Определил князь и причину подобной политики, причем его догадке нельзя отказать в правдоподобности: по мнению Вяземского, таким образом власть стремилась добиться лояльности и послушности бюрократии. Как писал Вяземский, «человек на своем месте делается некоторою силою, самобытностью, а власть хочет иметь одни орудия, часто кривые, неудобные, но зато более зависимые от ее воли»³⁵.

Общий вывод Вяземского о Николае I и чиновничестве его времени, оставленный в записной книжке, звучит как приговор, причем приговор современника от имени потомков: «Одна моя надежда, одно мое утешение в уверении, что он и они увидят на том свете, как они в здешнем были глупы, бестолковы, вредны, как они справедливо и строго были оценены общим мнением, как они не возбуждали никакого благородного сочувствия в народе, который с твердостью, с самоотвержением сносил их как временное зло, ниспосланное провидением в неисповедимой своей воле. Надеяться, что они когда-нибудь образумятся и здесь, безрассудно, да и не должно. Одна гроза могла бы их образумить»³⁶. Гроза, о которой писал Вяземский в 1844 г., грянула в 1853–1856 гг. и показала правоту его пессимистичных размышлений о бюрократической машине Николаевской эпохи.

Заключение. Таким образом, наблюдения за чиновниками и кадровой политикой императора Николая I, оставленные в записных книжках князя П. А. Вяземского и в его письмах к ближайшим друзьям, позволяют сделать вывод, что такие проблемы, как предпочтение профессионализму лояльности, безынициативность, культивирование безоговорочного выполнения распоряжений начальства, показная благонадежность, непонимание истинных нужд населения, формализм, свойственные дореформенному чиновничеству, вполне четко осознавались и проговаривались уже современниками императора. Поражение в Крымской войне и последовавшие за ним Великие реформы призваны были попытаться исправить эти недостатки путем оживления общественной инициативы, гласности и развития местного самоуправления.

³³ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). С. 299.

³⁴ Там же. С. 287.

³⁵ Там же. С. 299.

³⁶ Там же. С. 283.

Литература

1. Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 46 с.
2. Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия Российской империи в дореформенную эпоху // Дискуссионные вопросы Российской истории: материалы IV Научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас: Изд-во АГПИ, 2000. С. 74–78.
3. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: Первая половина XIX века. М.: Мысль, 1981. 252 с.
4. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
5. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 238 с.
6. Писарькова Л. Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. № 4. С. 29–43.
7. Ружицкая И. В. Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М.: Ин-т российской истории, 2009. 340 с.
8. Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. 247 с.
9. Соловьев К. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 294 с.
10. Степанов В. Л. Российская дореволюционная бюрократия: основные этапы и тенденции развития (XVII – начало XX в.) // Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика / под ред. А. Е. Лебедева, А. Я. Рубинштейна. СПб.: Алетей, 2011. С. 313–346.
11. Шевченко М. М. Правительство, народное образование и государственная служба в России в первой половине XIX в. // Российская история. 2010. № 6. С. 57–69.

References

1. Akul'shin P. V. Prosveshchennaia biurokратиia i russkaia provintsiia v pervoi polovine XIX v.: po materialam Penzenskoi, Riazanskoi, Tambovskoi i Tul'skoi gubernii [Russian province and enlightened bureaucracy in the first half of the XIX century: based on the materials of the Penza, Ryazan, Tambov and Tula provinces]: abstract of the dissertation of the Doctor of Historical Sciences. Moscow, 2004. 46 p. (In Russ.).
2. Akul'shin P. V. Prosveshchennaia biurokратиia Rossiiskoi imperii v doreformennuiu epokhu [Enlightened bureaucracy of the Russian Empire in the pre-reform era] // Diskussionnye voprosy Rossiiskoi istorii: materialy IV nauchno-prakticheskoi konferentsii «Diskussionnye voprosy rossiiskoi istorii v vuzovskom i shkol'nom kursakh». Arzamas: Izd-vo AGPI, 2000. P. 74–78. (In Russ.).
3. Eroshkin N. P. Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty: Pervaia polovina XIX veka [Serfdom autocracy and its political institutions: The first half of the XIX century]. Moscow: Mysl', 1981. 252 p. (In Russ.).
4. Zaionchkovskii P. A. Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. Moscow: Mysl', 1978. 288 p. (In Russ.).

5. Mironenko S. V. Samoderzhavie i reformy: Politicheskaiia bor'ba v Rossii v nachale XIX v. [Autocracy and reforms: political struggle in Russia at the beginning of the XIX century]. Moscow: Nauka, 1989. 238 p. (In Russ.).
6. Pizar'kova L. F. Ot Petra I do Nikolaia I: politika pravitel'stva v oblasti formirovaniia biurokratii [From Peter I to Nicolas I: Government policy in the field of bureaucracy formation] // Otechestvennaia istoriia. 1996. № 4. P. 29–43. (In Russ.).
7. Ruzhitskaia I. V. Prosveshchennaia biurokratii (1800–1860-e gg.) [Enlightened bureaucracy (1800s–1860s)]. Moscow: In-t rossiiskoi istorii, 2009. 340 p. (In Russ.).
8. Safonov M. M. Problema reform v pravitel'stvennoi politike Rossii na rubezhe XVIII i XIX vv. [The problem of reforms in Russian government policy at the turn of the XVIII and XIX centuries]. Leningrad: Nauka, 1988. 247 p. (In Russ.).
9. Solov'ev K. Khoziain zemli russkoi? Samoderzhavie i biurokratii v epokhu moderna [The owner of the Russian land? Autocracy and bureaucracy in the Modern era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 294 p. (In Russ.).
10. Stepanov V. L. Rossiiskaia dorevoliutsionnaia biurokratii: osnovnye etapy i tendentsii razvitiia (XVII – nachalo XX v.) [Russian pre-revolutionary bureaucracy: the main stages and trends of development (XVII – early XX century)] // Grazhdanskoe obshchestvo: zarubezhnyi opyt i rossiiskaia praktika / pod red. A. E. Lebedeva, A. Ia. Rubinshteina. Saint-Petersburg: Aleteiia, 2011. P. 313–346. (In Russ.).
11. Shevchenko M. M. Pravitel'stvo, narodnoe obrazovanie i gosudarstvennaia sluzhba v Rossii v pervoi polovine XIX v. [Government, public education and public service in Russia in the first half of the XIX century] // Rossiiskaia istoriia. 2010. № 6. P. 57–69. (In Russ.).

УДК 94(47).081

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.02

Могилевский Николай Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент

МГИМО

Москва, Россия

n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-3186-6256

ГУБЕРНАТОРЫ И ЧИНОВНИКИ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1850–60-х гг.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению художественного образа бюрократа (в частности, губернатора), созданному в русской литературе второй половины 1850–60-х гг. В названный период на историческую сцену начал постепенно выдвигаться новый тип чиновника — с иным, чем прежде, нравственным и управленческим этосом. От былой («николаевской») генерации их отличали честность, личная порядочность, обостренное понимание долга перед страной и обществом, неподкупность, нетерпимость к взяткам и коррупции. Именно такой персонаж-чиновник в рассматриваемый период появился в поэзии (Н. А. Некрасов), в драматургии (Н. М. Львов, В. А. Соллогуб) и в прозе (А. Ф. Писемский). Впрочем, некоторые писатели (Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров), признавая появление нового типа государственных служащих, были убеждены, что в их среде по-прежнему преобладают позерство, формализм, бездушие и даже коварство. Однако и первые, и вторые были согласны в одном: в русской жизни появился бюрократ с положительными морально-нравственными характеристиками, идеалами и ценностями.

Ключевые слова: губернаторы, чиновники, литература, Александр II, Лесков, Писемский, Достоевский, Тургенев, этос.

Для цитирования: Могилевский Н. А. Губернаторы и чиновники эпохи Великих реформ в русской литературе 1850–60-х гг. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 19–35. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.02

UDC 94(47).081

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.02

Mogilevskiy Nikolay A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

MGIMO University

Moscow, Russia

n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-3186-6256

**GOVERNORS AND OFFICIALS
OF THE ERA OF GREAT REFORMS
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 1850s – 60s**

Abstract. The article is devoted to the consideration of the artistic image of a bureaucrat (in particular, governors), created in Russian literature of the second half of the 1850s – 60s. During this period, a new type of officials gradually began to emerge on the historical stage — with a different moral and managerial ethos than before. From the former (“Nikolaev”) generation they were distinguished by honesty, personal decency, a heightened understanding of duty to the country and society, incorruptibility, intolerance to bribes and corruption.

Just such a character-official in the period under review appeared in poetry (N. A. Nekrasov), in drama (N. M. Lvov, V. A. Sologub) and in prose (A. F. Pisemsky). However, some writers (F. M. Dostoevsky, I. S. Turgenev, I. A. Goncharov), recognizing the emergence of a new kind of civil servants, were convinced that posturing, formalism, callousness and even deceit still prevail among them. However, both the former and the latter agreed on one thing: a bureaucrat with positive moral characteristics, ideals and values appeared in Russian life.

Keywords: governors, officials, literature, Alexander II, Leskov, Pisemsky, Dostoyevsky, Turgenev, ethos.

For citation: Mogilevskiy N. A. Governors and officials of the era of Great reforms in Russian literature of the 1850-s – 60-s // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 1 (53). P. 19–35. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.02

Введение. Вторая половина 1850-х гг. стала временем бурных перемен, российское общество было словно наэлектризовано слухами (вскоре подтвердившимися) о близкой отмене крепостного состояния. По словам замечательного знатока той эпохи А. А. Корнилова, общественное настроение тогда было «совершенно оптимистическое, необыкновенно розовое и благодушное»¹. Правительство Александра II, отменив ряд реакционных указов последних лет царствования Николая I, завоевало симпатии, а «те круги общества, которые склонны были представлять себе его (Александра II. — Н. М.) реформатором, еще более утвердились в своем представлении и в своих оптимистических чаяниях»².

¹ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 203.

² Там же. С. 204.

Разумеется, литература того времени не могла обойти вниманием эти явления. Писатели чутко фиксировали новые стороны общественной и политической жизни, выводя в своих сочинениях прежде неизвестные типы и характеры. Важное место в произведениях той поры занял чиновник нового типа, появление которого свидетельствовало о переменах в русской общественной жизни.

Нельзя сказать, что литература предшествующего периода не уделяла внимания российской бюрократии. Созданный ею образ — тот самый гоголевский чиновник — был одновременно жалким и отталкивающе-безобразным. Мастерски показывая, высмеивая, но одновременно сострадавая и ужасаясь убогости внутреннего мира российского чиновника, автор «Ревизора» и «Мертвых душ» точно и беспощадно воссоздавал удушающую атмосферу столичных канцелярий и провинциальных присутственных мест, в которых все живое и мало-мальски деятельное было изначально обречено на гибель. Гоголевский чиновник похож на механическую куклу, движимую только страстью к мздоимству и стяжательству. В этом «поношении человека» нет ничего, что делает людей подобием Бога: лишенный души, такой персонаж и лица-то не имеет, вместо которого у него «кувшинное рыло».

В российском общественном сознании во многом благодаря литературе к середине XIX в. сложилось представление о чиновнике как о взяточнике, обманщике, крючкотворе и вымогателе. И это вполне естественно, поскольку в массовом представлении «типизированные литературные образы, подобно реальным историческим явлениям, обретают знаковое значение терминов-символов»³. Художественный образ чиновника — безусловно отрицательный — как бы подменял и замещал собой реального служащего того или иного государственного учреждения. Бюрократы же «положительного склада» в русской литературе появлялись крайне редко⁴. Отчасти это можно объяснить тем, что больше половины русских писателей XIX – начала XX вв. (57 %) происходили из дворянского сословия⁵, которое, как правило, относилось к низшему чиновничеству и его деятельности с презрением и брезгливостью. Усугублялись эти чувства прекрасным знакомством с канцелярским бытом: 68 % писателей-дворян имели опыт гражданской службы, т. е. могли лично убедиться в невысоких моральных и профессиональных качествах российской бюрократии⁶.

И все же был короткий период в истории России, пришедшийся как раз на вторую половину 1850-х, когда даже весьма критически настроенные

³ Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 42.

⁴ Можно вспомнить разве что Однодума (главного героя одноименного рассказа Н. С. Лескова) и действовавшего в том же рассказе реального чиновника С. С. Ланского, тогда костромского губернатора, а в рассматриваемый нами период уже министра внутренних дел.

⁵ Волков С. В. Элитные социальные группы и государственная служба в России. М., 2021. С. 343.

⁶ Там же. С. 344.

к бюрократии литераторы были вынуждены признать изменения в лучшую сторону в моральном облике этого сословия. Тогда чиновник-хапуга несколько отступил с авансены русской литературы (позже, однако, еще более рьяным, чем Гоголь, обличителем бюрократии стал тверской, затем рязанский и снова тверской вице-губернатор М. Е. Салтыков, взявший себе псевдоним Щедрин). Писатели и драматурги вывели в прозе и на сцене новый типаж, отличавшийся от персонажей «Ревизора» и «Мертвых душ» наличием нравственных представлений и общественных идеалов. Правда, ирония, перетекавшая порой в сарказм, при изображении чиновников никуда из литературы не исчезла, хотя сам предмет ее несколько изменился.

Таким образом, задача настоящей статьи — анализ представлений о чиновнике нового типа в русской литературе второй половины 1850-х гг. Обозначение «чиновник» относится в данном случае не столько к служащим низших рангов, сколько к представителям среднего и высшего слоя бюрократии. Особое внимание будет уделено провинциальной администрации — губернаторам и их окружению. В качестве источников нам послужат романы, рассказы и пьесы, написанные непосредственно в рассматриваемую эпоху, а также несколько произведений, созданных хотя и несколько позже (не более чем на 20 лет), но время действия которых при этом совпадает с выбранным периодом⁷.

В исторической науке обращение к анализу литературного образа той или иной социальной группы происходило неоднократно. Из самых заметных работ за последние двадцать лет можно назвать статьи А. А. и А. А. Левандовских⁸, С. С. Секиринского и П. П. Исупова⁹, а также В. П. Смоляковой¹⁰. Внимание ученых к столь непростому, неявному, но очень интересному и богатому источнику, как художественная литература, вполне объяснимо. Как заметил крупнейший дореволюционный историк государства и права, профессор А. Д. Градовский, «изящная литература иногда лучше уясняет предмет, чем целые фолианты актов»¹¹.

Ход и результаты исследования. Моральный облик чиновника и его этические установки формально всегда были в центре внимания высшей власти. В третьем томе Свода законов Российской империи, изданном в 1857 г., можно

⁷ Автор сознательно не включил в круг рассматриваемых литературных произведений повести М. Е. Салтыкова-Щедрина, поскольку они многократно служили предметом анализа темы, затронутой в настоящей статье. См., напр.: *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. Биография. М., 1972.

⁸ *Левандовская А. А., Левандовский А. А.* «Темное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // Отечественная история. 2002. № 1. С. 146–157.

⁹ *Секиринский С. С., Исупов П. П.* Социальный портрет российского губернатора (По художественным зарисовкам русских писателей XIX века) // Россия XXI. 2002. № 6. С. 128–143.

¹⁰ *Смолякова В. П.* Художественная литература как исторический источник для исследования дореформенной России // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2022. № 2. С. 61–71.

¹¹ *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 9. Ч. 3. СПб., 1908. С. 507.

прочсть: «Общие качества каждого лица, состоящего в гражданской службе, и общие обязанности, которые должны быть всегда зеркалом всех его поступков, суть: 1) здравый рассудок; 2) добрая воля в отправлении порученного; 3) человеколюбие; 4) верность к службе Его Императорского Величества; 5) усердие к общему добру; 6) радение о должности; 7) честность, бескорыстие и воздержание от взяток; 8) правый и равный суд всякому состоянию; 9) покровительство невинному и скорбящему»¹². В других статьях этот идеальный, «бумажный», чиновник не должен был брать взятку, а, наоборот, обязывался «ведать все уставы и законы государственные и содержать их в ненарушимой сохранности, яко первый и главный предмет, от которого зависит правое и благонамеренное управление всех дел»¹³ и т. п.

Как можно догадаться, чиновник реальный, особенно провинциальный, имел мало общего с обрисованным в законе «светлым идеалом». Высшее правительство, несмотря на зафиксированные морально-этические требования, предъявляемые к своим слугам, смотрело на явное несоответствие вторых первым сквозь пальцы. Справляется чиновник как-то со своими обязанностями — и ладно. Все равно, рассуждали многие высокопоставленные администраторы, заменить взяточника или вора, состоящего в том или ином ведомстве, зачастую было попросту не на кого¹⁴.

Ситуация с чиновничьей этикой исподволь начала меняться с конца 1840-х. Совпали несколько факторов: постепенно увеличивалось число служащих с высшим образованием (за счет выпускников университетов, Царскосельского лицея, а также Училища правоведения¹⁵); шел небывший, но неизбежный и неотвратимый процесс профессионализации бюрократии, в силу чего этос служащих также изменялся¹⁶; кроме того, в обществе, особенно после смерти Николая I и последовавшей за ней некоторой «оттепелью»¹⁷, все острее ощущался запрос на бичевание пороков прежней системы и все сильнее становился

¹² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 3. Уставы о службе гражданской. СПб., 1857. Тетр. 1. Ст. 1187.

¹³ Там же. Ст. 1190.

¹⁴ Список тех, кто понимал всю порочность чиновничьего мира, но ничего не мог поделать из-за отсутствия кадров, весьма широк: от императора Александра I, в сердцах бросившего П. Д. Киселёву: «Я знаю, что в управлении большая часть людей должна быть перемена, и ты справедлив, что зло происходит как от высших, так и от дурного выбора низших чиновников. Но где их взять? Я и 52 губернаторов выбрать не могу, а надо тысячи...» (цит. по: Корнилов А. А. Указ. соч. С. 105), до одного из лучших губернаторов рассматриваемой эпохи В. А. Арцимовича (см.: Могилевский Н. А. Господа губернаторы. М., 2022. С. 459–460).

¹⁵ См.: Могилевский Н. А. Выпускники Царскосельского лицея во главе губерний накануне отмены крепостного права // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 13–25.

¹⁶ См.: Lincoln W. B. In the vanguard of reform. Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. DeKalb (Ill.), 1982. P. 42–74.

¹⁷ См.: Шевырёв А. П. Оттепель 1855–1857 гг.: от Николаевского времени к эпохе Великих реформ // Российская история. 2022. № 4. С. 46–59.

слышен голос общества. Конечно, не стоит преувеличивать размах этого явления: «новых» чиновников было в общегосударственных масштабах совсем немного, концентрировались они по большей части в столице и лишь изредка обнаруживались в губернских городах. Общественное мнение только зарождалось и не могло серьезным образом скорректировать традиционного мировоззрения основной массы чиновничества. Власть, в свою очередь, относилась к публичным дискуссиям и разоблачениям весьма настороженно (Александр II в письме к брату Константину в феврале 1859 г.: «Вообще все спокойно, хотя умы еще все в большом волнении как от всех занимающего крестьянского вопроса, так и от необузданности нашей безрассудной литературы, которой давно пора было положить узду»¹⁸). Наконец, сам базис российской бюрократической системы никаких изменений не претерпел, да они и не планировались.

Однако появление «нового чиновника» незамеченным не прошло. И среди первых, возвестивших его появление, были литераторы. Губернатор (и вообще чиновник) нового склада выглядел особенно эффектно по контрасту с бюрократами «старого пошиба» — с теми, кто неизбежно должен был уйти в прошлое. Именно на их фоне ярче проявлялись черты, нравы и образ мысли бюрократов «новой волны».

Губернаторы и чиновники «старой волны». Каким же писателям середины XIX столетия представлялся губернатор «старой школы»? Он происходил из того времени, о котором с теплой иронией писал Н. С. Лесков: «Губернаторы сидели в своих центрах, как царьки: доступ к ним был труден, и предстояние им “сопряжено со страхом”; они всем норовили говорить “ты”, все им кланялись в пояс, а иные, по усердию, даже земно; протопопы их “сретали” с крестами и святою водою у входа во храмы, а подрукавная знать чествовала их выражением низменного искательства и едва дерзала, в лице немногих избранных своих представителей, просить их “в восприемники к купели”. И они, даже когда соглашались снизойти до такой милости, держали себя царственно: они не ездили крестить сами, а посылали вместо себя чиновников особых поручений или адъютантов, которые отвозили “ризки” и принимали почет “в лице пославшего”. Все тогда было величественно, степенно и серьезно, под стать тому доброму и серьезному времени, часто противопоставляемому нынешнему времени, не доброму и не серьезному»¹⁹. Величественные, полные чувства собственного достоинства, губернаторы, по словам того же Лескова, «ездили “страшно”, а встречали их “претрепетно”». «Течение их совершалось в грандиозной суете, в которой работали не только все младшие начальства и власти, но даже и чернь, и четвероногие скоты»²⁰. Грозен был губернатор старой эпохи и для героев гончаровского «Обрыва»: «Прежний губернатор,

¹⁸ 1857–1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 88.

¹⁹ Лесков Н. С. Однодум // Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 2. М., 1989. С. 10.

²⁰ Там же. С. 21.

старик Пафнутьев, при котором даже дамы не садились в гостях прежде, нежели он не сядет сам, взыскал бы с виновных за одно неуважение к рангу...»²¹.

Патриархальность отношений — вообще отличительная черта губернаторов (и шире — чиновников) «старой закалки». Они непроизвольно копировали манеру поведения венценосного начальника — императора Николая I, — лично вникавшего во всех детали и тонкости любых дел. Они не ставили себе задачей бороться за верховенство закона и права, а старались «зреть в корень»; пытались делать вид, что их волнуют не бумаги (Свод законов в их понимании — высшее выражение триумфа «юристов-крючкотворов»), а люди. Судили они не по праву, а «по совести», доверяя собственным представлениям о добре и зле. Именно такого губернатора, Базарьева, встречает главный герой романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» Калинович, получивший назначение вице-губернатором. Писемский одним из первых не только уловил появление «новой волны» чиновников, но и прямо столкнул ее представителей с губернаторами и «чернильным отродьем» прежних времен. Базарьев в одной из бесед с Калиновичем формулирует свое управленческое credo: «Мой чиновник должен быть второй я. Мое правило такое: ревизуя, я не смотрю на эти их бумаги: это вздор, дело второстепенное — я изучаю край, смотрю на его потребности. Если нет на чиновника жалоб — значит, хорош. Конечно, тут надобно смотреть, кто жалуется. Извешам этих клязников из мешанишек, из выгнанных приказных я не только не даю ходу, а напротив, их самих стараюсь прихлопнуть. Это своего рода зараза, которой если дать распространиться, так никому от нее покоя не будет. Но, если вам жалуется помещик, купец — человек порядочный, значит, чиновник вывел его из терпения — и тут уж у меня пощады нет. Не губерния для нас, а мы для губернии существуем; значит, нами должны быть довольны; вот моя система!»²².

Однако за величавой степенностью, отеческой заботой о губернии и ее населении, подчеркнутым желанием сделаться полезным краю, а не превратить его в источник собственного обогащения зачастую скрывалась натура хищническая, почти разбойничья, как у главного героя святочного рассказа Лескова «Белый орел». В «умном и ловком» его персонаже современники узнавали скандально знаменитого пензенского губернатора А. А. Панчулидзева, управлявшего губернией целых 28 лет (1831–1859). В рассказе он выписан удивительно точно и даже почти документально: «...До Петербурга стали доходить слухи о многих злоупотреблениях власти губернатора П-ва. Злоупотребления эти были обширны и касались почти всех частей управления. Писали, будто губернатор собственноручно бил и сек людей; забирал вместе с предводителем для своих заводов всю местную поставку вина; брал произвольные ссуды из приказа; требовал к себе для пересмотра всю почтовую корреспонденцию — подходящее отправлял, а неподходящее рвал и метал в огонь, а потом мстил

²¹ Гончаров И. А. Обрыв. М., 1988. С. 371.

²² Писемский А. Ф. Тысяча душ. Петрозаводск, 1955. С. 373.

тем, кто писал; томил людей в неволе. А при этом он был, однако, артист; содержал большой, очень хороший оркестр, любил классическую музыку и сам превосходно играл на виолончели»²³.

Именно такие губернаторы — величавые, одновременно простые и недоступные, воспринимающие население губерний как «детей малых и неразумных», но при этом не забывающие о собственном кармане — и запечатлелись надолго в массовом сознании как своего рода эталон. Слуга Филипп в комедии Н. М. Львова «Свет не без добрых людей» вспоминает об одном таком типическом (скорее даже архетипическом) начальнике губернии: «Губернатору надо быть, чтобы как есть губернатор... одно слово: вельможа. А мы что? Здесь-то должны-должны, да и в губернию приедем занимать? Опять хошь бы и губернатору: ему тоже надуть во всяком деле сноровку знать; а мы вот и своими мужичонками не управили, да поедем губернией заправлять... Тоже было время, служили мы с покойником барином и в губернии; всего было довольно; видали всяких губернаторов. Так тогда опять не те же и порядки были. Был, вон, у нас, царство ему небесное, Иван Васильич губернатор, душа добреющая! вельможа этакая, что и не найдти!.. Тоже был у него секретарь — управитель канцелярии называется по-нонышнему, то голова был человек!.. Ну а уж насчет этого (*делает знак в карман*) мое почтение!.. Известно, у доброго человека секретарю, что у Христа за пазушкой, малина житье! <...> Каков есть табак нюхательный, так и того на грош не покупывал; а деньги — это опять само по себе... Вот, бывало, губернатор-то глядит-глядит на него, да вдруг, ни с того ни с сего, ему и хватит: “А что, братец, мы с тобой свои люди — сочтемся; нужно бы мне признать тысяч двадцать пять; ужо, говорит, принесешь вечером... ну а там после как знаешь”, значит наверстывай... Да, так-то! Нет, ноне, брат, этак-то — шалишь!..»²⁴.

²³ Лесков Н. С. Белый орёл // Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 5. М., 1989. С. 444. Лесков, по видимости, черпал знания о хозяине Пензенской губернии из воспоминаний И. В. Селиванова (см.: Эпоха Николая I / под ред. М. О. Гершензона. М., 1911. С. 38–42). Однако и современные Панчулидзеву официальные лица аттестовали его примерно так же. Например, ревизовавший Пензенскую губернию сенатор С. В. Сафонов докладывал министру внутренних дел, что губернатор приобрел влияние «на большую часть дворян и на всех служащих чиновников, так что производству дел в присутственных местах вообще дает направление сообразно своим видам, которые, по мнению многих жителей не только Пензенской, но и соседних губерний, не отличаются ни бескорыстием, ни строгой справедливостью». При этом проверяющему приходилось признавать, что ловкостью хозяин губернии обладал невероятной: «При всех моих тщательных изысканиях я не мог удостовериться положительными фактами в личном участии тайного советника Панчулидзева в злоупотреблениях и корыстных действиях» (см.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 982. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 16 об.). А местный жандармский офицер и вовсе аттестовал Панчулидзева как человека «очень умного, хитрого, ласкового, ловкого, представительного, сведущего в делах, обладающего большим тактом и навыком в управлении губернией» (см.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 19 (1-я экспедиция). Д. 247. Ч. 33. Л. 78).

²⁴ Львов Н. М. Свет не без добрых людей. Комедия в трех действиях // Отечественные записки. 1857. Т. 111. Ч. 3. С. 3–4.

Под статью губернаторам были и начальники поменьше. В романе И. И. Лажечникова «Беленькие, черненькие и серенькие» жители уездного городка долго приноравливались к новому городничему и его секретарю (письмоводителю), обложившему всех просителей и «вообще граждан» нешуточной данью. Но вскоре новые порядки начали горожанам даже нравиться: «Вскоре граждане обучились считать городничего и его штат какою-то законною повинностью. Нового письмоводителя начали также провозглашать благодетелем человечества и говорили при этом: “Вот и Насон Моисеич, дай Бог ему царствие небесное! Уж не добрая ли была душа... а все-таки бывало гнет на закон. Все упрашивал, чтобы купцы не скупали ничего за заставами”²⁵. Это, говорит, какое-то манноболие!»²⁶ Видно, по-малороссийски или по-чухонски, прости Господи! Неравно, говорит, приедет ревизор, меня и вас всех упечет под суд. Толку что в нем, что честный — ни себе ни людям! А этот — молодец, никого не боится, любит взять, да и нашему брату любит дать поживу”»²⁷. На смену этим патриархальным губернаторам и его сотрудникам во второй половине 1850-х гг. шел совершенно иной тип чиновника.

Губернаторы и чиновники «новой волны»: бочка меда. Во многом образ «нового чиновника» строился на контрасте с предыдущей генерацией бюрократов. Если те были величавы и даже спесивы — эти демократичны и доступны; если те судили «по совести» — эти руководствовались законом; если те брали взятки и устанавливали поборы — эти с ними непримиримо боролись. Выражаясь словами героя комедии В. А. Соллогуба Надимова, главными свойствами новых служащих были качества «отрицательные»²⁸: «У нас нужны чиновники честные, грамотные, толковые и прилежные. Для меня все эти достоинства отрицательные. Я имею состояние, кое-чему учился, много видел и не отвлекаюсь от занятий, потому что ничего не ищу и не желаю. Счастье — дело случайное; польза — открытая цель. Я убедился, что для России нужны не чиновники по названию, а чиновники по делу; оттого я и определился на службу, что я в ней не нуждаюсь, (*с достоинством*) но что она во мне нуждается»²⁹. Служба в глазах чиновника такого рода не развлечение («Шуточных обязанностей не бывает», — назидательно говорит Надимов графине), не способ обогатиться, а единственный выбор человека, образованного и честного. О том же с некоторым пафосом говорит Лисицкий из комедии Львова: «А возьмите вы

²⁵ По всей видимости, имеется в виду запрет на скупку товаров за пределами города, что позволяло покупать дешево, а продавать втридорога.

²⁶ Т. е. монополия.

²⁷ Лажечников И. И. Беленькие, черненькие и серенькие. Коломна, 2010. С. 90–91.

²⁸ Именно так их определял, скажем, И. С. Аксаков, служивший секретарем 2-го отделения 6-го департамента Сената. В письме к князю Оболенскому в 1845 г. он сообщал: «Я решительно убеждаюсь, что на службе можно приносить только две пользы: 1) отрицательную, т. е. не брать взятки, 2) частную, и то только тогда, когда позволишь себе нарушить закон» (см.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Т. 1. М., 1888. С. 227).

²⁹ Соллогуб В. А. Чиновник. Комедия в одном действии // Вырезка из журн. «Библиотека для чтения». СПб., 1856. № 3. С. 16.

долг гражданина, человека, преданного вполне своему отечеству, и скажите сами, мог ли я не служить?..»³⁰.

Отношения с законом этих персонажей подчеркнута уважительны, даже где-то формализованы. Население, еще не успевшее привыкнуть к новому типу управленца, частенько ждет по старой памяти, что они решат дело «по совести». Но в ответ на просьбы такого рода получает решительный отказ. Старушка-помещица в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» умоляет губернатора Абреева «пугнуть хорошенько» ее сына за то, что тот требует от нее переписать имение на себя. Казалось бы, ситуация вполне однозначная, но Абреев неумолим: «Никакого права не имею даже вызывать его к себе! Вам гораздо бы лучше было обратиться к какому-нибудь другу вашего дома или, наконец, к предводителю дворянства, которые бы внушили ему более честные правила, а никак уж не ко мне, представителю только полицейско-хозяйственной власти в губернии!» Старушка продолжает настаивать, говоря, что и с мужем частенько «неудовольствия имела», и «сколько раз к Ивану Алексеичу (прежнему губернатору. — Н. М.) обращалась; он его иногда по неделе, по две в частном доме (т. е. в полицейском участке. — Н. М.) держал.

Абреев опять пожал плечами.

— То было, сударыня, одно время, а теперь другое! — произнес он»³¹.

Если в прежние времена служба в провинции считалась для молодого человека чем-то вроде ссылки (и могла быть оправдана только возможностью набить карман за счет поборов купцов или откупщиков), то чиновники нового типа не брезгают любыми, даже не самыми почетными, включая глухую провинцию, назначениями. Они убеждены, что честный и образованный человек может (вернее, обязан!) приносить пользу повсюду. Именно горячая любовь к отчизне, выражаемая в честной, бескорыстной и, главное, полезной для общества службе является высшей добродетелью нового поколения бюрократии. Писатели и драматурги старательно пытаются постичь мотивацию этого поколения, задавая им устами других персонажей вопросы, бывшие на языке у многих:

«Графиня: Странно!.. И вы служите в губернии? В вас нет честолюбия?

Надимов: Нет-с».

Надимова вдохновляет «любовь к нашему отечеству», «любовь к России».

Графиня в недоумении: «Как? — и только?..

Надимов: И только. Чего же больше?.. Этого чувства, кажется, на всю жизнь хватит, с излишком даже... (Молчание.)

Графиня. Вы, однако же... очень странный человек!»³².

Конечно, таким героям сложно избежать обвинений в чрезмерном пафосе или неискренности. Но они уверены: только так можно вытащить страну

³⁰ Львов Н. М. Указ. соч. С. 10–11.

³¹ Писемский А. Ф. Люди сороковых годов // Собрание сочинений в девяти томах. Т. 5. М., 1959. С. 411.

³² Соллогуб В. А. Указ. соч. С. 17.

из ямы, в которой она оказалась за предыдущие годы. Показателен монолог того же Надимова, произнесенный им в присутствии графини: «Надо вникнуть в самих себя, надо исправиться, надо крикнуть на всю Россию, что пришла пора — и, действительно, она пришла, — искоренить зло с корнями. Теперь словами не поможешь, надо действовать... и лучшее порицание дурному — пример хорошего, надо, чтобы каждый из нас, кто дорожит честью своего края, пожертвовал собой и, не гнушаясь мелких должностей, в себе показывал бы другим образец. Начало уже сделано; время окончить начатое... и бог нас благословит». На вопрос «Но как же?» Надимов поясняет: «Не скоро делаются великие перевороты! Но начало положено; теперь каждый честный человек уже оттесняет собой взяточника; это главное... Тот, кто служит по совести, уже вознагражден сознанием, что он ведет нас к исправлению, для нас необходимо, что он искореняет старинный разврат и недаром носит имя русского! Вот отчего я служу, графиня! Вот отчего каждый, кто чувствует в себе силу и волю, должен у нас служить»³³.

В том же духе высказывается и Калинович — главный герой романа Писемского. Назначенный исполняющим должность губернатора в одну из областей Центральной России, он собрал чиновников и обозначил им главные принципы службы (даже служения), которыми они отныне должны руководствоваться: «Всякий, конечно, из нас понимает, что единственными руководителями каждого благонамеренного чиновника должны быть закон, его собственный здравый смысл и, наконец, полная готовность делать добро. Никаких других побуждений он иметь не должен...»³⁴.

В качестве одного из главных пороков прежнего положения вещей администраторы новой генерации небезосновательно видели взяточничество, мздоимство и вообще стремлении к несправедливой наживе. Кажется, что если будет побеждено это извечное и всеобъемлющее зло, то Россия сможет встать на нормальный путь развития. Само собой, чтобы искоренить эти социальные язвы, прежде всего нужно самим не поддаваться соблазнам. И у носителей нового служебного этоса это в целом неплохо выходит. Об этом на самой заре предреформенной поры размышлял Н. А. Некрасов в стихотворении «Маша» (1855): «А столичная жизнь дорога! / Есть, конечно, прекрасное средство: / Под рукою казенный сундук; / Но испорчен он был с малолетства / Изученьем опасных наук. / Человек он был новой породы: / Исключительно честь понимал / И безгрешные даже доходы³⁵ / Называл воровством, либерал!..»³⁶.

³³ *Соллогуб В. А.* Указ. соч. С. 27.

³⁴ *Писемский А. Ф.* Тысяча душ. С. 458.

³⁵ Безгрешными доходами чаще всего называли поборы губернаторов и иных чиновников с откупщиков: «По делам он (казанский губернатор С. С. Стрекалов. — *Н. М.*), правда, взятка не брал, но с откупщиков получал ежегодную дань. Это считали в то время доходом безгрешным» (см.: *Эпоха Николая I.* С. 34).

³⁶ *Некрасов Н. А.* Сочинения: в 3 т. Т. 1. М., 1959. С. 95.

Корысть и стремление к «нечистым» деньгам проникла во все сферы общественной жизни, и этот факт особенно огорчал и наполнял праведным гневом чиновников «новой волны». Главный герой комедии Н. М. Львова Лисицкий произносил фразу, которая могла бы стать манифестом всего нового поколения госслужащих: «Отечество нуждается в людях бескорыстных; корысть и жажда приобретения, не разбирая средств, заглушили в людях даже малейшее чувство самолюбия...»³⁷. Ему вторит и герой произведения В. А. Соллогуба Надимов, дающий гневную отповедь почтенному полковнику Стрельскому и некоему Дробинкину за то, что те хотели предложить ему взятку: «Позвольте спросить: отчего же, как только дело коснулось до моей служебной обязанности, потому что я губернский чиновник и в небольшом чине, — мне предлагают тотчас же продать мою совесть, так же просто и естественно, как у другого человека спросят о его здоровье?» Надимову приходится признать, что в этом виноваты не столько незадачливые взяточдавцы, сколько сама атмосфера, царящая вокруг чиновников в стране: «И к горю моего звания, я должен сказать, что я и обижаться не вправе, пока будут у нас взяточники. Они-то и распространили между нами какое-то странное начало равнодушной безнравственности!»³⁸.

Чиновники с новыми этическими установками не только сами не берут взятки, но и не дают этого делать подчиненным³⁹, полностью меняя «освященные веками» правила. И, естественно, встречаются с глухим, но отчаянным сопротивлением бюрократической среды. Один из таких прожженных плутов-чиновников (разжалованный из секретарей именно за взятки) сетовал: «Исстари было там заведено, что, коли проситель пришел, прямо идет в отделение; там сделают ему какую-нибудь справочку, он рублик либо два — все уж беспременно в стол даст; а нынче и думать забудь: собаки посторонней в канцелярские комнаты не пустят. Как арестанты какие-нибудь сидят запертыми! Коли кто из публики пришел, сейчас пожалуй в присутствие; туда для него дело вынесут и все, что надо, прочтут и объяснят. Когда бывали в каком присутственном месте такие порядки? Ведь это значит у служащего последний кусок отнимать!»⁴⁰.

Губернаторы и чиновники «новой волны»: ложка дегтя. Не стоит, впрочем, думать, что литераторы создавали исключительно положительный образ чиновника нового образца. За внешним демократизмом этих до того невиданных в России бюрократов, их стремлением к законности и вежливостью

³⁷ Львов Н. М. Указ. соч. С. 29.

³⁸ Соллогуб В. А. Указ. соч. С. 26.

³⁹ Тут нельзя не упомянуть об одном из лучших губернаторов рассматриваемого периода, К. К. Гроте, выпускнике Царскосельского лицея, считавшем, что в мздоимстве виноваты трое: дающий взятку, берущий ее и начальник берущего. В одном из писем он лаконично сформулировал свое credo: «Мало того не брать самому. Надо раскрыть глаза и относительно других» (см.: Могилевский Н. А. Указ. соч. С. 422).

⁴⁰ Писемский А. Ф. Тысяча душ. С. 426.

с подчиненными писатели подчас умели разглядеть совсем иное: желание присовокупиться, формализм, коварство или, наоборот, полное равнодушие к окружающим. Прозаики и драматурги не только делали зримой эту подноготную, но и беспощадно высмеивали носителей подобных черт.

Больше всего доставалось тем, кто хотел прослыть либералом и демократом в самом широком смысле этих слов, а на деле оказывался лишь ловким конъюнктурщиком, видевшим для себя служебные выгоды в подобной самопрезентации. Таков, например, второстепенный, но достаточно типичный персонаж романа «Отцы и дети» Матвей Иванович Колязин. Для его характеристики И. С. Тургенев не жалеет иронии: «Он был тоже из “молодых”, то есть ему недавно минуло сорок лет, но он уже метил в государственные люди и на каждой стороне груди носил по звезде. Одна, правда, была иностранная, из плохоньких. Подобно губернатору, которого он приехал судить, он считался прогрессистом и, будучи уже тузов, не походил на большую часть тузов. Он имел о себе самое высокое мнение; тщеславие его не знало границ, но он держался просто, глядел одобрительно, слушал снисходительно и так добродушно смеялся, что на первых порах мог даже прослыть за “чудного малого”. В важных случаях он умел, однако, как говорится, задать пыли. “Энергия необходима, — говаривал он тогда, — *l'énergie est la première qualité d'un homme d'état*»⁴¹; а со всем тем он обыкновенно оставался в дураках, и всякий несколько опытный чиновник садился на него верхом»⁴².

За напускным демократизмом Колязина ничего не стоит. Более того, он воспитан куда хуже чиновников старой школы. Принимая Базарова и молодого Кирсанова, Колязин был приветлив, но «не посадил их и сам не сел. Он вечно суетился и спешил; с утра надевал тесный вицмундир и чрезвычайно тугой галстук, недоедал и недопивал, все распорядился. Его в губернии прозвали Бурдалу, намекая тем не на известного французского проповедника⁴³, а на бурду. Он пригласил Кирсанова и Базарова к себе на бал и через две минуты пригласил их вторично, считая их уже братьями и называя Кайсаровыми»⁴⁴.

Недалеко от него ушел и губернатор из лесковских «Соборян». Конечно, в этом случае надо делать скидку на взгляды самого Н. С. Лескова (более близкие к почвенническим, чем к демократическим), однако стоит согласиться: не только идейные разногласия побуждали писателя вывести в романе такую личность: она была типической для конца 1850-х, особенно в русской провинции. С некоторым ехидством живописует Лесков этого «нового чиновника», обладающего всеми отличительными чертами той бурной эпохи: он молод, учился в элитной «кузнице кадров» (Императорском училище правоведения), но при этом совсем не знает жизни: «...Из Петербурга в первый раз всего

⁴¹ Энергичность есть первое качество государственного человека (фр.).

⁴² Тургенев И. С. Отцы и дети // Избранное. Т. 2. Л., 1958. С. 503.

⁴³ Имеется в виду Луи Бурдалу (1632–1704) — французский духовный оратор, член ордена иезуитов.

⁴⁴ Там же. С. 505.

выехал, что сейчас на нем и заметно, ибо все его интересует»⁴⁵. Он не устает подчеркивать свой демократизм и приверженность соблюдению законов (хотя и здесь сильно чувствуется авторская ирония): «Рассказывают, что один помещик ездил к губернатору жаловаться на неисполнение крестьянами обязательств; губернатор, остановив поток его жалоб, сказал: “Прошу вас, говоря о народе, помнить, что я демократ”»⁴⁶.

И совершенно беспощадна лесковская насмешка над «демократичным» губернатором «новой волны» в истории с просом. Не зная верно, что означает это слово, губернатор ведет абсурдный диалог с правителем собственной канцелярии, заметившим начальнику, что наблюдаемый в некоторых уездах голод «еще не есть настоящий голод; ибо хотя там хлеб и пропал, но зато изрядно родилось *просо* (здесь и далее курсив Лескова. — Н. М.)». «“Что такое *просо*?” — воскликнул губернатор. “Просо — суррогат хлеба”, — отвечал ученый правитель вместо того, чтобы просто сказать, что из проса кашу варят, что, может статься, удовлетворило бы и нашего правоведа, ибо он должен быть мастер варить кашу. Но, однако, случилось так, что сказано ему “суррогат”. “Стыдитесь, — возразил, услышав это слово, вышнесполитик, — стыдитесь обманывать меня, когда стоит войти в любую фруктовую лавку, чтобы знать, на что употребляется просо: в просе виноград взят!”»⁴⁷.

Еще хуже незнания жизни — желание спрятаться от нее под защитой закона и им мерить действительность; иными словами, формализм (когда высшим руководством к действию является не дух закона, а его буква), бросавшийся в глаза многим. Писемский выводит типичный образ правителя губернаторской канцелярии Абреева — нагловатого молодого человека, «не очень, как видно, умного из лица, в пиджаке, с усами и бородой». Он вел себя развязно и даже фамильярно по отношению к своему начальнику, но тот его терпел, поскольку «не хотел брать какого-нибудь старого дельца, а именно хотел иметь около себя человека молодого, честного, симпатизирующего всем этим новым идеям, особенно ввиду освобождения крестьян»⁴⁸.

Вполне типичен и диалог между ними:

«— Тут-с дело не в справедливости, — толковал с важностью молодой человек, — а в принципе.

Фигура Абреева выражала вся как бы недоумение.

— Каким же образом писать это в донесении, когда все факты говорят противное? — произнес он.

— Факты представляют временную, случайную справедливость, а принцип есть представитель вечной и высшей справедливости, — возражал ему правитель канцелярии.

⁴⁵ Лесков Н. С. Соборяне // Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 1. М., 1989. С. 111.

⁴⁶ Там же. С. 112.

⁴⁷ Там же. С. 113.

⁴⁸ Писемский А. Ф. Люди сороковых годов. С. 412.

Абреев все-таки, как видно, недоумевал.

— Поставьте вопрос так-с! — продолжал правитель канцелярии...»⁴⁹.

В приведенных выше цитатах перед нами предстает несколько иной по сравнению с идеальным образ чиновника «новой генерации»: плохо воспитанный, лицемерный, ничего толком не умеющий и не знающий позер и формалист, недалекий, совершенно не ведающий реальной жизни человек. Не свободен он и от одного из главных грехов бюрократов «старой волны»: пуще всего на свете боится окрика или наказания из столицы. Таким образом, все его усилия сводятся к тому, чтобы «в Петербург никаких историй не доходило». Именно поэтому губернатор в «Обрыве» И. А. Гончарова делает выговор главному герою (Райскому), прося того быть осторожнее, но в Петербург при этом не доносит, чтобы «не возбуждать там вопроса»⁵⁰.

Не стоит думать, что такие типажи встречались исключительно в русской провинции. Ими были полны и министерские кабинеты в Петербурге. Там появление подобных персонажей беспощадно и точно зафиксировал Ф. М. Достоевский. В его рассказе «Скверный анекдот» главный герой, Иван Ильич Пралинский, как раз из таких начальников «нового типа»: «Но обновляющаяся Россия подала ему вдруг большие надежды. Генеральство их довершило. Он воспрянул; он поднял голову. Он вдруг начал говорить красноречиво и много, говорить на самые новые темы, которые чрезвычайно быстро и неожиданно усвоил себе до ярости. Он искал случая говорить, ездил по городу и во многих местах успел прослыть отчаянным либералом, что очень ему льстило»⁵¹. Под влиянием наступившей эпохи ему хочется быть демократичнее, доступнее, ближе к подчиненным — таким отцом-командиром, без излишнего амикошонства, но с «истинным человеколюбием». «Нет-с, пора, давно уж пора было, — продолжал он с азартом. — Слишком опоздали-с, и, на мой взгляд, гуманность — первое дело, гуманность с подчиненными, памятуя, что и они человеки. Гуманность все спасет и все вывезет...»⁵².

Пралинскому видятся самые радужные перспективы такого поведения: «...Разумеется, я, как джентльмен, на равной с ними ноге и отнюдь не требую каких-нибудь особенных знаков... Но нравственно, нравственно — дело другое: они поймут и оценят... Мой поступок воскресит в них всё благородство... <...> Назавтра я опять строг, назавтра я опять взыскателен, даже неумолим, но все они уже знают, кто я такой. Душу мою знают, суть мою знают: “Он строг как начальник, но как человек — он ангел!”»⁵³. В итоге появление (изначально случайное) Пралинского на дне рождения одного из подчиненных приводит ровно к обратным результатам: присутствием начальства все явно тяготятся,

⁴⁹ Там же. С. 413.

⁵⁰ Гончаров И. А. Обрыв. М., 1988. С. 486.

⁵¹ Достоевской Ф. М. Скверный анекдот // Полное собрание сочинений: канонические тексты. Т. 5. Петрозаводск, 2004. С. 10.

⁵² Там же. С. 11.

⁵³ Там же. С. 19.

а сам он чувствует себя ужасно и совершенно теряется. Никакого единения со служащими не получается, и в итоге Пралинский убеждается, что с подчиненными нужна «строгость, одна строгость и строгость».

Заключение. Новое поколение чиновников, носителей иного служебного этоса, появившееся в середине 1850-х, создало в русской литературе галерею необычных лиц. Редко они удостаивались чести оказаться хотя бы второстепенными персонажами произведений, но присутствовали в них практически всегда. Их положительные черты — истинный гуманизм, желание служить делу, а не лицам, бескорыстие, неподкупность, стремление уважать закон, равный для всех, — вызывали симпатию и даже некоторое удивление у тех, кто помнил николаевских администраторов, гоголевских ляпкиных-тяпкиных и земляник. Однако о единодушном доверии писателей к новому типу бюрократов говорить не приходится. Многие литераторы, не отрицая появления действительно достойных и честных людей на государственной службе, как бы напоминали, что не стоит обольщаться: чиновники нового склада далеко не идеальны. У них хватает недостатков, присущих прежним поколениям и собственным. Однако тенденция была бесспорна: смена поколений чиновничьего мира ощущалась явственно во всех слоях общества и литература лишь фиксировала это явление, имевшее серьезные и весьма разнообразные последствия для истории страны.

Литература

1. Волков С. В. Элитные социальные группы и государственная служба в России. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Университет Дмитрия Пожарского. 2021. 408 с.
2. Левандовская А. А., Левандовский А. А. «Тёмное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // Отечественная история. 2002. № 1. С. 146–158.
3. Могилевский Н. А. Выпускники Царскосельского лицея во главе губерний накануне отмены крепостного права // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 13–25. DOI: 10.37724/RSU.2022.76.3.002
4. Могилевский Н. А. Господа губернаторы. М.: Прометей, 2022. 880 с.
5. Смолякова В. П. Художественная литература как исторический источник для исследования дореформенной России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2022. № 2. С. 61–71. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.05
6. Шевырёв А. П. Оттепель 1855–1857 гг.: от николаевского времени к эпохе Великих реформ // Российская история. 2022. № 4. С. 46–59. DOI: 10.31857/S0869568722040057
7. Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49.
8. Lincoln W. B. In the vanguard of reform. Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. DeKalb (Ill.): Northern Illinois univ. press, 1982. 319 p.

References

1. Volkov S. V. *Elitnye sotsial'nye gruppy i gosudarstvennaia sluzhba v Rossii* [Elite social groups and civil service in Russia]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke; Universitet Dmitriia Pozharskogo. 2021. 408 p. (In Russ.).
2. Levandovskaia A. A., Levandovskii A. A. «Temnoe tsarstvo»: kupets-predprinimatel' i ego literaturnye obrazy ["Dark Kingdom": merchant-entrepreneur and his literary images] // *Otechestvennaia istoriia*. 2002. № 1. P. 146–158. (In Russ.).
3. Mogilevsky N. A. *Vypuskniki Tsarskosel'skogo litseia vo glave gubernii nakunune otmeny krepostnogo prava* [The graduates of the Imperial Lyceum as governors on the eve of the Emancipation Reform] // *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022. № 3 (76). P. 13–25. DOI: 10.37724/RSU.2022.76.3.002 (In Russ.).
4. Mogilevsky N. A. *Gospoda gubernatory* [Gentlemen governors]. Moscow: Prometei, 2022. 880 p. (In Russ.).
5. Smolyakova V. P. *Khudozhestvennaia literatura kak istoricheskii istochnik dlia issledovaniia doreformennoi Rossii* [Fiction as a historical source for the study of pre-reform Russia] // *MCU Journal of Historical Studies*. 2022. № 2. P. 61–71. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.05 (In Russ.).
6. Shevyrev A. P. *Ottepel' 1855–1857 gg.: ot nikolaevskogo vremeni k epokhe Velikikh reform* [The thaw of 1855–1857: from the epoch of Nicholas I to the epoch of Great reforms] // *Rossiiskaia istoriia*. 2022. № 4. P. 46–59. DOI: 10.31857/S0869568722040057 (In Russ.).
7. Shmidt S. O. *Pamiatniki khudozhestvennoi literatury kak istochnik istoricheskikh znaniia* [Monuments of fiction as a source of historical knowledge] // *Otechestvennaia istoriia*. 2002. № 1. P. 40–49. (In Russ.).
8. Lincoln W. B. *In the vanguard of reform. Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861*. DeKalb (Ill.): Northern Illinois univ. press, 1982. 319 p.

УДК 930.23

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.03

Виноградов Алексей Евгеньевич

кандидат исторических наук

независимый исследователь

Москва, Россия

alwynor@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3041-4103

**РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ:
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

Аннотация. Последствия присоединения к Российской империи Центральной, а также Средней Азии рассматриваются в российской историографии в основном в контексте положительных и отрицательных сторон этого процесса для присоединенных регионов. Последствия для самой империи оцениваются в основном с использованием устаревших и некорректных данных, из которых делается вывод о том, что расширение ее на юго-восток было выгодным предприятием. Историография находится под влиянием советской традиции и догматов исторического материализма, предписывавших искать «объективные плюсы» в любых процессах национально-государственного строительства. Сумма финансовых, экономических показателей, итоги военных операций и дипломатических переговоров свидетельствуют о том, что завоевание региона принесло России скорее расходы и усиление внутренней и внешней нестабильности.

Ключевые слова: Российская империя, Средняя Азия, территориальный рост, колонии, доходы, дотации, геополитика.

Для цитирования: Виноградов А. Е. Российская империя в Средней Азии: причины и последствия // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 36–48. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.03

UDC 930.23

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.03

Vinogradov Aleksey E.

Candidate of Historical Sciences

Independent Researcher

Moscow, Russia

alwynor@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3041-4103

**RUSSIAN EMPIRE IN CENTRAL ASIA:
CAUSES AND CONSEQUENCES**

Abstract. The consequences of the annexation of Central Asia to the Russian Empire are considered in Russian historiography mainly in the context of the positive and negative aspects of this process for the annexed regions themselves. The consequences for the empire itself are

estimated mainly using outdated and incorrect data, from which it is concluded that expanding it to the southeast was a profitable enterprise. Historiography is under the influence of the Soviet tradition and the dogmas of historical materialism, which ordered to look for “objective pluses” in any process of nation-state building. The sum of financial and economic indicators, the results of military operations and diplomatic negotiations indicates that the conquest of the region brought Russia more expenses and increased internal and external instability.

Keywords: Russian Empire, Central Asia, territorial growth, colonies, income, subsidies, geopolitics.

For citation: Vinogradov A. E. Russian empire in Central Asia: causes and consequences // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 1 (53). P. 36–48. DOI: 10.25688/2076-9105.2024.53.1.03

Введение. Для Российской империи XIX в. ознаменовался достижением огромного территориального роста, в первую очередь за счет Центральной и Средней Азии. Этот процесс, ставший завершающим этапом в формировании огромного пространства империи, не мог не породить множества вопросов о причинах и последствиях этого явления для самой России.

Дореволюционная и советская историография меньше обращали внимания на последствия экспансии России, отдавая приоритет ее геополитическим и экономическим причинам, в меньшей степени — совокупности служебных интересов военачальников¹.

В трудах советских историков последствия упоминались скорее вскользь, причем на первое место ставилась возможность для местных народов «с помощью великого русского народа прийти к социализму, минуя мучительную капиталистическую стадию»².

Любопытно, что и современные историки акцентируют внимание в основном на побудительных причинах наступления России на Туркестан, причем, как констатировала автор крупного историографического обзора проблемы, у исследователей в этом вопросе нет единства³. Нет полного единства и в том, что, собственно, считать географическим объектом исследования. Традиция советской историографии склонна разделять историю подчинения Центральной и Средней Азии. Но, как и часть зарубежных исследователей, рассматривающих присоединение степных районов и Южной Центральной Азии как относительно единый процесс⁴, так нередко и в Российской империи, и сейчас ряд авторов в историческом контексте воспринимают их как единое направление⁵.

¹ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.) М., 1965. С. 424.

² Там же. С. 43.

³ Брежнева С. Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России: вторая половина XIX в. – начало XXI в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 41.

⁴ Morrison A. The Russian conquest of Central Asia. A study of imperial expansion 1814–1914. Cambridge, 2021. P. 72.

⁵ Васильев Д. В. Российский колониализм в Центральной Азии: определяя время и место // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 60.

Что касается последствий, то они, как и в советские времена, в основном рассматриваются через призму того, «что дала Россия тому или иному народу»⁶, «подключения региона к процессу модернизации»⁷. Исследователи из Казахстана или Средней Азии отмечают как положительные, так и отрицательные последствия российской экспансии для самого региона⁸. «Цена вопроса» для Российской империи обсуждается гораздо реже. В частности, лаконично констатируется, что присоединенные земли не стали для метрополии источником «колониального обогащения», наоборот, в их интеграцию с ней были вложены немалые средства⁹. Такая политика определяется как «странный колониализм»¹⁰.

Ход и результаты исследования. Вместе с тем собранный С. В. Сопленковым большой материал по этому вопросу показывает, что к середине XIX в. российская элита имела довольно абстрактные представления о том, зачем вообще России нужно завоевывать Среднюю Азию¹¹: вроде бы необходимо улучшить торговлю с Хивой, привнести в край начала «цивилизации» и др. В ходе же самого завоевания и вовсе казалось, что Россия продвигается «словно против воли своей» во враждебные ханства с их «природной недоступностью»¹², в этом движении она «делала огромные непроеизводительные расходы», что «приносило государственной казне одни убытки»¹³: все это движение несло «отпечаток чего-то стихийного, фатального... мы шли и пришли сюда случайно»¹⁴ и т. д.

По мнению В. В. Дубовицкого, ставя иные акценты в рассматриваемых событиях, советские ученые следовали не столько фактам, сколько примату «ориентиров, данных историческим материализмом», не учитывая, например, что все присоединение региона могло быть следствием лишь тактических

⁶ Брежнева С. Н. Указ. соч. С. 42.

⁷ Бочкарева И. Б., Чекрыжова О. И. Оценка эффективности железных дорог в Центральной Азии как экономического института (конец XIX – начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (41). С. 87.

⁸ Аминов И. И. Причины и результаты подчинения среднеазиатских ханств Российской империи (1860–1890-е гг.) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 1. С. 24–35; Масов Р., Дубовицкий В. Присоединение Средней Азии к России: события через призму трех веков // Россия и мусульманский мир. 2014. № 10 (268). С. 69–92; Пирумиоев М. Х. К вопросу о последствиях присоединения Средней Азии к России // Вестник Педагогического университета. Душанбе, 2019. № 5 (82). С. 213–219.

⁹ Волков А. П., Попов В. В. Развитие военно-административного управления в российской Средней Азии во второй половине XIX в // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 76.

¹⁰ Масов Р., Дубовицкий В. Указ. соч. С. 90.

¹¹ Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века) М., 2000.

¹² Марков Е. Л. Россия в Средней Азии. СПб., 1901. Т. 1. С. VII–VIII.

¹³ Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1913 года) // Исторический вестник. СПб., 1913. Т. СXXXIV (октябрь). С. 47.

¹⁴ Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 60.

военных инициатив отдельных командиров, приобретших вид «геополитического самотека»¹⁵.

Создается впечатление, что и современная историография, хотя и преодолела некоторые идеологические догмы, но унаследовала от предшественников несколько искусственную «рационализацию» как причин, так и последствий имперской экспансии, попытку непременно найти в ней пусть и частично, но реализованную государственную выгоду.

Представляется важным выяснить, насколько эти процессы соответствовали общим интересам российской политики и экономики, а не отдельных социальных групп. Между тем целый ряд современных работ¹⁶ скорее ставит знак равенства между частными и общими интересами, в основном опираясь лишь на якобы убедительную, полную многочисленных расчетов попытку доказать экономическую выгоду среднеазиатских завоеваний А. С. Стеткевича (начальника канцелярии генерал-губернатора Туркестана)¹⁷. Те же выводы, да и частью цифры, фактически повторяются и в других статьях¹⁸. В то же время данные, в частности Министерства финансов, показывавшие, что завоеванные территории регулярно дотируются «за счет податных сил русского народа», без особенной аргументации ставятся под сомнение¹⁹.

Между тем брошюра Стеткевича ущербна даже методологически: будто бы достоверные подсчеты не содержат точных ссылок на источники, а приводимая статистическая информация переводилась в удобные для автора цифры по его же трудноверифицируемой методике. Показатель уменьшения военных расходов в результате замирения Средней Азии Стеткевич вывел лишь на основании произведенного им самим пересчета различных подразделений в условные роты (а не в число военнослужащих). Однако этот искусственный показатель не мог отражать колеблющийся состав подразделений адекватно: так, на начало 1896 г. в армии фиксировалось превышение штата, «сверхкомплект» почти на 27 тысяч нижних чинов²⁰. Да и штатная численность

¹⁵ *Дубовицкий В. В.* Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домыслов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу // *История и современность* 2010. № 2. С.107, 110.

¹⁶ *Андерсон К. М., Тальская О. Д.* Обоснование Среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // *Вестник Московского государственного областного университета. История.* 2019. № 2. С. 25; *Фурсов К. А.* Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // *ВОСТОК. Афроазиатские общества: история и современность.* 2010. № 6. С. 39; *Правилова Е.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006. С. 275–276.

¹⁷ *Стеткевич А.* Убыточен ли Туркестан для России? СПб., 1899.

¹⁸ *Мадалиев И. А., Махмудова Н. С.* «Русский Туркестан» — цена окраин для имперского бюджета // *Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2013. № 4 (31). С. 180–191.

¹⁹ *Правилова Е. А.* Указ. соч. С. 275.

²⁰ *Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1896 г.* СПб., 1898. С. 2.

подразделений была не одинаковой, комплектация, например, резервных батальонов по Омскому военному округу могла отличаться почти в три раза²¹.

Что касается замирения вообще, то Стеткевич не учел возросшей военной нагрузки империи в ходе ее расширения и конфликтного поглощения доселе лишь номинально зависимых квазигосударств еще на подступах к Туркестану (восстание Кенесары Касымова). Давно высказывалось мнение, что замирение кочевников могло происходить и без административно-военного принуждения, с помощью внедрения оседлого, земледельческого хозяйства²². Между тем царская администрация с 1830-х гг., наоборот, препятствовала «аграризации» казахов²³ и лишь на рубеже XIX–XX вв. этот процесс естественным образом оживился в некоторых районах Казахстана²⁴.

А последователи автора брошюры не учитывают, что военное замирение длилось в крае очень недолго. Еще накануне Первой войны мероприятия имперской администрации, в первую очередь земельная реформа, привели к повсеместному росту в крае протурецких симпатий, а в 1916 г. — к Среднеазиатскому восстанию с его огромными человеческими потерями, и мобилизацией на его подавление даже частей с фронта²⁵, что фактически дестабилизировало и так воюющую страну. Неслучайно, по мнению советских историков, «удар восстания в Средней Азии в 1916 году по российскому империализму облегчил победу революции в России»²⁶.

Другой аргумент начальника туркестанской губернаторской канцелярии — о том, что поставки среднеазиатского хлопка позволили поднять ввозные тарифы на импортное сырье и получить тем самым дополнительный доход в казну²⁷, — выглядит не менее сомнительно. На протяжении XIX в. шел серьезный спор между экономистами, часть из них признавала хлопчатобумажную отрасль «искусственной» для России, призывая отдать приоритет «естественной», льняной²⁸, и, похоже, этот спор не закончен.

Действительно, Россия занимала первое место в мире по потреблению льна и давала 64 % поставок льноволокна на мировой рынок²⁹. Однако начиная

²¹ *Авилов Р. С.* Омский военный округ (1882–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2015. № 8. С. 5.

²² *Morrison A.* The Russian conquest of Central Asia: a study of imperial expansion 1814–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 54, 149–161.

²³ *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1. С. 93.

²⁴ *Фризен Д. Я.* Аграрный вопрос в Тургайской области во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 1 (87). С. 36–39.

²⁵ *Штырбул А. А.* К югу от Омска: чрезвычайные события 1916 – начала 1917 года в Степном крае и их последствия // Национальные приоритеты России. 2017. № 2 (24). С. 11, 16.

²⁶ Восстание 1916 года в Средней Азии. Тезисы // Правда Востока. 1931. 8 августа. № 216.

²⁷ *Стеткевич А. С.* Указ. соч. С. 14, 19.

²⁸ *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1997. С. 132.

²⁹ *Землянский М. О.* История льняной промышленности России: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2013. С. 15, 17, 19.

с середины XIX столетия выработка конечного продукта, полотна, как с тревогой отмечалось, «находится в расстройстве и безнадежности» из-за бума прямого конкурента, хлопчатобумажного производства³⁰. На этом фоне серьезное отставание льняной промышленности отмечалось до самой Первой мировой войны³¹. Даже льняные ткани, произведенные из российского же сырья за границей, Россия была вынуждена по большей части ввозить.

На более трудный в переработке, чем хлопок, лен падкая до легкой прибыли нарождающаяся российская буржуазия обращала гораздо меньше внимания, хотя этот продукт кормил не только рабочих, но и огромную часть аграрного сектора Центральной России. Соответственно, наращивание поставок что ввозного, что колониального хлопка наносило вред, сдерживало развитие системообразующей отрасли в Европейской России. Мало того, искусственная, за счет невыгодных для среднеазиатского населения закупочных цен, дешевизна колониального хлопка приводила к дополнительному росту напряженности в присоединенном крае³².

Дешевизну сырья также обеспечивали построенные в основном для вывоза хлопка железные дороги. Однако их стоимость оказывалась непомерно высокой по сравнению с отдачей. При стоимости версты среднеазиатских дорог в 64,6 тыс. руб.³³ и итоговой их протяженности в 4452 версты³⁴ во всяком случае к 1909 г. на их строительство могло быть затрачено прямых бюджетных (или связанных с гарантией государства) средств в сумме почти в пять раз превышающей исчисленный Стеткевичем весь прямой имперский доход от Туркестана и «присоединенных вместе с ним областей» за почти три десятилетия (с 1869 по 1896 г. — 60 млн³⁵). Притом что эти дороги стали показывать относительную (не компенсировавшую основные расходы по строительству) прибыль лишь ближе к Первой мировой войне или так и оставались операционно убыточными³⁶.

В этой связи приобретали особую остроту тезисы современников событий: «завоеывая огромные пространства, мы до сих пор оттягивали от центра национальные силы»³⁷; что расходы на завоевания за счет нужд «внутренних губерний» не произошли бы, «если бы мы не ходили в Среднюю Азию, а сидели бы в Оренбурге или в Омске и там охраняли свои границы от набегов киргизов и кокандцев, что вовсе не так было трудно»³⁸.

³⁰ Шевченко И. К., Развадовская Ю. В., Марченко А. А. Текстильная промышленность в России: история и современность // Terra Economicus. 2019. № 17 (1). С. 131–149.

³¹ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 162.

³² Восстание 1916 года. Документы и материалы / под ред. К. И. Мамбеталиева. Бишкек, 2015. С. 8.

³³ Среднеазиатская железная дорога // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. т. II. Пруссия – Фома. Россия. СПб., 1907. С. 679.

³⁴ Якубджанов Н. Из истории железной дороги Туркестанского края // Karadeniz – Black Sea – Черное море. 2015. № 27. С. 222.

³⁵ Стеткевич А. С. Указ. соч. С. 17.

³⁶ Бочкарева И. Б., Чекрыжова О. И. Указ. соч. С. 90–91.

³⁷ Меньшиков М. Кого выбирать в парламент // Новое время. 1912. 7 августа. С. 2–3.

³⁸ Миропицев М. А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. С. 496.

Строительство убыточных азиатских дорог затягивало развитие соответствующей структуры в Европейской части России, где железнодорожные сети мало того что в целом были прибыльными, но имели серьезное значение в противостоянии с соперником куда более реальным, чем Англия. Задолго до Первой мировой войны германский Генштаб беспокоила возможность развития этого вида транспорта в приграничных районах у будущего противника³⁹. Именно превосходство в плотности железнодорожной сети во многом предопределило успехи немцев в сражениях в Восточной Пруссии⁴⁰.

Что же касается приоритетности Хивы, Бухары и Коканда как рынков сбыта российской продукции, то они представлялись слишком скромными для компенсации вышеуказанных жертв и расходов. Так, численность всего населения всех указанных территорий плюс других регионов Центральной и Средней Азии по состоянию на 1850 г. оценивается всего в 8 млн человек⁴¹ при относительно невысоком уровне средних доходов и потребления. Неудивительно, что доля этих регионов во внешней российской торговле составляла тогда лишь чуть более 2,5 %⁴², и это прямо отразил В. А. Перовский в обращении к хивинскому хану, заявив, что скорее тому нужны российские товары, а «Россия не нуждается в торговле с Хивой»⁴³. А возможность некоторого сбыта в регион отечественной продукции, имевшей «слабую конкурентоспособность с западными производителями»⁴⁴, лишь поощряла стагнацию этой конкурентоспособности.

Таким образом, присоединение региона с учетом всех расходов несло больше минусов, которые могли быть компенсированы только большим геополитическим плюсом (с соответствующей экономической перспективой). Однако противостояние Великобритании в рамках «Большой игры» из-за устои оспариваемого среднеазиатского рынка сулило плюсы скорее теоретические и вряд ли было оправданно, тем более с итоговым переходом противника в статус союзника в рамках Антанты.

Кроме того, еще в первой половине XIX в. обе империи демонстрировали готовность к компромиссу в отношении раздела сфер влияния в Азии⁴⁵. Причем

³⁹ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. М., 2014. С. 50, 140.

⁴⁰ Пахалюк К. А. «Надо кончать с Восточной Пруссией...»: к вопросу об оперативном руководстве Восточно-Прусской операцией 1914 г. // Георгиевские чтения. Сборник трудов по военной истории Отечества. М., 2021. С. 202.

⁴¹ McEvedy C., Jones R. Atlas of world population history. London, 1978. P. 163.

⁴² Халфин Н. А. Указ. соч. С. 70.

⁴³ Кочнев А. В. Российские подданные в хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 101.

⁴⁴ Марюткин В. В. Поход В. А. Перовского на Ак-Мечеть в 1853 году // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 4. С. 437.

⁴⁵ Родин Д. В. Хивинский поход В. А. Перовского 1839–1840 гг. в контексте англо-русского соперничества в Средней Азии // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 1. С. 54.

этот, даже шаткий компромисс приносил вполне ощутимые плоды: в свете его именно британские агенты продвинули решение важного для престижа России вопроса, убедив хивинского хана запретить грабить и захватывать в плен русских подданных⁴⁶. Дальнейшее размывание этого компромисса было связано с опасениями англичан, что Россия будет и дальше продвигаться на юг, создавая угрозу Индии. Уже в первой половине XIX в. мнения официальных российских кругов о том, что через Среднюю Азию следует поколебать «сильное торговое преимущество властителей морей в самой Индии», деятельность некоторых российских агентов на Среднем Востоке⁴⁷ в некоторых случаях могла давать тому повод.

В силу этого все преддверие Крымской войны британская политика исходила из соображений поддержки Турции лишь как оплота против российских планов в отношении Индии и сопредельных регионов⁴⁸. Такой внимательный наблюдатель международной политики того времени, как К. Маркс, отмечал, что именно поход к Сырдарье в 1853 г. усилил подозрения, что Россия собирается угрожать Индии, в результате чего Англия вмешалась в качестве главного козыря в Крымскую войну⁴⁹. В таком случае к цене среднеазиатского вопроса для России, не говоря о человеческой и моральной стоимости поражения в конфликте 1853–1855 гг., следует добавить и часть финансовых потерь (они оцениваются в сотни миллионов рублей или три с половиной годовых бюджетных дохода⁵⁰).

Видимо, неслучайно после Крымской войны некоторые здравомыслящие чиновники стали высказывать мысль, что усилия государства будут направлены не на Среднюю Азию, а «на что-нибудь более разумное, чем расширение и без того широчайшей России»⁵¹. В том же духе, вероятно, следует рассматривать и явно рефлексивную по характеру депешу А. М. Горчакова о том, что дальнейшие усилия следует «сосредоточить на развитии внутренних сил страны»⁵². И даже главный геополитик империи — военное министерство — инициировало вместе с МИД в 1864 г. доклад Александру II о том, что «дальнейшее распространение наших владений в Средней Азии... увеличивая протяжение наших границ... не только не усиливает, а ослабляет Россию, доставляя взамен явного вреда лишь гадательную пользу»⁵³.

⁴⁶ Кочнев А. В. Указ. соч. С. 102.

⁴⁷ Родин Д. В. Указ. соч. С. 40, 44–45.

⁴⁸ Галушко Ю. А. Крымская война как вектор внешней политики Великобритании в середине XIX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2015. № 26 (737). С. 58–59.

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1958. Т. 9. С. 463; *Их же*. Т. 12. С. 294.

⁵⁰ Степанов В. Л. Крымская война и экономика России // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1 (2). С. 120.

⁵¹ Масов Р., Дубовицкий В. Указ соч. С. 79.

⁵² Очерки истории Министерства иностранных дел: в 3 т. / под ред. А. Н. Сахарова. Т. 1. М., 2002. С. 354.

⁵³ Масов Р., Дубовицкий В. Указ соч. С. 75–76.

Заключение. Очевидно, в таких условиях наступательные инициативы отдельных генералов, имели, возможно, тактическое обоснование, однако были тем самым предприятием, в котором, как предупреждали российских генералов западные коллеги «легко идти вперед, но трудно идти назад»⁵⁴. Не учитывались стратегические последствия (по характеристикам современников, например у М. Г. Черняева, «волевые способности, несомненно, преобладали над критическими, сердце — над разумом»⁵⁵) и фактически нарушался складывающийся геополитический баланс. Хотя в отличие от Николая I в завещании наследнику отговаривавшего его от новых завоеваний⁵⁶, молодой Александр II скорее одобрял такие «молодецкие подвиги», что усиливало их последствия.

С учетом вышесказанного кажется вероятным, что современная российская историография, оценивая среднеазиатский вопрос, склонна, вслед за советской, делать акцент на «А», но затушевывать «Б». Разумеется, осветить в одной статье все недосказанности сложно. Но есть основание предполагать, что «гадательная польза» обернулась серьезным экономическим, а в конечном счете и военно-стратегическим ущербом, усилившим уязвимость страны перед лицом внешних и внутренних факторов нестабильности.

Литература

1. Авилов Р. С. Омский военный округ (1882–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2015. № 8. С. 3–10.
2. Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 2. М.: Кучково поле, 2017. 622 с.
3. Аминов И. И. Причины и результаты подчинения среднеазиатских ханств Российской империи (1860–1890-е гг.) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 15 (1). С. 24–35. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.024-035
4. Андерсон К. М., Тальская О. Д. Обоснование Среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // Российский социально-гуманитарный журнал: сетевое издание. 2019. № 2. С. 22–30. DOI: 10.18384/2224-0209-2019-2-958
5. Бочкарева И. Б., Чекрыжова О. И. Оценка эффективности железных дорог в Центральной Азии как экономического института (конец XIX – начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 1 (41). С. 86–97. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.41.8
6. Брежнева С. Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России: вторая половина XIX в. – начало XXI в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 19 с.
7. Васильев Д. В. Российский колониализм в Центральной Азии: определяя время и место // Журнал фронтальных исследований: электронный научный журнал. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 58–73. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.369

⁵⁴ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 2. М., 2017. С. 272.

⁵⁵ Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. № 5. С. 313.

⁵⁶ Завещание Николая I сыну // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 293.

8. Волков А. П., Попов В. В. Развитие военно-административного управления в российской Средней Азии во второй половине XIX в. // *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 8 (64). С. 76–81. DOI: 10.24158/fik.2019.8.12
9. Галушко Ю. А. Крымская война как вектор внешней политики Великобритании в середине XIX века // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2015. № 26 (737). С. 51–65.
10. Дубовицкий В. В. Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домыслов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу // *История и современность*. 2010. № 2. С. 86–111.
11. Землянский М. О. История льняной промышленности России: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2013. 29 с.
12. Кочнев А. В. Российские подданные в хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 423. С. 100–104. DOI: 10.17223/15617793/423/13
13. Мадалиев И. А., Махмудова Н. С. «Русский Туркестан» — цена окраин для имперского бюджета // *Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2013. № 4 (31). С. 180–191.
14. Марюткин В. В. Поход В. А. Перовского на Ак-Мечеть в 1853 году // *Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения*. 2022. Т. 22. Вып. 4. С. 436–442.
15. Масов Р., Дубовицкий В. Присоединение Средней Азии к России: события через призму трех веков // *Россия и мусульманский мир*. 2014. № 10 (268). С. 69–92.
16. Пахалюк К. А. «Надо кончать с Восточной Пруссией...»: к вопросу об оперативном руководстве Восточно-Прусской операцией 1914 г. // *Георгиевские чтения. Сборник трудов по военной истории Отечества*. М.: Яуза-каталог, 2021. С. 175–216.
17. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. М.: Издательство Московского университета, 2014. 816 с.
18. Пирумшоев М. Х. К вопросу о последствиях присоединения Средней Азии к России // *Вестник Педагогического университета. Душанбе*, 2019. № 5 (82). С. 213–219.
19. Правилова Е. Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. 456 с.
20. Родин Д. В. Хивинский поход В. А. Перовского 1839–1840 гг. в контексте англо-русского соперничества в Средней Азии // *Журнал фронтирных исследований*. 2022. № 1. С. 34–57. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.368
21. Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке: (Первая половина XIX века). М.: Восточная литература, 2000. 210 с.
22. Степанов В. Л. Крымская война и экономика России // *Вопросы теоретической экономики*. 2018. № 1 (2). С. 117–137.
23. Фризен Д. Я. Аграрный вопрос в Тургайской области во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Кемеровского государственного университета* 2014. Т. 2. № 1 (87). С. 36–39.
24. Фурсов К. А. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2010. № 6. С. 28–44.
25. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 467 с.

26. Шевченко И. К., Развадовская Ю. В., Марченко А. А. Текстильная промышленность в России: история и современность // *Terra Economicus*. 2019. № 17 (1). С. 131–149. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-131-149
27. Штырбул А. А. К югу от Омска: чрезвычайные события 1916 – начала 1917 года в Степном крае и их последствия // *Национальные приоритеты России*. 2017. № 2 (24). С. 6–18.
28. Якубджанов Н. Из истории железной дороги Туркестанского края // *Karadeniz – Black Sea – Черное море*. 2015. № 27. С. 210–227. DOI: 10.17498/kdeniz.197
29. McEvedy C., Jones R. *Atlas of world population history*. London: A. Lane&Penguin Books, 1978. 368 p.
30. Morrison A. *The Russian conquest of Central Asia: a study of imperial expansion 1814–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 641 p.

References

1. Avilov R. S. *Omskii voennyi okrug (1882–1899, 1906–1918 gg.): stranitsy istorii [Omsk Military District (1882–1899, 1906–1918): pages of history]* // *Voyenno-istorichesky zhurnal (Military Historical Journal)*. 2015. № 8. P. 3–10. (In Russ.).
2. Airapetov O. R. *Istoriia vneshnei politiki Rossiiskoi imperii. 1801–1914 [History of foreign policy of the Russian Empire. 1801–1914]: in 4 vols. Vol. 2*. Moscow: Kuchkovo pole, 2017. 622 p. (In Russ.).
3. Aminov I. I. *Prichiny i rezul'taty podchineniia sredneaziatskikh khanstv Rossiiskoi imperiei (1860–1890-e gg.) [Causes and results of the subjection of Central Asian Khanates to the Russian Empire (1860–1890s)]* // *Actual Problems of Russian Law Journal*. 2020. Vol. 15. № 1. P. 24–35. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.024-035 (In Russ.).
4. Anderson K. M., Talskaya O. D. *Obosnovanie Sredneaziatskoi politiki Rossiiskoi imperii v kontekste «Bol'shoi igry» [The justification for the policy in Central Asia of the Russian empire in the context of the “Ggreat game”]* // *Russian Social and Humanitarian Journal: a net edition*. 2019. № 2. P. 22–30. DOI: 10.18384/2224-0209-2019-2-958 (In Russ.).
5. Bochkareva I. B., Chekryzhova O. I. *Otsenka effektivnosti zheleznnykh dorog v Tsentral'noi Azii kak ekonomicheskogo instituta (konets XIX – nachalo XX veka) [Evaluation of the railways effectiveness in Central Asia as an economic institution (late XIX – early XX centuries)]* // *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 2022. № 1 (41). P. 86–97. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.41.8 (In Russ.).
6. Brezhneva S. N. *Istoriografiia problemy prisoedineniia Turkestanskogo kraia k Rossii: vtoraiia polovina XIX v. – nachalo XXI v. [Historiography of the problem of joining the Turkestan region to Russia: The second half of the XIX century – the beginning of the XXI century]: abstract of the dissertation of the Doctor of Historical Sciences*. Moscow, 2005. 19 p. (In Russ.).
7. Vasilyev D. V. *Rossiiskii kolonializm v Tsentral'noi Azii: opredeliiaia vremia i mesto [Russian colonialism in Central Asia: to determine time and place]* // *Journal of Frontier Studies*. 2022. Vol. 7. № 1 (25). P. 58–73. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.369 (In Russ.).
8. Volkov A. P., Popov V. V. *Razvitie voenno-administrativnogo upravleniia v rossiiskoi Srednei Azii vo vtoroi polovine XIX v. [The development of military administration in Russian Central Asia in the second half of the XIXth century]* // *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura*. 2019. № 8 (64). P. 76–81. DOI: 10.24158/fik.2019.8.12 (In Russ.).

9. Galushko Yu. A. Krymskaia voina kak vektor vneshnei politiki Velikobritanii v seredine XIX veka [The Crimean war as a vector of foreign policy of Great Britain in the mid-XIXth century] // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2015. № 26 (737). P. 51–65. (In Russ.).
10. Dubovitskii V. V. Motivy prisoedineniia Srednei Azii k Rossii: ot ideologicheskikh domyslov i emotsional'nykh otsenok k geopoliticheskomu analizu [Motives for the accession of Central Asia to Russia: from ideological conjectures and emotional assessments to geopolitical analysis] // Istoriiia i sovremennost'. 2010. № 2. P. 86–111. (In Russ.).
11. Zemlianskii M. O. Istoriiia l'nianoi promyshlennosti Rossii [History of the linen industry]: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences. Moscow, 2013. 29 p. (In Russ.).
12. Kochnev A. V. Rossiiskie poddannye v khivinskom plenu v kontse XVIII – nachale XIX v.: puti resheniia problemy i posledstviia [Russian subjects captured in Khiva at the end of the XVIIIth – beginning of the XIXth centuries: ways of problem solving and consequences] // Tomsk State University Journal. 2017. № 423. P. 100–104. DOI: 10.17223/15617793/423/13 (In Russ.).
13. Mamadaliyev I. A., Makhmudova N. S. «Russkii Turkestan» — tsena okrain dlia imperskogo biudzheta [“Russian Turkestan” — cost of outskirts for imperial budget] // Scientific Notes [of Khujand State University named after academician B. Gafurov]. Series: The Humanities and Social Sciences. 2013. № 4 (31). P. 180–191. (In Russ.).
14. Maryutkin V. V. Pokhod V. A. Perovskogo na Ak-Mechet' v 1853 godu [V. A. Perovsky's campaign to the Ak Mosque in 1853] // Izvestiya of Saratov University. History. International Relations. 2022. Vol. 22. № 4. P. 436–442. DOI: 10.18500/1819-4907-2022-22-4-436-442 (In Russ.).
15. Masov R., Dubovitskii V. Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii: sobytiia cherez prizmu trekh vekov [Accession of Central Asia to Russia: events through the prism of three centuries] // Russia and the Moslem World. 2014. № 10 (268). P. 69–92. (In Russ.).
16. Pakhaliuk K. A. «Nado konchat' s Vostochnoi Prussiei...»: k voprosu ob operativnom rukovodstve Vostochno-Prusskoi operatsiei 1914 g. [“We must put an end to East Prussia...”: on the question of the operational leadership of the East Prussian operation in 1914] // Georgievskie chteniia. Sbornik trudov po voennoi istorii Otechestva. M.: Iauza-katalog, 2021. P. 175–216. (In Russ.).
17. Pervaia mirovaia voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii [The First World War and the destiny of European civilization] / pod red. L. S. Belousova, A. S. Manykina. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. 816 p. (In Russ.).
18. Pirumshoev M. Kh. K voprosu o posledstviiax prisoedineniia Srednei Azii k Rossii [On the consequences of Central Asia's accession to Russia] // Herald of the Pedagogical University. Dushanbe, 2019. № 5 (82). P. 213–219. (In Russ.).
19. Pravilova E. Finansy imperii. Den'gi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh. 1801–1917 [Empire finances. Money and power in Russian policy on the national outskirts]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 456 p. (In Russ.).
20. Rodin D. V. Khivinskii pokhod V. A. Perovskogo 1839–1840 gg. v kontekste anglo-russkogo sopernichestva v Srednei Azii [The Khivan campaign of V. A. Perovsky in 1839–1840 in the context of Anglo-Russian rivalry in Central Asia] // Journal of Frontier Studies. 2022. № 1. P. 34–57. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.368 (In Russ.).

21. Soplenikov S. V. Doroga v Arzrum: rossiiskaia obshchestvennaia mysl' o Vostoke: (Pervaia polovina XIX veka) [Road to Arzrum: Russian social thought about the East: (First half of the XIXth century)]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2000. 210 p. (In Russ.).
22. Stepanov V. L. Krymskaia voina i ekonomika Rossii [The Crimean war and the Russian economy] // Issues of Economic Theory. 2018. № 1 (2). P. 117–137. (In Russ.).
23. Frizen D. Ya. Agrarnyi vopros v Turgaiskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The agrarian question in Turgay region in second half of the XIXth – early XXth centuries] // Bulletin of Kemerovo State University. 2014. Vol. 2. № 1 (87). P. 36–39. (In Russ.).
24. Fursov K. A. Imperskaia ekonomicheskaiia politika v Russkom Turkestane i Britanskoi Indii: skhodstva i razlichiiia [Imperial economic policy in Russian Turkestan and British India: similarities and differences] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost. 2010. № 6. P. 28–44. (In Russ.).
25. Khalfin N. A. Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.) [Accession of Central Asia to Russia (60–90s of the XIXth century)]. Moscow: Nauka, 1965. 467 p. (In Russ.).
26. Shevchenko I. K., Razvadovskaya Y. V., Marchenko A. A. Tekstil'naia promyshlennost' v Rossii: istoriia i sovremennost' [Russian textile industry: Past and present] // Terra Economicus. 2019. № 17 (1). P. 131–149. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-131-149 (In Russ.).
27. Shtyrbul A. A. K iugu ot Omska: chrezvychainye sobytiia 1916 – nachala 1917 goda v Stepnom krae i ikh posledstviia [To the south of Omsk: extreme events in 1916 – beginning of 1917 in Steppe region and their impacts] // Natsional'nye priority Rossii. 2017. № 2 (24). P. 6–18. (In Russ.).
28. Yakubcanov N. Iz istorii zheleznoi dorogi Turkestanskogo kraia [An overview of railway history in colonial Turkestan] // Karadeniz International Scientific Journal. 2015. № 27. P. 210–227. DOI: 10.17498/kdeniz.197 (In Russ.).
29. McEvedy C., Jones R. Atlas of world population history. London: A. Lane&Penguin Books, 1978. 368 p.
30. Morrison A. The Russian conquest of Central Asia: a study of imperial expansion 1814–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 641 p.

УДК 321; 930.85

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.04

Бессолицын Александр Алексеевич

доктор экономических наук, профессор

Институт российской истории РАН

Российской академии наук

Москва, Россия

A_Bessolisyn@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0550-5852

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В СФЕРЕ КИНЕМАТОГРАФИИ
В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы установления взаимоотношений государства и дореволюционного кинематографического сообщества в сфере реализации его профессиональных интересов. Если на начальном этапе становления и развития кинематографа государство рассматривало его в качестве разновидности торгово-промышленной деятельности и в этом плане основной упор делался на разработку соответствующего налогового законодательства, то постепенно приходит понимание влияния кинематографа на общественное сознание, особенно среди молодежи. Это ставит перед государством задачу выработки новых цензурных норм регулирования кинопроизводства и проката. На примере ведущих кинематографических акционерных обществ «Бр. Пате» и «А. Ханжонков и К^о» показано, каким образом профессиональное сообщество реагировало на попытки установления государственной и церковной цензуры в сфере кинопроизводства. Две эти кинофирмы, контролировавшие значительный объем кинорынка России и являвшиеся основными конкурентами в сфере дореволюционного кинопроизводства, тем не менее объединили свои усилия в создании совместной картины, посвященной 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. Данная работа позволила им найти компромисс между требованиями государства и интересами профессионального сообщества и достаточно эффективно преодолеть запреты, возникшие в ходе реализации сценария данной картины. Что касается государства, то его интерес в сфере регулирования кинопроизводства заключался в основном в попытке установления государственной монополии, которая рассматривалась лишь как стремление обложить промысловым налогом кинотеатры, т. е. реализовать прежде всего «фискальную сторону дела». В качестве ответной меры на выдвинутый Государственной думой законопроект со стороны частного кинобизнеса стало учреждение Всероссийского общества владельцев кинематографических театров, цель которого, помимо всего прочего, заключалась в защите профессиональных и экономических интересов членов общества и улучшении их экономического положения. Однако в условиях Первой мировой войны выполнить эти задачи как государству, так и кинобизнесу оказалось проблематично.

Ключевые слова: дореволюционная кинематография, акционерные общества, «Бр. Пате», А. Ханжонков, цензура, профессиональные интересы, промысловый налог.

Для цитирования: Бессолицын А. А. Государственная политика в сфере кинематографии в дореволюционной России // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 49–65. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.04

UDC 321; 930.85

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.04

Bessolitsyn Alexander A.

Doctor of Economics, Professor

Institute of Russian History

of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

A_Bessolitsyn@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0550-5852

STATE POLICY IN THE SPHERE OF CINEMATOGRAPHY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the problem of the establishment of relationships between the state and pre-revolutionary cinematographic society within the realization of its professional interests. While at the initial stage of establishment and development of cinematography the state considered it to be a kind of a trade and industrial activity and, in this regard, the main effort was made to develop the relevant tax legislation, gradually the influence of cinematography on the social conscious, especially during young people, is understood. This raises a task for the state to develop new censure norms of regulation of cinema production and distribution. Based on the example of the leading cinematographic joint-stock companies: “Br. Pate” and “A. Khanzhonkov and Co.” the author shows how the professional society solved problems of struggling with the attempts to establish state and church censure in the sphere of cinema production. These two cinema firms, which controlled a significant portion of the Russian cinema market and were the main competitors in the sphere of pre-revolutionary cinema production, nevertheless, combined their efforts in creating a joint movie devoted to 100-year anniversary of the Patriotic War of 1812. This work helped them to find a compromise between the requirements of the state and interests of the professional society, and rather efficiently overcome the restrictions raised in the course of realization of the movie’s script. As concerns the state, its interest in the sphere of regulation of the cinema production was mostly in the attempt to establish a state monopoly, which was considered only as an aim to impose a trade tax on cinema theaters, i.e. to realize, above all, the “fiscal side of a deal”. As a countermeasure to the draft law proposed by the State Duma, the private cinema business established “All-Russian association of the owners of Cinematographic theaters”, which aim was, apart from other things, in the protection of the professional and economic interests of the members of the association and improving of their economic status. However, during the First World War it was problematic to solve these tasks both for the state and cinema business.

Keywords: pre-revolutionary cinematography, joint-stock companies, “Br. Pate”, A. Khanzhonkov, censure, professional interests, trade tax.

For citation: Bessolitsyn A. A. State policy in the sphere of cinematography in pre-revolutionary Russia // *MCU Journal of Historical Studies*. 2024. № 1 (53). P. 49–65. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.04

Введение. Кино в России, по мнению исследователя дореволюционного кинематографа Б. С. Лихачева, появилось в 1896 г. Это были иностранные картины, продолжительностью 20–25 минут, которые демонстрировались в основном в так называемых бродячих кинематографах¹.

Однако по мере развития кинематографии формируются бизнес-структуры, обеспечивающие создание и демонстрацию картин, а также материально-техническое обеспечение кинопроизводства. Первоначально это были в основном торговые дома и прокатные конторы, которые занимались покупкой, арендой и демонстрацией картин. Учреждение акционерных кинематографических обществ в России началось сравнительно поздно. Первыми кинематографическими предприятиями, получившими развитие в России, стали филиалы известных французских фирм «Гомон» и «Бр. Пате», открывшиеся в Москве соответственно в 1907 и в 1909 гг.

Что касается отечественных кинематографических компаний, то к 1912 г. насчитывалось не более пяти фирм, производящих картины общим метражом 81 тыс. метров (негатив), что было несопоставимо с объемами иностранной продукции (почти 6,5 млн метров позитива)². Тем не менее, если в 1909 г. было выпущено всего 23 русских картины, то в 1910 г. — 30, в 1911 г. — 73 и т. д., и, наконец, только в 1916 г. было создано 500 отечественных картин. Причем эти цифры относятся к области так называемого художественного кинематографа; помимо того, немало выходило фильмов документальных, учебных и научно-популярных³.

Становилось ясно, что отечественная киноиндустрия развивается быстрыми темпами, в нее вкладываются значительные частные средства. Государство также участвовало в этом процессе, однако его роль в основном сводилась к утверждению уставов акционерных кинематографических обществ. Эту деятельность начиная с 1906 г. осуществлял отдел торговли Министерства торговли и промышленности, который рассматривал ходатайства учредителей, поскольку учреждение акционерных обществ в России вплоть до февраля 1917 г. носило не заявительный, а разрешительный характер.

Сам процесс кинопроизводства и демонстрации фильмов первоначально никак не регулировался, что создавало определенные проблемы. Кинотеатры, или, как тогда говорили, электротеатры, часто горели, поскольку нарушались элементарные нормы пожарной безопасности, содержание ввозимых

¹ Лихачев Б. С. Кино в России (1896–1926): материалы к истории русского кино. Л., 1927. С. 24–25.

² Вся кинематография. Настольная адресная и справочная книга. Адреса кинотеатров. М., 1916. С. 161.

³ Соболев Р. Люди и фильмы русского дореволюционного кино. М., 1961. С. 22.

из-за границы и произведенных в России картин также вызывало вопросы, связанные прежде всего с содержанием этих картин и их влиянием на молодежь. Все чаще в печати высказывалось мнение о необходимости введения цензуры в кинопроизводстве, тем более что единого цензурного комитета, который бы представлял интересы государства, не существовало. На территории Российской империи действовали совершенно разные цензурные правила, что негативно влияло как на производство, так и на прокат фильмов. Возникали ситуации, когда одна и та же картина в одном регионе могла быть запрещена, а в другом — ее показ не вызывал никаких вопросов у администрации.

Представленная статья посвящена рассмотрению проблемы установления взаимоотношений государства и дореволюционного кинематографического общества в сфере реализации его профессиональных интересов. Автор ставит цель — на основе привлечения архивных материалов и научной литературы показать, каким образом профессиональное сообщество решало проблему, связанную с установлением государственной и наличием церковной цензуры в отечественной кинематографии в начале XX в.

Ход и результаты исследования. Исследованию проблем становления отечественного кинематографа посвящено значительное число публикаций. Тем не менее многие аспекты дореволюционного частного кинопроизводства, его становления и развития остаются до сих пор белым пятном в историко-экономических исследованиях.

Немногочисленные дореволюционные работы, освещавшие деятельность кинематографических фирм, носят, скорее, справочно-методический характер, хотя и содержат попытки осмысления этого нового явления в искусстве⁴. Что касается исследований советского периода, то здесь справедливо замечание о том, что «в советское время киноведы интересовались главным образом кино лишь как областью искусства и прочим сторонам жизни кинематографии мало уделяли внимания»⁵.

Необходимо отметить, что вопросы, связанные с установлением взаимоотношений государства и дореволюционного кинематографа, еще не стали предметом специального исследования, однако отдельные аспекты данной проблемы рассматривались в фундаментальных монографических работах⁶. Этой тематике посвящены несколько статей автора предлагаемой статьи,

⁴ Самуйленко Е. М. Кинематограф и его просветительная роль: Со статьей о кинематографе в России Л. Н. Никонова. СПб., 1912; Маурин Е. И. Кинематограф в практической жизни. М., 1916 и др.

⁵ Михайлов В. П. Рассказы о кинематографе старой Москвы. М., 2003. С. 103.

⁶ Зоркая Н. М. История отечественного кино. М., 2014; Летопись российского кино. 1863–1929 / сост. В. Е. Вишневский, В. П. Михайлов и др. М., 2004; Граценкова И. Н. Кино Серебряного века. Русский кинематограф 10-х годов и кинематограф Русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов. М., 2005; Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М., 2007 и др.

в которых, в частности, проанализирована деятельность акционерного общества «А. Ханжонков и К^о» как ведущей кинофирмы в дореволюционной России⁷.

Проблема состояния нормативно-правового обеспечения процесса кинопроизводства и проката в дореволюционный период также не получила сколько-нибудь значительного осмысления, прежде всего в силу отсутствия разработанной законодательной базы. Эта деятельность находилась тогда в начальной стадии. Как отмечается в исследовании А. Коваловой и В. Семенова, кинопроизводство на данном историческом этапе рассматривалось государственными органами в качестве разновидности торгово-промышленной деятельности⁸.

В практической плоскости вопрос влияния кинематографа на общественное сознание, особенно среди учащейся молодежи, стал предметом исследования лишь накануне и в годы Первой мировой войны. Именно в это время начинается обсуждение в Государственной думе, Государственном совете, а также в ряде министерств, в частности в Министерстве финансов и Министерстве просвещения, вопросов, связанных с государственным участием в регулировании самого процесса кинопроизводства. Более того, в печати заговорили о необходимости «правительственной монополизации кинематографа»⁹.

Однако обсуждение этого вопроса практически свелось к регулированию финансовой деятельности кинофирм и установлению контроля государства за этим процессом. Действительно, еще в мае 1913 г. в III Государственную думу за подписью восьмидесяти двух членов было внесено законодательное предложение «Об установлении особого налога на ввозимые из-за границы и выделяемые в России кинематографические ленты»¹⁰. С целью изучения данного вопроса в Думе была сформирована специальная комиссия, которая работала пять месяцев и к октябрю 1913 г. подготовила доклад, с которым выступил граф Д. П. Капнист 2-й. Докладчик, в частности, заявил: «В этой области предпринимательского дела чистый доход исчисляется сотнями процентов на затраченный капитал и является вполне обеспеченным вне зависимости от личных качеств и энергии хозяина предприятия»¹¹.

⁷ См.: *Бессолицын А. А.* А. А. Ханжонков — пионер отечественной кинопромышленности // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22. № 1. С. 98–120; *Его же.* Акционерное общество А. Ханжонкова и его конкуренты в России // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 3. С. 780–842; *Его же.* Особенности менеджмента акционерного общества «А. Ханжонков и Ко» в начале XX века // *Российский журнал менеджмента*. 2021. Т. 19. № 2. С. 177–194 и др.

⁸ *Ковалова А., Семенов В.* Кино, цензура и власть в Петербурге – Петрограде 1890–1910-х годов // *Аппарат. Кино, медиа и цифровая культура в Центральной и Восточной Европе*. 2017. № 4. URL: <https://www.apparatusjournal.net/index.php/apparatus/article/download/36/119?inline=1> (дата обращения: 23.01.2024).

⁹ *Никольский С.* Около экрана. Горькая действительность // *Пегас*. 1916. № 9–10. С. 130.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 7. Д. 637. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 9–10.

В итоге комиссия пришла к необходимости введения особого налога на все ввозимые из-за границы, а также произведенные в России киноленты, за исключением тех лент, которые производились для научных или просветительских целей.

В докладе также говорилось о негативном воздействии, которое оказывает кинематограф на молодое поколение. В частности, отмечалось, что «почти во всех кинематографах России широко распространены представления, оказывающие весьма вредное влияние на детей (убийства, жизнь в домах терпимости и т. п.). Правительство должно запретить детям ниже известного возраста посещать вообще кинематографы, как это принято во многих государствах Западной Европы, а также установить строгую цензуру, с целью борьбы с развращающими и безнравственными представлениями в кинематографах»¹².

Данный законопроект, возбужденный в основном по инициативе националистов и части октябристов, не встретил сочувствия со стороны остальных членов Государственной думы, прежде всего ее либерального крыла. Скорее всего, здесь сыграла свою роль внутривластная борьба, развернувшаяся в III Думе и не имевшая к этому законопроекту прямого отношения.

Более того, в ходе дискуссии депутат Л. А. Велихов заявил: «Означенный законопроект рассматривался в финансовой комиссии Думы и... потерпел полное крушение. Даже представитель правительства, товарищ министра финансов Н. Н. Покровский, оказался в числе противников этого законопроекта, мотивируя свое отрицательное к нему отношение тем, что такой налог отразится на просветительно-педагогической деятельности»¹³.

Несмотря на то что дискуссия в целом имела негативный итог, сам налог был признан все-таки желательным, правда с поправкой о необходимости изменения объекта обложения. Вместо обложения кинематографических лент было признано целесообразным обложить промысловым налогом сами кинематографы¹⁴. Однако в условиях начавшейся Первой мировой войны и приостановки работы Думы дальнейшее обсуждение вопроса регулирования деятельности частных кинематографических обществ было вообще отложено до окончания войны.

Тем не менее определенные ограничения в кинопроизводстве государством вводились. Кроме того, на кинематограф стали распространяться уже принятые ранее в отношении других сфер деятельности законодательные акты. Так, еще в 1837 г. было принято высочайшее повеление, что на русской сцене не должны быть выводимы царствовавшие лица дома Романовых. Это повеление стало распространяться и на кинематограф.

Кроме того, сохранялась церковная цензура, когда церковь выступала против изображения на экране Иисуса Христа, а также сцен, оскорбляющих

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 7. Д. 637. Л. 15.

¹³ Кино-курьер. 1914. № 2. С. 1.

¹⁴ Там же.

чувства верующих. Справедливости ради необходимо заметить, что церковь в ряде случаев как раз поддерживала усилия кинематографистов в обличении на экране греха. Подобный пример был продемонстрирован в ходе показа научно-популярной картины «Пьянство и его последствия», снятой режиссером А. Дворецким на киностудии Ханжонкова и посвященной борьбе с алкоголизмом, как раз накануне начала Первой мировой войны и введения сухого закона вместо винной монополии.

Роль алкоголика в этом фильме исполнил знаменитый актер немого кино Иван Мозжухин. Помимо антиалкогольной тематики фильм был интересен тем, что в нем присутствовали как игровые сцены, так и трюковые, в которых снимались вместе актер и анимированный персонаж. Из полупустой бутылки водки, стоящей на столике перед пьяницей, выползает маленький чертик. Перепрыгивая со стола на рукав пиджака, чертик всячески дразнит пьяного. По замыслу авторов эта сценка иллюстрировала состояние человека, допившегося до чертиков и очень эмоционально действовала на неподготовленного зрителя (некоторые впечатлительные зрители падали в обморок)¹⁵.

Эта картина впервые в истории научно-популярного кино получила положительные рецензии в прессе, а ряд общественных организаций («Союз христиан-трезвенников», «Комитет народной трезвости» и др.) выступили со специальными заявлениями, приветствовавшими появление фильма на экранах. Данный фильм поддержала и церковь. Хотя во время великого поста просмотры фильмов были запрещены, но для этой картины церковь сделала исключение. Смотреть его разрешалось даже детям, ведь он обличал грех¹⁶.

Особенно наглядно влияние государства и церкви на кинематограф проявилось в период работы над первым совместным российско-французским фильмом, который снимали фирмы А. Ханжонкова и «Бр. Пате». Данный фильм был посвящен 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 г.

Кинокомпания «Бр. Пате». Официальное название — «Генеральная компания фонографов, синематографов и точных аппаратов братьев Пате». Была учреждена во Франции еще в конце XIX в. и достаточно быстро превратилась в одно из ведущих акционерных кинематографических обществ в Европе.

Начиная с 1907 г. Пате открывает филиал в Москве, а с 1908 г. приступает здесь к производству художественных фильмов. В переоборудованном гараже на Петербургском шоссе за Тверской заставой была открыта собственная киностудия. Первый русский фильм, выпущенный на экран в 1908 г., назывался «Донские казаки». Это был небольшой, всего 135 метров, документальный фильм, в котором были показаны сцены джигитовки и рубки лозы¹⁷. Кроме осуществления собственных кино съемок Пате покупали хроникальные материалы у российских кинооператоров, тиражировали их и продавали

¹⁵ Гинзбург С. С. Указ. соч. С. 111.

¹⁶ Вестник кинематографии. 1914. № 87/7. С. 28.

¹⁷ Коломаров Б. Н. Дореволюционная русская кинематография. Л., 1938. С. 3.

для проката в России и за рубежом. К 1911 г., помимо Москвы, фирма Пате имела свои отделения в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Варшаве и Одессе. Чистая прибыль за 1911 г. составила 79 713 руб.¹⁸ А всего годовой оборот только за 1910–1911 гг. во всех отделениях фирмы в России достиг почти 2,5 млн руб.¹⁹ За период с 1909 по 1913 г. на Московской киностудии «Бр. Пате» было создано около 50 игровых лент, в которых преобладала русская тематика.

Что касается отечественных кинофирм, то они, как правило, преобразовывались из торговых домов, поскольку на первом этапе занимались только покупкой и перепродажей иностранных картин. Ведущее отечественное кинопредприятие — акционерное общество «А. Ханжонков и К^о» — также было преобразовано из торгового дома А. Ханжонкова в 1912 г. Однако в отличие от других отечественных кинематографических обществ фирма Ханжонкова активно включилась в процесс кинопроизводства и за очень короткое время смогла стать крупнейшим акционерно-паевым предприятием и создать реальную конкуренцию филиалам иностранных, прежде всего французских, кинокомпаний.

Именно Александр Алексеевич Ханжонков (1877–1945) по праву считается пионером в области производства и проката отечественных кинофильмов. За весь период своей деятельности в этой сфере им было спродюсировано и снято почти 120 фильмов самого разного содержания. Тем не менее история становления и развития фирмы Ханжонкова не была безоблачной, на чем стоит остановиться более подробно.

Первая попытка включиться в кинопроцесс связана с учреждением А. Ханжонковым в Москве торгового дома «Э. Ош и А. Ханжонков». Заявление в Московскую купеческую управу от французского гражданина Эмиля Шарля Ош и казака из дворян Войска Донского А. А. Ханжонкова об открытии торгового дома на правах полного товарищества под фирмой «Э. Ош и А. Ханжонков» и о выдаче удостоверения об этом было датировано 29 мая 1906 г.²⁰ Заявление содержало выписку из договора, заключенного между Э. Ош и А. Ханжонковым 3 мая 1906 г.:

«1. Торговый дом учреждается в образе полного товарищества под фирмой “Э. Ош и А. Ханжонков”.

2. Учредители — Ош и Ханжонков, живущие в Москве.

3. Основной капитал определяется в 10 тыс. руб., вносимый каждым товарищем по 5 тыс. руб.

4. Торговый дом определяется бессрочно для производства торговли кинематографами, лентами, волшебными фонарями, туманными картинами и другими товарами.

¹⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 357. Л. 138.

¹⁹ Там же. Л. 144.

²⁰ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 3. Оп. 4. Д. 3450. Л. 1.

5. Контора товарищества находится в Москве по Тверской ул. в доме графини Алсуфьевой.

6. Заведование всеми делами будет производиться обоими товарищами совместно и все документы от имени фирмы будут подписываться обоими членами фирмы»²¹.

Однако уже 14 декабря 1906 г., т. е. всего через полгода, в Московскую купеческую управу поступает новое заявление о том, что учредительный договор от 9 декабря 1906 г. прекратил свое существование. Претензий друг к другу по производимому совместно делу учредители не имеют и заявляют, что весь пассив и актив вышеупомянутого торгового дома передан ими во вновь учреждаемый торговый дом под фирмою «А. Ханжонков и К^о»²².

Что же произошло за столь непродолжительный период, почему данное предприятие не получило развития? С Эмилом Ошем Александр Ханжонков познакомился в 1906 г. в Москве. Тот работал в кинематографическом магазине у Пате на углу Тверской улицы и Газетного переулкa в качестве заведующего отдела «Синема». Как позднее напишет Ханжонков в своих воспоминаниях, «разговоры с ним вскружили мне голову»²³.

Предполагалось, что компаньоны вложат в торговый дом по пять тысяч рублей для покупки первой партии картин, но, как позднее выяснилось, Ош таких денег не имел и уже с самого начала работы торгового дома Ханжонкову пришлось брать кредит. В результате, как он напишет, «первые шесть месяцев работы показали, что мы едва-едва сводим концы с концами. Я понял, что Торговый дом “Э. Ош и А. Ханжонков” находится в тупике и потребуются героические усилия, чтобы из этого тупика выбраться»²⁴.

Именно поэтому Ханжонков прекращает деятельность данного торгового дома и 14 декабря 1906 г. пишет новое заявление в Московскую купеческую управу об учреждении совместно с тремя вкладчиками торгового дома под фирмою «А. Ханжонков и К^о»²⁵.

Это была вторая попытка организации своего дела, которая оказалась более успешной. В новом договоре в качестве цели учреждения торгового дома указывалось следующее:

«1. Торговый дом учреждается в Москве бессрочно с целью производства торговли кинематографическими лентами, волшебными фонарями, туманными картинками, различными машинами и приборами и др. товарами и для фабрикации всех этих предметов.

2. Учредитель и главный распорядитель Торгового дома, полный товарищ А. Ханжонков и три вкладчика.

²¹ Там же. Л. 2.

²² Там же. Л. 6.

²³ Ханжонков А. А. Первые годы русской кинематографии. М., 2020. С. 15.

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3455. Л. 1.

3. Основной капитал 21 500 рублей в счет которых учредитель А. Ханжонков вносит 10 000 руб. Первый вкладчик — 1 300 руб., второй — 8 200 руб. и третий — 2 000 руб., а все три вкладчика вносят 11 500 рублей.

4. Заведывание и распоряжение всеми без исключения делами, имуществами и капиталами Торгового дома, а равно выдача и подписание всех векселей и обязательств от имени Торгового дома принадлежат исключительно учредителю полному товарищу А. Ханжонкову.

5. Контора Торгового дома будет находиться в Москве»²⁶.

В заявлении не раскрывались персоналии остальных трех учредителей торгового дома. В своих воспоминаниях, изданных уже в советский период, Ханжонков также не называет конкретные фамилии компаньонов. Он пишет только о двух новых компаньонах с вкладами по пять тысяч рублей. При этом отмечается, что «оба компаньона были заняты своими делами и не вмешивались в дела фирмы. Один из них был секретарем правления Высшего коммерческого училища, что на Щипке, а другой был бухгалтером»²⁷. Здесь явное противоречие, поскольку в заявлении в Московскую купеческую управу говорится о трех вкладчиках и четко указываются взносы каждого из них. Можно предположить, что одним из компаньонов выступил известный общественный деятель и предприниматель Алексей Семенович Вишняков (друг А. Ханжонкова) — основатель и председатель Московского общества распространения коммерческого образования (МОРКО), который и внес 8200 руб., а два остальных вкладчика, которые вместе внесли 3300 руб., скорее всего, были близкие родственники самого Ханжонкова: его жена Антонина Николаевна Баторовская и ее брат, соратник Вишнякова по МОРКО, Сергей Николаевич Баторовский. Однако это только наше предположение, которое тем не менее подтверждается в дальнейшем после опубликования полного состава акционеров утвержденного общества²⁸.

Дело в том, что после неудачи с основанием первого торгового дома, где компаньоном выступал Эмиль Ош, Ханжонков не хотел больше рисковать и решил привлечь близких ему людей, которым он доверял. Надо отметить, что все трое в дальнейшем не только вошли в состав учредителей акционерного общества, но и были избраны в его правление.

Этот период в деятельности Ханжонкова оказался плодотворным. Его торговый дом просуществовал вплоть до 1912 г. и был преобразован в акционерное общество, о чем 12 сентября 1912 г. он уведомил Московскую купеческую управу²⁹.

Основной причиной преобразования торгового дома в акционерное общество, как представляется, явилось стремление вплотную заняться производством

²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3455. Л. 2–3.

²⁷ Ханжонков А. А. Указ. соч. С. 21.

²⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1170. Л. 64–65.

²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3455. Л. 7.

фильмов. Именно в этот период возникает идея создать масштабную ленту, посвященную героической обороне Севастополя в годы Крымской войны, а для этого потребовались дополнительные средства. С помощью А. С. Вишнякова, который, являясь председателем правления Московского купеческого общества и попечителем основанного им Коммерческого института, обладал большим авторитетом в московских деловых кругах, Ханжонков смог привлечь новых акционеров, что позволило быстро сформировать необходимый уставной капитал.

Как напишет Ханжонков, «в течение двух-трех недель весь привлекаемый капитал в 250 тысяч рублей, равный оценке имущества Торгового дома, был расписан без остатка, и устав “акционерного синемаграфического общества” был послан на “высочайшее утверждение”»³⁰.

Акционерное общество «А. Ханжонков и К^о», несмотря на то что его акции не котировались на бирже, тем не менее работало успешно и демонстрировало в своих отчетах ежегодную прибыль, что позволяло выплачивать акционерам дивиденды в размере 9–10 % годовых³¹.

Таким образом, две крупнейшие кинофирмы — «Бр. Пате» и «А. Ханжонков и К^о» — практически контролировали российский кинорынок. Всего в России до 1 января 1914 г. было выпущено 275 художественных фильмов, из которых 56 были сделаны фирмой «Бр. Пате» и 54 — сняты на кинофабрике А. Ханжонкова. Следовательно, только эти две компании контролировали до начала Первой мировой войны более 40 % всего производства фильмов в России³².

А. Ханжонков признавал, что Пате являлись его основным конкурентом, причем в разных жанрах киноискусства. Именно соперничество с Пате подтолкнуло Ханжонкова налаживать в России производство хроникальных, научных и научно-популярных картин. Конкуренция с Пате не мешала сотрудничеству двух фирм. В своих мемуарах Ханжонков очень тепло отзывается о директоре фирмы «Бр. Пате» Морисе Карловиче Гаше, с которым, как он пишет, у него «были приятельские отношения, несмотря на постоянную конкуренцию между нашими фирмами»³³.

Это сотрудничество стало возможным в результате работы над фильмом, посвященным 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. Первоначально идея снять такой фильм принадлежала Пате, который предоставил свой сценарий для утверждения в канцелярию Министерства Императорского Двора. Этот сценарий был весьма сочувственно встречен императором, однако ходатайство было переадресовано военному министру, который, в свою очередь, должен был подготовить доклад о возможности реализации данной картины³⁴.

³⁰ Ханжонков А. А. Указ. соч. С. 67.

³¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 2341. Л. 30–31, 69, 91.

³² Лихачев Б. С. Указ. соч. С. 202.

³³ Ханжонков А. А. Указ. соч. С. 58–59.

³⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 969. Л. 11.

В ходе обсуждения сценария, представленного Пате, в Генеральном штабе возник ряд вопросов, которые касались как нарушения российского законодательства (запрет показа на экране царствующих лиц дома Романовых), так и отдельных сцен картины.

В результате было подготовлено специальное заключение Генерального штаба, в котором были перечислены претензии, касающиеся показа целого ряда эпизодов картины, изображающих русские войска в виде, не являющемся «поучительным, патриотичным и желательным» (стычка казаков с французским отрядом, в результате чего «казаки рассеяны и отступают»), а также сцен, изображающих предметы церковного облачения, что, как указывалось, «едва ли будет мириться с чувством религиозного почитания сих предметов православным народом»³⁵. Таким образом, Генеральный штаб в данном случае выступил в качестве цензора и фактически ввел ряд ограничений уже на этапе обсуждения сценария фильма.

Кроме того, Пате было отказано в просьбе о предоставлении для съемок в массовых батальных сценах «частей войск от 2-х до 3-х тыс. человек с необходимым числом орудий, знамен и прочим», разрешалось «лишь путем предоставления для сей цели, в свободное от служебных занятий время, команде нижних чинов, однако, без соответственного той эпохе обмундирования, снаряжения и вооружения, что должно составлять предмет забот самой фирмы и без знамен»³⁶.

Именно наличие данных ограничений, делавших съемку фильма практически невозможной, подтолкнули Пате к заключению договора с фирмой Ханжонкова, которому после обращения с соответствующим ходатайством к Великому князю Александру Михайловичу, кузену Николая II, удалось получить разрешение на съемки сцен на территории Московского кремля, а кроме того, ему были выделены войска для батальных сцен³⁷.

Картина «1812 год» была выпущена под соединенной маркой «Пате и Ханжонков». При этом, как отмечает сам Ханжонков, «в постановках фирмы “Бр. Пате” преобладали сцены декоративные, поставленные главным образом по живописным произведениям наших великих мастеров. Таковы были сцены: “Наполеон на Кремлевской стене”, “Военный совет в Филях” и т. д.». Что касается фирмы Ханжонкова, то у нее преобладали массовые сцены с участием войск³⁸.

Кроме того, удалось преодолеть и другие запреты, в частности вместо Александра I в картине был продемонстрирован его бюст, а сцена с казаками была снята таким образом, что в одной картине они отступали, а в другой — уже наступали и громили французскую армию.

³⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 969. Л. 12.

³⁶ Там же. Л. 14, 22, 27.

³⁷ Там же. Л. 30.

³⁸ Ханжонков А. А. Указ соч. С. 65.

Это был частный пример поиска компромисса между государством и кинематографическими фирмами. Подобные конфликтные ситуации возникали не раз. В профильных журналах отмечалась одна из ключевых особенностей дореволюционного кинопроцесса: «Картины разрешаются и запрещаются без всякой системы» Журналисты без конца задавали риторические вопросы: почему в одном кинематографе на Невском проспекте снимают с экрана хронику перемещения мощей св. Ефросинии, в то время как в соседнем театре всю неделю беспрепятственно демонстрируется «лента чисто порнографического пошиба»?³⁹

Надо отметить тот факт, что кинематографическое сообщество пыталось выработать профессиональный ответ на попытку государства установить контроль над деятельностью частных кинематографических обществ. 11 марта 1913 г. был утвержден устав Всероссийского общества владельцев кинематографических театров. Целью учреждения общества помимо выяснения, обсуждения и изучения вопросов, касающихся кинематографического театра как общепользовательного развлечения, содействия нормальному развитию таких театров в России и улучшению их в культурном и художественном отношении, объединения владельцев этих кинотеатров и урегулирования взаимных отношений между членами общества и тому подобных задач, было также заявлено о необходимости защиты профессиональных и экономических интересов членов данного общества и улучшению их экономического положения⁴⁰.

Для решения данных задач планировалось осуществить ряд мероприятий, в частности а) устраивать для своих членов и их служащих собрания и чтения по вопросам, входящим в задачи общества, б) устраивать съезды, организовывать выставки и конкурсы, в) командировать своих членов для изучения кинематографического дела в других станах, г) устраивать показательные образцовые кинематографические постановки, публичные лекции и др., д) организовывать школы и курсы для механиков кинематографии, е) издавать специальный периодический орган, ж) печатать отчеты о своей деятельности, з) учредить для членов общества кассы взаимопомощи, к) открывать филиальные отделения общества и т. п.⁴¹

Всего устав включал 18 пунктов, при этом особенно важным в деятельности общества рассматривалась все-таки экономическая составляющая, а именно подчеркивалась необходимость «входить в соглашение с фабрикантами и торговыми фирмами о скидках и особых условиях для своих членов и вырабатывать нормальные договоры для нормирования сделок членов Общества с фабрикантами и торговыми работниками»⁴².

³⁹ См.: Ковалова А., Семенов В. Указ. соч.

⁴⁰ Устав Всероссийского общества владельцев Кинематографических Театров. М., 1913. С. 3.

⁴¹ Там же. С. 4–5.

⁴² Там же. С. 5.

Тем не менее помимо задач, в основном связанных с поддержкой частных интересов членов общества, в уставе формулировалась цель разработки общей нормативно-правовой базы деятельности кинематографического сектора и установления его взаимоотношений с государством. Эта цель была сформулирована в отдельном параграфе, в котором заявлялось: «Общество имеет право ходатайствовать перед Правительством и органами Общественного самоуправления об издании новых или изменении существующих законов и обязательных постановлений, относящихся к кинематографическим театрам»⁴³.

По уставу действительными членами общества могли быть собственники кинотеатров, директора акционерных и паевых обществ, владеющих кинематографическими театрами, арендаторы таких театров и лица, фактически заведующие этими театрами⁴⁴.

Таким образом, сами кинодеятели сделали реальную попытку институционализировать свою деятельность, выстроить нормативно-правовую и финансовую основу взаимоотношений между кинобизнесом и государством. Однако в практическом плане Всероссийское общество владельцев кинематографических театров так и не приступило к работе, по крайней мере отследить результаты его деятельности не удалось. Скорее всего, этому помешала Первая мировая война, которая кардинально изменила ситуацию на российском кинорынке.

Пожалуй, единственным реальным участием государства в регулировании кинопроизводства в годы войны была передача монопольного права на съемки военной кинохроники Скобелевскому комитету. Сам комитет возник еще в ноябре 1904 г. по инициативе княгини Н. Д. Белосельской-Белозерской (сестры генерала Скобелева) для сбора пожертвований раненым и больным воинам, а в марте 1914 г. был создан военно-кинематографический отдел этого комитета. По сути, это была благотворительная организация, которая даже не имела своего штата профессиональных сотрудников (особенно операторов-хроникеров), который пришлось комплектовать на ходу⁴⁵.

Военно-кинематографический отдел приступил к работе уже во второй половине 1914 г. Вот как освещалось открытие этого отдела в «Вестнике кинематографии»: «В состоящем под Высочайшим, Его Императорского Величества, покровительством Скобелевском комитете для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам, в присутствии начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Н. Н. Янушкевича... состоялось скромное торжество официального открытия военно-кинематографического отдела. Отдел займется изготовлением кинематографических лент военно-

⁴³ Устав Всероссийского общества владельцев кинематографических театров. М., 1913. С. 6.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ История отечественного кино. М., 2005. С. 37–38.

образовательного и воспитательного содержания, предназначенных специально для солдатских кинематографов и картин батальных для кинематографического рынка вообще»⁴⁶.

Безусловно, отдельные запреты со стороны государства на демонстрацию уже готовых картин были. В частности, был запрещен к показу документальный фильм «Похороны графа С. Ю. Витте», снятый известным оператором и кинодеятелем А. О. Дранковым⁴⁷. Надо отметить, что Дранков являлся не только известным кинодеятелем, учредителем собственного акционерного общества, но и получил звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества», что ставило его в привилегированное положение среди других фирм, но и это звание не спасло фильм от запрета.

В какой-то мере цензором выступало Министерство Императорского Двора, поскольку именно туда обращались кинопредприниматели, если хотели получить поддержку со стороны государства или продемонстрировать свой фильм царской семье, что, по сути, являлось скрытой рекламой. Во всяком случае, факт демонстрации того или иного фильма императору всегда указывался в афише. Например, в афише исторической картины, снятой на киностудии Ханжонкова указывалось: «Картина имела счастье быть продемонстрированной Его Императорскому Величеству Государю Императору в Ялте и получила Его высочайшее одобрение»⁴⁸.

Кинематограф стал одним из развлечений царской семьи: по заведенному порядку, по субботам проводились киносеансы. По воспоминаниям начальника канцелярии Министерства Императорского Двора генерала А. А. Мосолова, обязанность выбирать ленты для просмотра была возложена на него Александрой Федоровной: «Императрица указала такую программу: сначала актуалитэ, фильмы, снятые за неделю придворным фотографом Ягельским, затем научный, либо красивый видовой, в конце же — веселую ленту для детей. Выбор был трудный, и мне не раз приходилось просить гофмейстерину Нарышкину просматривать предложенные фильмы, чтоб остановиться на подходящем для княжон»⁴⁹.

Заключение. Таким образом, необходимо отметить, что хотя государство напрямую и не вмешивалось в сам процесс кинопроизводства, но оно пыталось взять под контроль утверждение сценариев фильмов, а главное, контролировать прокатную и финансовую деятельность акционерных кинематографических обществ. Именно вопросу разработки эффективной налоговой политики в отношении кинопроизводства и демонстрации кинопродукции были посвящены дискуссии в Государственной думе и Государственном совете, а также

⁴⁶ Вестник кинематографии. 1914. № 7. С. 14–15, 25.

⁴⁷ Сагинадзе Э. Реформатор после реформ: С. Ю. Витте и российское общество. 1906–1915. М., 2017. С. 214–215.

⁴⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1170. Л. 103–121.

⁴⁹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 115.

в Министерствах финансов и просвещения, однако начавшаяся Первая мировая война отодвинула решение данного вопроса.

Что касается кинематографической цензуры, то хотя цензурный комитет и функционировал и, более того, пытался регулировать демонстрацию фильмов, но единых принципов его деятельности до 1917 г. так и не удалось разработать. В этом вопросе скорее можно говорить о наличии не светской, а церковной цензуры, в частности церковь запрещала развлекательные киносеансы во время поста и некоторых церковных праздников.

Тем не менее акционерным кинематографическим обществам в целом удавалось достаточно эффективно обходить эти запреты, находя варианты решения возникающих проблем, что наглядно продемонстрировали фирмы «Бр. Пате» и А. Ханжонкова, которые являлись ведущими акционерными обществами в дореволюционной России.

Литература

1. Бессолицын А. А. А. А. Ханжонков — пионер отечественной кинопромышленности // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22. № 1. С. 98–120. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(1).98-120
2. Бессолицын А. А. Акционерное общество А. Ханжонкова и его конкуренты в России // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 3. С. 780–842. DOI: 10.23859/2587-8344-2021-5-3-4
3. Бессолицын А. А. Особенности менеджмента акционерного общества «А. Ханжонков и Ко» в начале XX века // Российский журнал менеджмента. 2021. Т. 19. № 2. С. 177–194. DOI: 10.21638/spbu18.2021.203
4. Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М.: Аграф, 2007. 496 с.
5. Гращенкова И. Н. Кино Серебряного века. Русский кинематограф 10-х годов и кинематограф Русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов. М.: Б. и., 2005. 432 с.
6. Зоркая Н. М. История отечественного кино. М.: Белый город, 2014. 512 с.
7. История отечественного кино / [М. П. Власов и др.]; отв. ред. Л. М. Будяк. М.: Прогресс – Традиция, 2005. 528 с.
8. Летопись русского кино. 1863–1929 / сост. В. Е. Вишневский, В. П. Михайлов [и др.]. М.: Материк, 2004. 698 с.
9. Михайлов В. П. Рассказы о кинематографе старой Москвы. 2-е изд. М.: Материк, 2003. 280 с.
10. Сагинадзе Э. Реформатор после реформ: С. Ю. Витте и российское общество. 1906–1915. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 280 с.
11. Соболев Р. Люди и фильмы русского дореволюционного кино. М.: Искусство, 1961. 175 с.

References

1. Bessolitsyn A. A. A. A. Khanzhonkov — pioner otechestvennoi kinopromyshlennosti [A. A. Khanzhonkov as a pioneer of the national film industry] // Journal of Economic History & History of Economics. 2021. Vol. 22. № 1. P. 98–120. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(1).98-120 (In Russ.).
2. Bessolitsyn A. A. Aktsionernoe obshchestvo A. Khanzhonkova i ego konkurenty v Rossii [A. Khanzhonkov and Co joint-stock company and its competitors in Russia] // Historia Provinciae — the Journal of Regional History. 2021. Vol. 5. № 3. P. 780–842. DOI: 10.23859/2587-8344-2021-5-3-4 (In Russ.).
3. Bessolitsyn A. A. Osobennosti menedzhmenta aktsionernogo obshchestva «A. Khanzhonkov i Ko» v nachale XX veka [Specifics of the management of joint-stock company “A. Khanzhonkov & Co.” at the beginning of the XX century] // Russian Management Journal. 2021. Vol. 19. № 2. P. 177–194. DOI: 10.21638/spbu18.2021.203 (In Russ.).
4. Ginzburg S. S. Kinematografiia dorevoliutsionnoi Rossii [Cinematography in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Agraf, 2007. 496 p. (In Russ.).
5. Grashchenkova I. N. Kino Serebrianoogo veka. Russkii kinematograf 10-kh godov i kinematograf Russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia 20-kh godov [Cinema of Silver age. Russian cinematography in 10th years and cinematography of Russian after-October abroad of the 20th years]. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.).
6. Zorkaya N. M. Istoriia otechestvennogo kino [History of local cinema]. Moscow: Belyi gorod, 2014. 512 p. (In Russ.).
7. Istoriia otechestvennogo kino [History of local cinema] / [M. P. Vlasov i dr.]; otv. red. L. M. Budiak. Moscow: Progress – Traditsiia, 2005. 528 p. (In Russ.).
8. Letopis' rossiiskogo kino. 1863–1929 [Chronicle of Russian cinema. 1863–1929] / sost. V. E. Vishnevskii, V. P. Mikhailov [i dr.]. Moscow: Materik, 2004. 698 p. (In Russ.).
9. Mikhaylov V. P. Rasskazy o kinematografe staroi Moskvyy [Stories about the cinematography of the old Moscow]. 2-e izd. Moscow: Materik, 2003. 280 p. (In Russ.).
10. Saginadze E. Reformator posle reform: S. Iu. Vitte i rossiiskoe obshchestvo. 1906–1915 [Reformer after the reforms” S. Yu. Vitte and Russian society. 1906–1915]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 280 p. (In Russ.).
11. Sobolev R. Liudi i fil'my russkogo dorevoliutsionnogo kino [People and movies of Russian pre-revolutionary cinema]. Moscow: Iskusstvo, 1961. 175 p. (In Russ.).

УДК 94(47).084.1

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.05

Кулаков Сергей Владимирович

аспирант

Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

kulakov_sergey76@mail.ru; ORCID: 0009-0001-1639-7802

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТРА-ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, КНЯЗЯ Г. Е. ЛЬВОВА (март – июль 1917 г.)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность министра-председателя Временного правительства, кн. Г. Е. Львова в марте – июле 1917 г. по разрешению проблем, связанных с украинской автономией. В результате проведенного исследования выявлены различные варианты поведения министра-председателя при взаимодействии с украинскими национальными организациями, в том числе и с Центральной радой. Одной из причин уступок Временного правительства в вопросе украинской автономии было стремление обеспечить стабильность тыла и управляемость фронта в условиях успешно развивавшегося летнего наступления 1917 г. Это и сохранение территориальной целостности России до начала работы Учредительного собрания являлось главными задачами кн. Львова, ради чего он был готов идти на компромиссы в украинском вопросе.

Ключевые слова: Временное правительство, князь Г. Е. Львов, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, автономия Украины, Центральная рада, Учредительное собрание, июньское наступление, июльский кризис.

Для цитирования: Кулаков С. В. Украинский вопрос в деятельности министра-председателя Временного правительства, князя Г. Е. Львова (март – июль 1917 г.) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 66–82. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.05

© Кулаков С. В., 2024

UDC 94(47).084.1

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.05

Kulakov Sergej V.

Postgraduate Student

The Herzen State Pedagogical University of Russia

Saint Petersburg, Russia

kulakov_sergey76@mail.ru; ORCID: 0009-0001-1639-7802

THE UKRAINIAN QUESTION IN THE ACTIVITIES OF THE MINISTER-CHAIRMAN OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT, PRINCE G. E. L'VOV (March – July 1917)

Abstract. The article examines the activities of the Minister-Chairman of the Provisional Government of Prince G. E. L'vov in March – July 1917 to resolve problems related to Ukrainian autonomy. As a result of the conducted research, various variants of the behavior of the minister-chairman in interaction with Ukrainian national organizations, including the Central Rada, have been identified. One of the reasons for the concessions of the Provisional Government on the issue of Ukrainian autonomy was the desire to ensure the stability of the rear and the controllability of the front in the conditions of the successfully developing summer offensive of 1917. This and the preservation of the territorial integrity of Russia before the start of the Constituent Assembly were the main tasks of the Prince L'vov, for which he was ready to compromise on the Ukrainian issue.

Keywords: Provisional government, Prince G. E. L'vov, Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, autonomy of Ukraine, Central Rada, Constituent Assembly, June offensive, July crisis.

For citation: Kulakov S. V. The Ukrainian question in the activities of the minister-chairman of the Provisional government, Prince G. E. L'vov (March – July 1917) // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 1 (53). P. 66–82. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.05

Введение. Национальные проблемы — одно из проявлений системного кризиса российского общества, — итогом которых стал февраль 1917 г.¹ Советской историографии были присущи два подхода к освещению деятельности Временного правительства по решению вызовов, связанных с требованиями украинского национального движения: обвинения в устранении от решения этих вопросов² либо формальное, скупое освещение мероприятий новой власти с классовой точки зрения³. Современные историки

¹ Сталин И. В. Сочинения. М., 1946. Т. 3. С. 56.

² См., напр.: Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России 1905–1917 гг. М., 1976. С. 217.

³ См., напр.: История гражданской войны в СССР. Т. 1 / под. ред. М. Горького и др. М., 1937. С. 127–131; Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 217–218; Пушкарева И. М. Г. Е. Львов. Биография // Исторические силуэты: сборник / отв. ред. С. В. Тютюкин. М., 1991. С. 180–181.

изучают взаимоотношения центра и национальных окраин в постфевральской России на качественно новом уровне⁴. Однако роль главы Временного правительства кн. Г. Е. Львова в разрешении украинского вопроса, имевшего серьезное влияние на последующее государственное строительство, до сих пор не являлась предметом специального исследования. Данная статья ставит своей целью восполнить этот пробел.

Ход и результаты исследования. Еще в 1915 г. кн. Львов в обращении к Николаю II характеризовал политику русских властей в Галиции как «необъяснимо поспешную», не считавшуюся с «национальными и вероисповедными особенностями края», препятствовавшую «великому делу... доблестной армии»⁵. Следует отметить, что до революции глава Земгора⁶ мог иметь в Москве контакты с будущими лидерами украинских национальных организаций⁷. Кроме того, в низовых структурах организации, возглавляемой Г. Е. Львовым, работали многие будущие члены Центральной рады⁸.

4 марта 1917 г.⁹ образованная в Киеве Центральная рада приветствовала новое правительство и выражала надежду на то, что «в свободной России будут удовлетворены все законные права украинского народа»¹⁰. 7 марта украинские организации Москвы распространили брошюру «Наши требования», где высказывались подозрения о том, что Временное правительство намерено «идти по следам централистской политики старого режима»¹¹. 12 марта в грандиозной демонстрации в Петрограде приняло участие несколько тысяч солдат-украинцев¹², что не могло не остаться незамеченным новой

⁴ Соколова М. В. Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская центральная рада (февраль – октябрь 1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1. С. 117–129; Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля – октября 1917 г.: стратегии, структуры, персонажи. М., 2015; Солдатенко В. Ф. Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. Київ, 2007 и др.

⁵ Письмо бывшему царю Николаю II единой земской и городской России и проект речи Г. Е. Львова: (из не пропущенных царской цензурой материалов). Псков, 1917. С. 7.

⁶ Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов, созданный в 1915 г., руководителем которого был кн. Львов.

⁷ Плотников И. Ф. Тюремные и угрожающие жизни дни и месяцы князя Г. Е. Львова на Урале, 1917–1918 гг. Тула, 2001. С. 52; Безкровний Ю. О. Володимир Винниченко як редактор журналу «Промінь» (1916–1917) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2015. Вип. 43. С. 164. О московской жизни и службе в комитете Всероссийского земского союза на Западном фронте С. В. Петлюры см.: Верстюк В. Ф. Симон Петлюра: політичний портрет (до 125-річчя від дня народження) // Український історичний журнал. 2004. № 3. С. 118.

⁸ Діячі Української Центральної Ради: біографічний довідник / ред. В. Ф. Верстюк та інш. Київ, 1998. С. 64, 69, 105, 115, 123–124 и др.

⁹ Все даты даны по старому стилю.

¹⁰ В украинских организациях // Киевская мысль. 1917. 5 марта. № 64. С. 2.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6281. Оп. 1. Д. 71. Л. 82 об.

¹² В Петрограде // Киевлянин. 1917. 14 марта. № 73. С. 3; Украинская манифестация // Утро России. 1917. 13 марта. № 70. С. 3; Христюк П. Записки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. Wien, 1921. Т. 1. С. 26.

властью. Наконец, 17 марта представители петроградских украинских организаций были приняты главой правительства. Руководил делегацией А. И. Лотоцкий¹³. Украинцы передали главе правительства «Памятную записку», положения которой, как справедливо отмечает С. В. Курицын, отличались умеренностью¹⁴. В частности, в документе были изложены требования о введении украинского языка в делопроизводство, создании поста комиссара по украинским делам при правительстве, о восстановлении довоенного порядка в занятых русской армией землях Галиции и Буковины, а также о возвращении репрессированных уроженцев этих территорий на родину и др.¹⁵

Любопытна манера поведения кн. Г. Е. Львова на этой встрече. Глава правительства иронически приветствовал одного из членов делегации, М. А. Славинского: «Максим Антонович, голубчик, вот сюрприз, тридцать лет мы с Вами знакомы, и я не знал, что Вы украинец»¹⁶. А. Лотоцкий описывает министра-председателя как «благостного дедушку», который «добродушно слушал, мягонько спрашивал, избегал решающего слова и не давал полного ответа»¹⁷.

В заключение кн. Львов заверил украинских делегатов, что правительство принципиально не имеет ничего против предложенных делегацией мероприятий, после чего назначил повторное совещание, взяв паузу для выяснения позиции коллег по кабинету¹⁸. 19 марта на заседании Временного правительства принято решение направить «Памятную записку» украинцев на рассмотрение министрам и Юридическому совещанию¹⁹, однако в журналах последнего следов обсуждения не обнаружено. 23 марта состоялась новая встреча, на которой украинцы подали главе правительства список кандидатур на должности краевого комиссара, киевского губернского комиссара и т. п.²⁰ Кн. Львов в ответном слове заявил, что «Временное правительство ничего не имеет против назначения кандидатов, рекомендованных украинцами, если бы все население, а не только лишь сами украинцы согласились принять их»²¹.

Требования петроградских украинцев вызвали дискуссии в кабинете министров. Особые возражения были по поводу идеи создания должности

¹³ Лотоцкий О. Сторінки минулого: у 4 т. Ч. 3 / видання Української православної церкви в США. South Bound Brook, NJ, 1966. С. 339.

¹⁴ Курицын С. В. Феномен братания на Юго-Западном фронте в 1917 г. (по материалам российских архивов): дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. С. 71.

¹⁵ Лотоцкий О. Указ. соч. С. 340–343.

¹⁶ Цит. по: Красовицкая Т. Ю. Указ. соч. С. 149.

¹⁷ Лотоцкий О. Указ. соч. С. 348.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 1. Март – апрель 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов, сост. Е. Д. Гринько, О. В. Лавинская. М., 2001. (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII / Федеральная архивная служба России, Гос. архив Российской Федерации). С. 136.

²⁰ Лотоцкий О. Указ. соч. С. 348.

²¹ Там же.

краевого комиссара, так как это означало изменение государственного устройства до решения Учредительного собрания²².

Итогом двух встреч стала просьба кн. Львова к Лотоцкому о подготовке докладной записки, рассматривать которую было должно совещание под руководством товарища министра внутренних дел Д. М. Щепкина²³.

1 апреля Лотоцкий и член Центральной рады А. Я. Шульгин обратились к кн. Львову с предложением создать Украинскую автономную область, в которую следовало включить по желанию населения и часть Кубани²⁴. В конце апреля украинцы уже требовали включения части Воронежской, Курской, Бессарабской губерний²⁵.

Без удовлетворения весной 1917 г. остались многочисленные петиции беженцев-украинцев из Холмщины, которую правительство планировало передать будущей независимой Польше²⁶.

Делегаты Всеукраинского национального съезда, проходившего в Киеве 6–8 апреля, направили резолюцию, послужившую началом эскалации взаимоотношений украинских националистов с центральной властью²⁷. В ответе министр-председатель заявил, что вопрос о судьбе Украины поступит в Учредительное собрание и отметил, что Временное правительство принципиально согласно на формирование украинских национальных воинских частей²⁸.

Интересным является подход кн. Львова к решению украинского вопроса, проявившийся в назначении областного комиссара Временного правительства в Галиции и Буковине. В начале апреля министр-председатель с этой целью вызвал из Киева украинского общественного деятеля, сотрудника Земгора Д. И. Дорошенко²⁹. В ходе встречи последний повел разговор о возможности увольнения некоторых сотрудников прежней администрации, на что кн. Львов решительно возразил: «Как кой-кого уволить? Всех до одного! Вы там должны камня на камне не оставить от того, что было до сих пор»³⁰. Это свидетельствует

²² Курицын С. В. Указ. соч. С. 72.

²³ Лотоцкий О. Указ. соч. С. 349.

²⁴ ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–1 об.

²⁵ Бондаренко Д. Я., Крестовская Н. Н. Переговоры Временного правительства и Украинской Центральной рады весной и летом 1917 года // Отечественная история. 2002. № 2. С. 87.

²⁶ В марте – июне прошли многочисленные собрания беженцев из Холмской губернии, инициированные депутатом IV Государственной думы, протоиереем А. С. Будиловичем, требовавшие включения Холмщины в земли Украины в составе Русского государства (ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2 и др.; Д. 40. Л. 1–2 и др.).

²⁷ Соколова М. В. Указ. соч. С. 120. Украинский национальный съезд // Киевская мысль. 1917. № 94. 9 апреля. С. 2. См. также: Революция и национальный вопрос: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / под ред. С. М. Диманштейна. М., 1930. С. 137.

²⁸ В свободной России (телеграммы от собственного корреспондента) // Каспий. 1917. 29 апреля. № 94. С. 3.

²⁹ Дорошенко Д. И. Война и революция на Украине // Историк и современник: историко-литературный сборник. Берлин, 1922. Вып. 2. С. 199.

³⁰ Там же. С. 200.

о том, что глава правительства планировал использовать украинцев в Галиции для демонтажа административной системы, оставшейся от старого режима.

В целом первый этап контактов кн. Львова и украинского национального движения можно охарактеризовать словами секретаря Совета объединенных еврейских организаций Киева А. А. Гольденвейзера о господствовавшем в кругах русской интеллигенции «легкомысленном пренебрежении к украинскому национальному движению» в первые недели после революции³¹. Затягивание рассмотрения обращений украинцев, ведомственная волокита — основные приемы, к которому прибегал глава правительства. Среди причин подобного отношения министра-председателя к украинской проблеме можно предположить следующие:

- в марте практически одновременно возникли три серьезных центра политического украинства — Центральная рада в Киеве, украинские национальные рады в Москве и Петрограде, причем самой радикальной из них, судя по требованиям, была именно московская организация³²;

- существование организаций, претендующих на осуществление власти на местах, созданных исключительно по национальному принципу, противоречило положениям правительственной декларации от 3 марта 1917 г.³³ Конкурентом Центральной рады был Совет объединенных общественных организаций Киева (СООК), созданный 1 марта, вполне признаваемый Петроградом орган местной власти;

- кн. Львову как главе МВД могли быть известны проблемы, с которыми сталкивалось украинское движение на местах. Лидеры украинских организаций, требуя введения особых форм государственного устройства на землях Украины, опираясь на данные переписи населения 1897 г., согласно которым малороссы составляли там более 70 % населения³⁴, признавали провалы в украинизации этих территорий³⁵;

- снисходительность министра-председателя в отношении украинских политических деятелей могла быть вызвана и тем фактом, что многие из них перед революцией занимали низовые должности в структурах Земгора и фактически находились в подчинении кн. Львова.

³¹ Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний (1917–1920 гг.) // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Берлин, 1922. Т. VI. С. 168.

³² ГАРФ. Ф. 6281. Оп. 1. Д. 71. Л. 82–83 об.

³³ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917. С. 8.

³⁴ Лотоцкий О. Указ. соч. С. 349. См. также: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1905. Вып. 7. Наличное население обоого пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. С. 12, 14, 15, 20, 21, 23, 24, 25, 26.

³⁵ Письмо Е. Х. Чикаленко В. К. Винниченко от 11 июля // Український історичний журнал. 1997. № 5. С. 106; Христок П. Указ. соч. С. 43; Українська Центральна рада: документи і матеріали: у 2 т. Київ, 1996. Т. 1: 4 березня – 9 грудня 1917 р. С. 110–112, 128–129; Гольденвейзер А. А. Указ. соч. С. 178.

Следующий этап взаимоотношений главы Временного правительства со ставшей с апреля 1917 г. ведущей украинской политической организацией Центральной радой можно охарактеризовать как «взаимопровоцирование»³⁶, поступательную обоюдную политическую эскалацию.

Инициатором обострения можно считать украинскую сторону. 5–8 мая состоялся I Украинский военный съезд, который постановил считать Центральную раду «единственным компетентным органом, призванным решать все вопросы, касающиеся Украины»³⁷. Пользуясь такой поддержкой, Рада направила в Петроград делегацию для подачи Временному правительству и Петроградскому Совету докладной записки, в которой был изложен ряд требований.

16 мая украинская делегация во главе с В. К. Винниченко была принята министром-председателем. Украинцы в нарушение регламента настаивали на немедленном обсуждении докладной записки Рады на заседании Временного правительства в их присутствии³⁸. Судя по воспоминаниям участника делегации Г. М. Оди́нца, кн. Львов, выслушав требования, упрекнул украинцев: «Еще не успели закрепиться, закончить войну и установить законность, а вы уже надумали кромсать российское государство»³⁹. Далее министр-председатель говорил, что не имеет права согласиться на требования Центральной рады, потому что это может делать только «хозяин русский — Учредительное собрание»⁴⁰. Представитель военной организации Центральной рады А. М. Пилькевич произнес речь, которая произвела большое впечатление на главу правительства: «В случае отказа наших справедливых исторических притязаний со стороны Временного Российского правительства, вам, господин министр, придется иметь дело с полутора миллионами вооруженного украинского народа»⁴¹. В ответ на эту открытую угрозу кн. Львов начал доказывать делегатам Рады, что «украинские домогательства могут сыграть погибельную роль в пользу врага» и «могут очень повредить на фронте»⁴². Заканчивая прием, министр-председатель посоветовал украинцам ждать решения вопроса об украинской автономии до окончания войны⁴³.

Итогом переговоров стала договоренность о том, что будет создана правительственная комиссия, которая и будет обсуждать документ совместно с делегацией⁴⁴. Главой комиссии, как и в случае с обращением петроградских украинцев, был назначен Д. М. Щепкин; в ее состав вошли заместители

³⁶ Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 275.

³⁷ Революция и национальный вопрос: документы и материалы... С. 139–143.

³⁸ Украинская жизнь // Киевская мысль. 1917. 18 мая. № 124. С. 2.

³⁹ Оди́нець Г. Мої спогади про Центральну Раду. Харків, 1926. С. 10.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Цит. по: Діячі Української Центральної Ради. С. 114.

⁴² Оди́нець Г. Указ. соч. С. 11.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Украинская жизнь // Киевская мысль. 1917. 18 мая. № 124. С. 2.

кн. Львова по МВД Н. Н. Авинов, кн. С. Д. Урусов и другие специалисты⁴⁵. Глава украинской делегации описывает взаимодействие с чиновниками следующим образом: «Правительство выпустило на делегацию комиссию профессоров. Они накинулись на нас и начали трепать со всех боков, пытаются спихнуть нас с нашей позиции, втянуть в дебри юрисдикции, запутать там и потом взять живьем»⁴⁶. В телеграмме, направленной Щепкиным главе Исполкома СООК Н. Ф. Страдомскому, сообщалось, что совещание «никаких решений по украинскому вопросу не принимало; предполагается доложить пожелания рады Временному правительству в ближайшие дни»⁴⁷. Изучавшая вопрос взаимоотношений Временного правительства и Центральной рады М. В. Соколова считает, что само создание специального совещания являлось признаком несомненной важности этой проблемы для кабинета министров⁴⁸. Позволим себе оспорить это утверждение, основываясь на том, что вопрос о создании комиссии в журналах заседаний правительства не фиксировался, в отличие от обращения петроградских украинцев в марте.

Одновременно с поездкой делегации Рады в Петроград 19 мая Киев посетил военный министр, который дал украинцам повод подозревать главу кабинета в обмане. На заседании Центральной рады А. Ф. Керенский, отвечая на обращения по проблеме автономии, заявил: «Я сейчас совершенно не в состоянии сказать что-либо вам в ответ на поставленные вами вопросы. Когда я выезжал из Петрограда, этот вопрос еще и не поднимался, и я совершенно не знаком с взглядами моих товарищей»⁴⁹. Тем самым Керенский дал понять, что прежние обращения украинцев до членов кабинета не доводились и на обсуждение министров не выносились.

31 мая Временное правительство, заслушав доклад Д. М. Щепкина, снова отвергло притязания Центральной рады, подтвердив намерение оставить вопросы по изменению государственного устройства на усмотрение Учредительного собрания⁵⁰.

2 июня в «Киевлянине» была опубликована телеграмма В. В. Шульгина, в которой изложены основные тезисы его беседы с кн. Львовым. В частности, министр-председатель заявил: «Если украинцы желают провозгласить автономию до Учредительного собрания, значит они опасаются, что Учредительное собрание на автономию не согласится»⁵¹. Заканчивалась беседа словами главы кабинета о том, что «правительство всемерно будет противодействовать

⁴⁵ Христюк П. Указ. соч. С. 60.

⁴⁶ Винниченко В. К. Відродження Нації. Київ; Відень, 1920. С. 166.

⁴⁷ Ответ Щепкина Н.Ф. Страдомскому // Киевлянин. 1917. 31 мая. № 130. С. 2.

⁴⁸ Соколова М. В. Центр и периферия. Россия и Украина в 1917 году // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 222.

⁴⁹ Українська Центральна рада: документи і матеріали. С. 90.

⁵⁰ К вопросу об автономии Украины // Вестник Временного правительства. 1917. 2 июня. № 69. С. 2.

⁵¹ Киев, 1-го июня 1917 г. (По телеграфу из Петрограда) // Киевлянин. 1917. 2 июня. № 132. С. 1.

поползновениям решить украинский вопрос до Учредительного собрания»⁵². В этот же день правительство передало на рассмотрение Юридического совещания докладную записку Центральной рады с требованиями широкой самостоятельности с карандашными пометками министров, в числе которых была и резолюция кн. Львова: «Отрицатель[но], переработать»⁵³.

Следующим шагом эскалации можно считать проведение в начале июня II Украинского войскового съезда, запрещенного военным министром⁵⁴, и I Украинского крестьянского съезда. Основываясь на их резолюциях, Центральная рада 10 июня издала свой I Универсал, в котором была провозглашена автономия Украины, а несколькими днями позже образовала орган исполнительной власти — Генеральный секретариат.

13 июня Юридическое совещание подготовило заключение по докладной записке Центральной рады и I Универсалу, в котором признало притязания украинцев несостоятельными⁵⁵. Как указывает С. Машкевич, это заключение так и не было отправлено в Киев, так как против него проголосовал ряд министров, в том числе и премьер⁵⁶.

16 июня за подписью кн. Львова публикуется воззвание к украинцам, носящее примирительный характер, однако их стремление к автономии во время войны в нем характеризовалось как «гибельный путь»⁵⁷.

Помимо публикаций в прессе правительством для разрешения украинского вопроса проводятся мероприятия по сбору информации с мест. В мае – июне 1917 г. в период обострения отношений между Временным правительством и Центральной радой в столицу по разным поводам прибывают представители общественных организаций и местных органов власти из малороссийских губерний. Так, одновременно с делегацией Центральной рады в Петроград прибыл киевский городской голова Ф. С. Бурчак, который принимал участие в заседании под председательством заместителя кн. Львова в МВД С. М. Леонтьева⁵⁸. 14 июня правительством «в связи с вопросом автономии Украины» был вызван киевский губернский комиссар М. А. Суковкин, выступивший 20 июня с докладом на заседании кабинета, по итогам которого было принято решение о направлении в Киев правительственной комиссии⁵⁹.

⁵² Киев, 1-го июня 1917 г. (По телеграфу из Петрограда) // Киевлянин. 1917. 2 июня. № 132. С. 1.

⁵³ ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

⁵⁴ Революция и национальный вопрос: документы и материалы... С. 58.

⁵⁵ Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март – октябрь 1917 г. Т. 1: Март – июнь 1917 г. / отв. ред. Б. Ф. Додонов. М., 2018. С. 479.

⁵⁶ Машкевич С. Киев 1917 – 1920. Прощание с империей. Харьков, 2019. Т. 1. С. 95.

⁵⁷ От Временного правительства. Украинскому народу // Вестник Временного правительства. 1917. 17 июня. № 82. С. 1.

⁵⁸ Поездка городского головы Ф. С. Бурчака в Петроград // Киевлянин. 1917. 31 мая. № 130. С. 2.

⁵⁹ Посылка комиссии в Украину // Утро России. 1917 г. 23 июня. № 153. С. 4. Деятельность М. А. Суковкина в Киеве подверглась критике кн. Львовым в близком кругу 21 июня. См.: Якушкин П. Е. Дневник // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1992. Т. II–III. С. 321.

В конце июня в Петрограде также побывал попечитель Киевского учебного округа Н. П. Василенко⁶⁰. Особо отметим, что 1 июля кн. Львов встречался с Н. Ф. Страдомским, руководителем Исполкома СООК, прибывшим в Петроград накануне⁶¹.

Есть основания предполагать, что в момент обострения конфликта по поводу украинской автономии кн. Львов как глава МВД указал контролировать и ограничивать телеграфные сношения петроградских украинцев с Центральной радой. В Государственном архиве РФ имеется сопроводительное письмо от 20 июня от заместителя коменданта почт и телеграфов Петрограда с копией задержанной 19 июня телеграммы в Киев от некоего Пилипинко⁶² с приветствиями в адрес Винниченко, Грушевского и членов Рады. Из текста документа можно сделать вывод о том, что поручение о задержании подобного рода телеграмм было получено от кн. Львова по телефону⁶³.

К 21 июня в целом был готов список участников делегации, направляемой на Украину⁶⁴. Утверждение произошло на заседании правительства 24 июня, которое назначило главой комиссии кн. С. Д. Урусова⁶⁵. Однако следует отметить, что состав делегации не устраивал министра-председателя, считавшего его слабым из-за представительства в нем кадетов и сторонников украинской автономии⁶⁶. Кн. Львовым предлагались члены Петроградского Совета, о чем он сносился с Н. С. Чхеидзе⁶⁷. Кроме того, глава правительства приглашал писателя В. Г. Короленко⁶⁸.

Поездка, намеченная на 25 июня, не состоялась, а потом и вовсе была отменена⁶⁹. Тогда же, 25 июня утром, в частной беседе кн. Львов назначает участников новой делегации — министров Н. В. Некрасова, И. Г. Церетели и М. И. Терещенко, — называя их мучениками, противопоставляя министрам-кадетам, которые «вместо того, чтобы помочь им, сразу же начинают говорить, что, если вы там без нас решите — мы не признаем, так сказать, принципиально»⁷⁰.

Можно предположить, что кн. Львов употребил все свое влияние, убедив членов правительства в необходимости направления в Киев политических тяжеловесов. Какие доводы мог приводить министр-председатель в защиту своей позиции?

⁶⁰ Реформы по народному образованию (Беседа с Н. П. Василенко) // Киевская мысль. 1917. 29 июня. № 159. С. 3.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 407. Л. 25.

⁶² Так в документе.

⁶³ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 244. Л. 125–126.

⁶⁴ Якушкин П. Е. Указ. соч. С. 321.

⁶⁵ Комиссия по украинским делам // Киевская мысль. 1917. 25 июня. № 156. С. 4.

⁶⁶ Якушкин П. Е. Указ. соч. С. 321.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1 Д. 244. Л. 134.

⁶⁸ Там же. Л. 132.

⁶⁹ Комиссия по украинским делам // Киевская мысль. 1917. 27 июня. № 157. С. 1.

⁷⁰ Якушкин П. Е. Указ. соч. С. 322.

Несомненно, первым по важности был военный аспект. 18 июня успешно началось наступление русского Юго-Западного фронта. Малороссийские губернии были тыловой базой и основным источником пополнения для Юго-Западного и Румынского фронтов, в разные периоды 1917 г. насчитывавших более 50 % от численности всей действующей армии⁷¹. С одной стороны, там были наименее морально разложившиеся воинские части⁷², а с другой — начавшаяся стремительная украинизация фронтовых и тыловых подразделений могла грозить срывом наступления, о чем свидетельствуют приказы начальника Киевского военного округа от 24 и 26 июня о фактах отказа отдельных подразделений следовать на фронт без указания Генерального войскового комитета Центральной рады⁷³.

Украинские организации создавались на Черноморском, Балтийском флотах, в Петроградском гарнизоне и даже в Финляндии⁷⁴. Серьезный сигнал был послан 19 июня во время так называемой политической прогулки — совместной поездки по Днепру лидеров Рады и неукраинских демократических организаций, совершенной с целью поиска компромисса. Винниченко произнес речь со скрытой угрозой отвода с фронта воинских частей, укомплектованных украинцами, в случае отсутствия договоренности с правительством⁷⁵. 20 июня на совместном заседании представителей неукраинской демократии и Рады тот же Винниченко снова говорил об угрозе стабильности фронта, исходящей от радикальных украинских элементов⁷⁶. По всей видимости, это стало причиной приезда А. Ф. Керенского с фронта в разгар наступления.

Вторым фактором можно считать давление, которое оказывала на кабинет министров советская демократия. В резолюции I Всероссийского съезда Советов по национальному вопросу содержится требование к Временному правительству «войти в соглашение с органами украинской революционной демократии для организации... временного краевого органа и для установления и проведения конкретных мер, необходимых для удовлетворения национальных потребностей украинского народа»⁷⁷. Именно этим можно объяснить пожелание кн. Львова иметь в первоначальном составе делегации представителя Петроградского Совета и включении в окончательный состав комиссии И. Г. Церетели.

Третьей причиной, обусловившей организацию поездки министров в Киев, можно считать первые шаги к компромиссу со стороны Центральной рады, которые выразились в договоренностях, достигнутых во время политической

⁷¹ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 184, 189.

⁷² Там же. С. 193.

⁷³ Приказ К. М. Оберучева // Киевлянин. 1917. 25 июня. № 152. С. 2; Приказ Киевскому военному округу на театре военных действий // Киевлянин. 1917. 28 июня. № 154. С. 2.

⁷⁴ Українська Центральна рада: документи і матеріали. С. 112, 113; Украинское движение // Утро России. 1917. 27 июня. № 157. С. 3.

⁷⁵ Гольденвейзер А. А. Указ. соч. С. 179.

⁷⁶ Переговоры с Центральной украинской радой // Киевская мысль. 1917. 21 июня. № 152. С. 2.

⁷⁷ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 236.

прогулки. Уступки выразились в решении о включении в состав комиссии по выработке основ автономии Украины представителей национальных меньшинств (25 июня)⁷⁸ и в одобрении мер по расширению состава Центральной рады за счет неукраинцев (29 июня)⁷⁹. Делегация Временного правительства своим авторитетом могла закрепить и углубить эту тенденцию.

Можно предположить наличие каких-то консультаций кн. Львова и части членов кабинета перед отъездом министров в Киев. Основанием для этого может служить тот факт, что 30 июня, реагируя на категорическое требование кадетов о рассмотрении соглашения с Центральной радой только после возвращения делегации, Церетели заявил украинцам: «Это лишь временная чисто формальная задержка; то, что мы с вами здесь решаем, это обязательно и для правительства, от имени которого я здесь выступаю»⁸⁰. На заседании кабинета 2 июля министр-председатель вместе с главой Синода В. Н. Львовым и министрами-социалистами высказались за принятие киевской декларации без изменений⁸¹.

О содержании консультаций можно предположить, основываясь на наблюдениях за действиями и речами министров в Киеве и событиями, последовавшими вслед за июльским кризисом.

Необходимо отметить, что для министерского визита складывалась благоприятная обстановка на фронте. Д. Я. Бондаренко ошибочно полагал, что провал наступления Юго-Западного фронта толкал правительство к скорейшему заключению соглашения⁸². В доказательство этого утверждения укажем, что переговоры состоялись во время серьезного продвижения Юго-Западного фронта в Галиции⁸³. На наш взгляд, именно успехи русских войск обусловили манеру поведения правительственной делегации в Киеве и уступчивость украинцев. Так, 29 июня во время дневного совместного заседания министры отвергли проекты автономии, предложенные лидерами Рады⁸⁴, а на вечернем заседании Церетели вел себя как хозяин положения — определял очередность рассматриваемых вопросов⁸⁵, указывал желательную пропорцию представительства украинских и неукраинских элементов в обновленной Раде (50 на 50)⁸⁶, требовал отложить формальное объявление автономии до решения Учредительного собрания⁸⁷. Давление продолжил и Терещенко, увязавший

⁷⁸ Українська Центральна Рада: документи і матеріали. С. 125–126.

⁷⁹ Там же. С. 138–140.

⁸⁰ Цит. по: *Рафес М. Г.* Два года революции на Украине: Эволюция и раскол «Бунда». М., 1920. С. 32.

⁸¹ *Миллюков П. Н.* История второй русской революции. Киев, 1919. Т. 1. Борьба буржуазной и социалистической революции. Вып. 1. Противоречия революции. С. 161–162.

⁸² *Бондаренко Д. Я.* Взаимоотношения Временного правительства и Украинской Центральной рады: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 25.

⁸³ К 30 июня взяты Станислав, Галич и Калуш.

⁸⁴ 1917 год на Киевщине: хроника событий / под ред. В. Манилова. Киев, 1928. С. 143.

⁸⁵ Українська Центральна Рада: документи і матеріали. С. 160.

⁸⁶ Там же. С. 161.

⁸⁷ Там же. С. 162.

решение финансовых вопросов будущей автономии со скорейшим подписанием соглашения⁸⁸. В заключительной части заседания Церетели упрекал Раду в неспособности организовать отправку на фронт тех воинских частей, в которых она имела сильное влияние⁸⁹. Керенский во время встреч с представителями руководства Рады и ее Генерального войскового секретариата, хотя и соглашался на создание отдельных украинских частей, но отвергал проведение в жизнь «принципа национальной войсковой организации»⁹⁰.

На заседании Рады 30 июня Винниченко, подгоняемый телефонными звонками Церетели, требовавшим немедленного ответа и угрожавшим, что в случае промедления «соглашение будет отодвинуто на неизвестное время»⁹¹, был вынужден настаивать на скорейшем принятии проекта соглашения с Временным правительством без изменений.

В Киеве министры побывали не только на заседаниях Рады. 29 июня правительственная делегация посетила собрание представителей губернского и городского исполнительных комитетов Советов рабочих и солдатских депутатов, политических партий⁹². На следующий день Церетели участвовал в закрытом заседании этих же организаций, но без присутствия украинских политиков⁹³. В ночь на 1 июля министры и Винниченко приняли участие в совместном заседании с представителями общественных и политических организаций Киева, где было принято решение о введении в состав Рады представителей неукраинских организаций в количестве 45 % от общего числа ее членов⁹⁴.

Можно сделать предположение о том, что министры использовали ситуацию двоевластия в Киеве⁹⁵ для оказания дополнительного давления на Центральную раду.

Итогом поездки стала декларация правительства и II Универсал, которые признавали Центральную раду и ее Генеральный секретариат легитимными органами власти. Однако начало их функционирования в качестве таковых зависело от многих условий, несоблюдение которых могло затянуть решение вопроса. Фактический отказ от требований I Универсала нес угрозу потери авторитета Рады⁹⁶. Еще одним фактором затягивания могла стать нерешенность вопроса о границах Украины. Е. Д. Бойко пишет о том, что правительственная сторона настояла на устной договоренности о территориальных рамках будущей

⁸⁸ Українська Центральна Рада: документи і матеріали. С. 162.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ 1917 год на Киевщине: хроника событий. С. 142–143.

⁹¹ Українська Центральна Рада: документи і матеріали. С. 145–150.

⁹² Министры в Киеве // Киевлянин. 1917. 1 июля. № 156. С. 2.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Министры в Киеве // Киевлянин. 1917. 2 июля. № 157. С. 2.

⁹⁵ Хаген фон М. Русско-украинские отношения в первой половине XX века // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1996. С. 188.

⁹⁶ Савчинский В. Э. Центральная Рада и Временное правительство: компромисс политических программ летом 1917 года // Парадигмы истории и общественного развития: сб. науч. тр. / под общ. ред. Е. Н. Максимовой. Вып. 21–22. Севастополь, 2021. С. 33.

автономии, пользуясь неопытностью руководителей Рады⁹⁷. В итоге вместо девяти губерний⁹⁸, на власть в которых рассчитывала Центральная рада, 4 августа в инструкции Генеральному секретариату Временного правительства на Украине предписывалось осуществлять свои полномочия только в пяти губерниях⁹⁹. В военных делах правительство пошло лишь на незначительные уступки. Высшей инстанцией, определяющей будущее государственное устройство, обеими сторонами признавалось Учредительное собрание.

Покидая 7 июля пост главы правительства, кн. Львов среди причин своего ухода соглашение с Центральной радой не называл¹⁰⁰. Таким образом, киевскую декларацию он мог считать отступлением, не носящим принципиального характера, призванным отложить решение украинского вопроса. Следует отметить, что правые деятели Юго-Западных губерний считали эти соглашения серьезным просчетом правительства. Вот как отреагировал на эти события В. В. Шульгин: «На Малороссию свалилась великая беда. Приехало в Киев три министра и прямо с автомобиля упали в объятия [М. С.] Грушевского. Через несколько часов, когда министры снова сели в автомобили, уезжая в Петроград, судьба Малороссии была решена: ее перекрестили в Украину»¹⁰¹.

Заключение. Кн. Львов в период своего пребывания на посту министра-председателя прошел путь от игнорирования обращений разрозненных украинских общественно-политических организаций в марте – апреле 1917 г. до ограничения телеграфных сообщений петроградских украинцев в июне. Начиная с апреля Центральная рада возглавила украинское национальное движение, декларируя поддержку со стороны фронтовиков и большинства сельских жителей Малороссии, выдвигая все более принципиальные требования. Обе стороны конфликта обостряли ситуацию, усугубляя противоречия. Признание Петроградом серьезности притязаний украинских автономистов могло быть вызвано угрозами стабильности тыла и фронта и давлением на главу правительства слева. Компромисс Рады и центрального правительства сопровождался серьезными уступками в вопросах, считавшихся прерогативой Учредительного собрания. То, что кн. Львов мог считать формальным шагом, затягивавшим решение украинского вопроса, позже имело самые негативные последствия для российской государственности.

⁹⁷ *Бойко О. Д.* Проблема визначення кордонів України в період Центральної Ради (1917–1918 рр.) // Український історичний журнал. 2012. № 1. С. 35.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. Т. 3. Июль – август 1917 года / отв. ред. тома Б. Ф. Додонов, сост. Е. Д. Гринько. М., 2004. (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII / Федеральная архивная служба России, Гос. архив Российской Федерации). С. 227.

¹⁰⁰ Беседа кн. Г. Е. Львова с председателем Государственной думы М. В. Родзянко 7 июля 2 часа дня // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1992. Т. II–III. С. 324–325.

¹⁰¹ Цит. по: *Чемакин А. А.* Русские националисты и электоральная борьба в Киеве в условиях революции и гражданской войны (1917–1919) // Российская история. 2019. № 5. С. 140.

Литература

1. Безкровний Ю. О. Володимир Винниченко як редактор журналу «Промінь» (1916–1917) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2015. Вип. 43. С. 162–167.
2. Бойко О. Д. Проблема визначення кордонів України в період Центральної Ради (1917–1918 рр.) // Український історичний журнал. 2012. № 1. С. 31–45.
3. Бондаренко Д. Я. Взаимоотношения Временного правительства и Украинской Центральной рады: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 32 с.
4. Бондаренко Д. Я., Крестовская Н. Н. Переговоры Временного правительства и Украинской Центральной рады весной и летом 1917 года // Отечественная история. 2002. № 2. С. 85–96.
5. Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.
6. Верстюк В. Ф. Симон Петлюра: політичний портрет (до 125-річчя від дня народження) // Український історичний журнал. 2004. № 3. С. 112–126.
7. Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля – октября 1917 г.: стратегии, структуры, персонажи. М.: Новый хронограф, 2015. 415 с.
8. Курицын С. В. Феномен братания на Юго-Западном фронте в 1917 г. (по материалам российских архивов): дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 468 с.
9. Машкевич С. Киев 1917—1920. Прощание с империей. Т. 1. Харьков: Фолио, 2019. 461 с.
10. Савчинский В. Э. Центральная Рада и Временное правительство: компромисс политических программ летом 1917 года // Парадигмы истории и общественного развития: сб. науч. тр. / под общ. ред. Е. Н. Максимовой. Вып. 21–22. Севастополь: СевГУ, 2021. С. 29–35.
11. Соколова М. В. Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская центральная рада (февраль – октябрь 1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии / отв. ред. М. В. Дмитриев; Центр украиистики и белорусистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 1. М.: Тип. ГПИБ, 1995. С. 117–129.
12. Соколова М. В. Центр и периферия. Россия и Украина в 1917 году // Россия – Украина: история взаимоотношений: сб. статей / отв. ред. А. И. Миллер и др. М.: Языки рус. культуры; Кошелев, 1997. С. 219–228.
13. Солдатенко В. Ф. Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. Київ: Світогляд, 2007. 621 с.
14. Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л.: Наука, 1980. 256 с.
15. Хаген фон М. Русско-украинские отношения в первой половине XX века // Россия – Украина: история взаимоотношений: сб. статей / отв. ред. А. И. Миллер и др. М.: Языки рус. культуры; Кошелев, 1997. С. 183–196.
16. Чемакин А. А. Русские националисты и электоральная борьба в Киеве в условиях революции и гражданской войны (1917–1919) // Российская история. 2019. № 5. С. 132–158. DOI: 10.31857/S086956870006386-5

References

1. Bezkravnii Iu. O. Volodimir Vinnichenko iak redaktor zhurnalu «Promin'» (1916–1917) [Vladimir Vinnychenko as editor of the magazine “Promin” (1916–1917)] // Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu. 2015. Iss. 43. P. 162–167. (In Ukrainian).
2. Boiko O. D. Problema viznachennia kordoniv Ukraïni v period Tsentral'noi Radi (1917–1918 rr.) [The problem of determining the borders of Ukraine during the period of the Central Rada (1917–1918)] // Ukraïns'kii istorichnii zhurnal. 2012. № 1. P. 31–45. (In Ukrainian).
3. Bondarenko D. Ya. Vzaimootnosheniia Vremennogo pravitel'stva i Ukrainskoi Tsentral'noi rady [Relations between the Provisional government and the Ukrainian Central rada]: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 2002. 32 p. (In Russ.).
4. Bondarenko D. Ya., Krestovskaya N. N. Peregovory Vremennogo pravitel'stva i Ukrainskoi Tsentral'noi rady vesnoi i letom 1917 goda [The talks between the Provisional government and the Ukrainian Central rada in the spring and summer of 1917] // Otechestvennaia istoriia. 2002. № 2. P. 85–96. (In Russ.).
5. Buldakov V. P. Krasnaia smuta: priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia [Red troubles: the nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 965 p. (In Russ.).
6. Verstiuk V. F. Simon Petliura: politichnii portret (do 125-richchia vid dnia narodzhennia) [Simon Petliura: political portrait (on the 125th anniversary of his birth)] // Ukraïns'kii istorichnii zhurnal. 2004. № 3. P. 112–126. (In Ukrainian).
7. Krasovitskaia T. Iu. Etnokul'turnyi diskurs v revoliutsionnom kontekste fevralia – oktiabria 1917 g.: strategii, struktury, personazhi [Ethnocultural discourse in the revolutionary context of February – October 1917: strategies, structures, characters]. Moscow: Novyi khronograf, 2015. 415 p. (In Russ.).
8. Kuritsyn S. V. Fenomen brataniia na Iugo-Zapadnom fronte v 1917 g. (po materialam rossiiskikh arkhivov) [The phenomenon of fraternization on the Southwestern Front in 1917 (based on materials from Russian archives)]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 2021. 468 p. (In Russ.).
9. Mashkevich S. Kiev 1917–1920. Proshchanie s imperiei [Kyiv 1917–1920. Farewell to the empire]. T. 1. Khar'kov: Folio, 2019. 461 z. (In Russ.).
10. Savchinskiy V. E. Tsentral'naia Rada i Vremennee pravitel'stvo: kompromiss politicheskikh programm letom 1917 goda [The Central rada and the Provisional government: a compromise of political programs in the summer of 1917] // Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiia: sbornik nauchnykh trudov / pod obshch. red. E. N. Maksimovoi. Iss. 21–22. Sevastopol': SevGU, 2021. P. 29–35. (In Russ.).
11. Sokolova M. V. Velikoderzhavnost' protiv natsionalizma: Vremennoe pravitel'stvo i Ukraina tsentral'naia rada (fevral' – oktiabr' 1917) [Great power versus nationalism: The Provisional government and the Ukrainian Central rada (February – October 1917)] // Issledovaniia po istorii Ukrainy i Belorussii / otv. red. M. V. Dmitriev; Tsentr ukrainistiki i belorusistiki MGU im. M. V. Lomonosova. Iss. 1. Moscow: Tipografiia GPIB, 1995. P. 117–129. (In Russ.).
12. Sokolova M. V. Tsentr i periferiia. Rossiia i Ukraina v 1917 godu [Center and periphery. Russia and Ukraine in 1917] // Rossiia – Ukraina: istoriia vzaimootnoshenii:

sbornik statei / otv. red. A. I. Miller i dr. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury; Koshelev, 1997. P. 219–228. (In Russ.).

13. Soldatenko V. F. Vinnichenko i Petliura: politichni portreti revoliutsiinoï dobi [Vinnychenko and Petlyura: political portraits of the revolutionary era]. Kiïv: Svitogiad, 2007. 621 p. (In Ukrainian).

14. Startsev V. I. Vnutrenniaia politika Vremennogo pravitel'stva pervogo sostava [Domestic policy of the Provisional Government of the first composition]. Leningrad: Nauka, 1980. 256 p. (In Russ.).

15. Khagen fon M. Russko-ukrainskie otnosheniia v pervoi polovine XX veka [Russian-Ukrainian relations in the first half of the XXth century] // Rossiia – Ukraina: istoriia vzaimootnoshenii: sbornik statei / otv. red. A. I. Miller i dr. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury; Koshelev, 1997. P. 183–196. (In Russ.).

16. Chemakin A. A. Russkie natsionalisty i elektoral'naia bor'ba v Kieve v usloviakh revoliutsii i grazhdanskoi voiny (1917–1919) [Russian nationalists and the electoral struggle in Kiev in terms of revolution and civil war (1917–1919)] // Rossiiskaia istoriia. 2019. № 5. P. 132–158. DOI: 10.31857/S086956870006386-5 (In Russ.).

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.06

Разиньков Михаил Егорович

кандидат исторических наук, доцент
Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова
Воронеж, Россия
razinkov_mihail@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2175-9759

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917–1918 ГГ.: ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ И ЮГА РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются события Великой российской революции сквозь призму налаживания политического диалога. Этот диалог обеспечивался идеологическими предпосылками, наличием революционной контркультуры, архаичностью политической жизни в регионах, государственно-участочными установками многих революционеров, усилиями лидеров, стремившихся урегулировать нараставшее противостояние. Различные регионы России показывали стремление к созданию коллегиальных органов управления, но реализовывали его с разной степенью успешности. Возможность участвовать в политическом процессе всем партиям и социальным силам виделась источником социально-политического согласия на общенациональном и региональном уровне. Наиболее успешно эти идеи осуществлялись в Центральном Черноземье. В итоге и Октябрьская революция здесь осуществлялась относительно мирно. Южные области — Северный Кавказ, Донская область, в какой-то степени Нижнее Поволжье — давали более сложную картину социально-политических отношений. Присутствовавшее здесь казачество, горские и кочевые народы нарушали «революционное единство» социалистических доктрин: рабочие – крестьяне – солдаты. ЦК Союза горцев, казаки правительства претендовали на политическое доминирование в рамках своего региона, сомневаясь в пользу демократии большинства и сотрудничества с другими революционными органами. Тем не менее конечный политический выбор этих правительств оказывался в пользу коллегиального представительства. Большое количество вариантов для сотрудничества показывала сама партийная система. При этом политическая власть и в период февральского режима, и после Октября базировалась в значительной степени на компромиссах и договоренностях: вначале в рамках классической многопартийности, затем — в форме либертарной коалиции (левого блока). Однако и здесь присутствовала региональная специфика.

Ключевые слова: революция 1917 г., Гражданская война в России, политический диалог, история политических партий, история Центрального Черноземья, история казачества, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье.

Для цитирования: Разиньков М. Е. Политический диалог в период революции 1917–1918 гг.: по материалам Центрального Черноземья и Юга России // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 83–98. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.06

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.06

Razinkov Mikhail E.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Voronezh State University of Forestry

and Technologies named after G. F. Morozov

Voronezh, Russia

razinkov_mihail@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2175-9759

POLITICAL DIALOGUE DURING THE REVOLUTION OF 1917–1918: BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION AND THE SOUTH OF RUSSIA

Abstract. The article deals with the events of the Great Russian Revolution from the standpoint of establishing a political dialogue. This dialogue was supported by ideological prerequisites, the presence of a revolutionary counterculture, the archaism of political life in the regions, the statist attitudes of many revolutionaries, and the efforts of leaders who sought to resolve the growing confrontation. Various regions of Russia showed a desire to create collegial governing bodies, but implemented it with varying degrees of success. The opportunity to participate in the political process for all parties and social forces was seen as a source of socio-political harmony at the national and regional level. These ideas were most successfully implemented in the Central Chernozem region. As a result, the October Revolution was carried out here relatively peacefully. The southern regions — the North Caucasus, the Don region, to some extent, the Lower Volga region — gave a more complex picture of socio-political relations. The Cossacks present here, the mountainous and nomadic peoples violated the “revolutionary unity” of socialist doctrines: workers-peasants-soldiers. The Central Committee of the Union of Highlanders, the Cossack governments claimed political dominance within their region, doubting the benefits of majority democracy and cooperation with other revolutionary bodies. However, the ultimate political choice of these governments was in favor of collegiate representation. The party system itself showed a large number of options for cooperation. At the same time, political power both during the February regime and after October was based to a large extent on compromises and agreements: at first within the framework of the classical multi-party system, then in the form of a libertarian coalition (left bloc). However, there were also regional specifics.

Keywords: revolution of 1917, civil war in Russia, political dialogue, history of political parties, history of the Central Black Earth region, history of the Cossacks, North Caucasus, Lower Volga region.

For citation: Razinkov M. E. Political dialogue during the Revolution of 1917–1918: based on the materials of the Central Chernozem region and the South of Russia // *MCU Journal of Historical Studies*. 2024. № 1 (53). P. 83–98. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.06

Введение. Проблема налаживания политического диалога в ходе острого общественного конфликта представляется достаточно актуальной. Дело в том, что революция в современной историографии зачастую рассматривается не только как конфликт, приводящий к системным изменениям в обществе, но и как нежелательный, разрушительный феномен, в основе которого лежит насилие. В статье будет показано, что политический процесс в ходе революции включал в себя такие значимые элементы, как переговоры, разные формы сотрудничества, диалог между самыми разными политическими субъектами. Такой подход определяет научную новизну исследования и одновременно указывает на перспективность изучения этой проблематики исторической наукой, поскольку исследование лишь деструктивной составляющей политического процесса может привести только к тенденциозным выводам по поводу феномена Великой российской революции и ее роли в развитии нашего общества.

Источниковая база исследования состоит из материалов, почерпнутых в архивах и сборниках документов (документация различных революционных органов власти), периодических изданиях партий и общественных организаций, мемуарах современников. Говоря об историографии, следует подчеркнуть, с одной стороны, ее обширность, а с другой — дезинтегрированность. Огромный пласт исследовательской литературы начиная с 1920-х гг. выявил большое количество фактов политического диалога на уровне государственных органов, партий, общественных организаций. Однако часть этих фактов, как ни странно, осуждалась (например, советская историография негативно относилась к ситуации двоевластия, сотрудничеству социалистов и либералов), а другая — рассматривалась как временная, тактическая уступка противнику. Для более глубокого понимания историографических процессов с точки зрения изучения политического диалога сошлемся на нашу совместную с ростовской исследовательницей О. М. Морозовой монографию, вышедшую недавно¹.

Таким образом, целью данной статьи является показать в форме обзора возможности политического диалога в Центральных и Южных регионах России 1917–1918 гг.

Ход и результаты исследования. Политический диалог обеспечивался определенными идеологическими предпосылками, заключавшимися в близости политических установок социалистических партий, готовности либералов идти на программное сближение с социалистами.

¹ *Разиньков М. Е., Морозова О. М.* Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М., 2021. С. 19–87.

Попытки объединения неонародников предпринимались с осени 1914 г. «У всех неонародников было много общего — “целевая аудитория” — широкая и действительно демократическая, включавшая всех российских тружеников, схожие этические установки, единое стремление к социализму как общественному строю будущего», — пишет О. Л. Протасова². Не менее явным выглядело идеологическое сходство неонародников и марксистов. Во время революции 1905–1907 гг. они даже создавали совместные уездные организации. В 1915 г. был поставлен вопрос об издании совместной газеты. О. Л. Протасова подчеркивает связь меньшевиков, большей части эсеров и энесов как партий демократического социализма, вписывая их в международное социалистическое движение³. Эсеровская доктрина в редакции В. М. Чернова производила ревизию народничества и марксизма⁴.

Близость взглядов социалистов на важнейшие вопросы российского развития позволяет найти общие черты в программных документах даже антиподов левого движения — энесов и коммунистов. Проведенное нами ранее исследование позволило сделать ряд выводов о сходстве программ и мировоззренческих установок участников этих партий, а также о гипотетических возможностях для сотрудничества. Ощущение фатального раскола общества, возникшего в результате развития капитализма, заставляло революционеров искать выход из катастрофической ситуации. Он виделся в обобществлении экономики, создании политических институтов демократии, максимизации политического и экономического влияния трудящихся классов, деструкции прежних элит⁵.

Идеологические построения социалистов оказывались не столь уж далеки от концептов российского либерального движения, хотя именно между этими двумя течениями общественной мысли развернулись основные идеологические баталии начала XX века⁶. В первой половине 1917 г. партийные установки кадетов дали значительный дрейф влево⁷. Докладчики на съездах партии Народной свободы в марте и мае 1917 г. провозглашали приверженность

² Протасова О. Л. К вопросу о возможностях создания в России единой неонароднической партии // Народники в истории России. Вып. 3. Воронеж, 2019. С. 173, 178.

³ Протасова О. Л. Неонародничество как органическая часть российского демократического социализма первой четверти XX века // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Г. Н. Мокшина. Вып. 2. Воронеж, 2016. С. 166–167.

⁴ Морозов К. Н. Эсеровская демократическая альтернатива Октябрю 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 151.

⁵ Разиньков М. Е. Трудовая народно-социалистическая партия и Российская коммунистическая партия (большевиков): сравнительный анализ программных установок // История и историография правого народничества. Воронеж, 2014. С. 141–152.

⁶ Модели общественного переустройства России. XX век / под ред. В. В. Шелохаева. М., 2004. С. 560.

⁷ Гайда Ф. А. Партийная идеология и политическая практика кадетов весной – летом 1917 г. // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: сб. науч. трудов / ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб., 2011. С. 200.

социалистическим идеалам. Были приняты принципы демократической парламентарной республики, трудового землепользования, восьмичасового рабочего дня и пр. Экономическая политика Временного правительства весны 1917 г. также демонстрировала отсутствие серьезных противоречий взглядов кадетов с социалистической теорией⁸.

Пытаясь объединить либерализм и демократизм, идеологи кадетской партии не могли не ориентироваться на возможные переговоры с социалистами, для которых демократия являлась важнейшим принципом⁹. В свою очередь, программа народных социалистов являлась симбиозом либерализма и социализма, что позволяло энесам в регионах играть роль примирителей между Советами, цензовыми элементами и органами земского и городского самоуправления.

Некоторый интерес представляет консолидация ультрарадикальных сил революции, в которой часть исследователей видят шанс на демократический путь развития после преодоления общегосударственного кризиса. По мнению С. В. Старикова, при всех различиях левых социалистов объединяло, во-первых, понимание, что революция не может решать только политические задачи (как полагали кадеты), во-вторых, убеждение, что русская революция станет прологом мировых потрясений. Важнейшей предпосылкой необходимых социальных изменений левые социалисты считали переход власти к Советам¹⁰. В. Н. Сергеев полагал, что формирование блока большевиков и левых эсеров «было обусловлено и наличием известного параллелизма в их программах, прямым совпадением отдельных положений (революция, республика, созыв Учредительного собрания, право наций на самоопределение и др.). Компромисс стал возможен в связи с прямой взаимной уступкой партий друг другу. Большевики принимали левоэсеровские требования социализации земли и федерации... а левые эсеры большевистскую формулу Советов как политической формы федеративного государства. Принятие первыми эсеровского программного требования федерации было особенно актуально на Дону и Северном Кавказе, где левый блок в начале 1918 г. прямо начал проводить эту идею в жизнь, в результате чего были созданы советские республики на Украине, Дону, Кубани, в Черноморье, на Ставрополье, Терек...»¹¹.

⁸ *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 206–207; Селезнев Ф. А. Министры-кадеты и экономическая политика Временного правительства (март – июль 1917 г.) // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 111–119.

⁹ *Вострикова В. В.* Либерализм и демократия: взаимодействие или противостояние? // Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в. / под ред. Д. В. Аронова. Ч. III. Орел, 2019. С. 390–403; Судьбы демократического социализма в России: сб. матер. Межд. науч. конф. (Москва, 20–21 сентября 2013 г.) / отв. ред. К. Н. Морозов. М., 2014.

¹⁰ *Стариков С. В.* Левые социалисты в Великой Российской революции (на материалах Поволжья). Йошкар-Ола, 2004. С. 155, 167, 205.

¹¹ *Сергеев В. Н.* Возникновение левого блока партий на южной казачьей окраине России в феврале 1917 – марте 1918 гг. (к 90-летию Октябрьской революции) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. Спецвыпуск. С. 73.

С другой стороны, возможность для сотрудничества предоставляли не только идеологии, но и этактические воззрения участников революционного движения. Становясь публичными персонами, многие революционеры, в том числе представители «комитетского класса», осознавали себя носителями идеи государственничества. Потребность в совместном строительстве нового общества соседствовала у них с идеями ответственности за судьбу российского государства. Так, в обращении Тамбовского Совета рабочих и солдатских депутатов говорилось: «Совет сознательно относится к переживаемому моменту и, свято веря в культурное воскресение Родины, всемерно проводит в жизнь все начинания и узаконения Временного правительства»¹². Существует немало примеров того, как получившие власть политкаторжане и бывшие террористы начинали вести себя подобно «слугам старого режима», применяя военные команды для подавления крестьянских волнений, борясь с «партизанщиной» и т. п. Тем более такие настроения оказывались характерны для деятелей либерального движения, правых социалистов, военных.

Свою роль сыграли наличие революционной контркультуры, архаика политической жизни в регионах, где все активисты друг друга знали, не спеша разрывать личные связи.

Говоря о возможностях институционального сотрудничества в период революции, следует подчеркнуть, что в политическом диалоге не последнюю роль сыграла идея необходимости принятия политических решений путем соединенных усилий максимального количества революционных органов власти.

Наиболее успешно эти идеи осуществлялись в Центральном Черноземье. С марта по октябрь 1917 г. здесь было организовано несколько сотен коллегиальных органов, работавших не только в губернских, но и в уездных центрах. В крупнейшие из них входили представители более 20 организаций и учреждений с численностью участников свыше 50 человек. На первых порах сюда напрямую привлекались выходцы из значимых социальных групп и слоев (крестьянства, рабочих, служащих и военнослужащих). В дальнейшем по мере оформления гражданских инициатив в партии, профсоюзы и другие общественные структуры государственные органы приобретали черты действительно организационной коллегиальности.

В то же время на Дону эта система в лице Донисполкома встретила серьезное сопротивление со стороны казачьего самоуправления. При этом сам Донисполком оставлял открытыми двери для участия в нем казаков. На общем собрании 17–18 июля 1917 г. в заявлении о составе своего президиума (6 — от Совета рабочих, 6 — от Совета крестьянских депутатов, 6 — от армейских комитетов, 2 — от разночинцев) комитет характерно отмечал: «6 — от казаков, если последние пожелают»¹³. В конце июля – начале августа в Донисполкоме

¹² Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

¹³ Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920: сб. документов: в 2 т. / отв. сост. Е. П. Лукьяшко, науч. ред. О. М. Морозова. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2017. С. 104.

был разработан проект его объединения с Войсковым правительством. В состав единого органа, который предполагался высшей гражданской властью в области, входили бы по 14 представителей от каждой стороны, включая атамана. Из Донисполкома предлагалось назначить товарища атамана. Проект был разработан председателем исполкома Г. Л. Корякиным и выслан Малому кругу, однако остался без ответа.

Ситуация Октябрьского переворота вновь поставила вопрос о необходимости сотрудничества между этими центрами силы. Донисполком счел возможным обратиться к Войсковому правительству с предложением организовать твердую власть. В качестве правомочного органа по установлению такой власти предполагалось совещание Войскового правительства, Донисполкома, областного Совета крестьянских депутатов, представителей городских дум области и Советов рабочих депутатов¹⁴. Понятно, что такие представления о твердой власти сильно отличались от мнения большинства членов Войскового правительства, хотя и там существовало левое крыло во главе с П. М. Агеевым. При этом сам атаман, считавший единоначалие и казачье доминирование в регионе гарантами сохранения стабильности, все же пошел в конце 1917 – начале 1918 г. на создание объединенного правительства, куда входили как казаки, так и крестьяне.

Еще более сложной ситуация оказалась на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье. В последнем случае местные органы коллегиальной власти, подчиненные Временному правительству, а также Советы должны были сотрудничать не только с казачьим самоуправлением, но и с калмыками. Многонациональность Кавказа вообще делала переговоры крайне сложными. Тем не менее во всех случаях наблюдался политический диалог между различными органами местной власти. Например, на Кубани удалось избежать серьезных конфликтов с горцами в том числе и потому, что с середины сентября 1917 г. представители от горцев находились в составе Кубанской войсковой рады, Законодательной рады и Войскового правительства. При этом наиболее последовательно шло сближение с адыгами, которые были уравниены в правах с казачеством.

Как известно, события Октябрьского переворота дали импульс к созданию, с одной стороны, промежуточных органов власти, которые совмещали в себе присутствие большевиков и других политических партий, а с другой — привели к попыткам создания альтернативных большевистскому режиму государственных институций, самой крупной из которых в изучаемом регионе был Юго-восточный союз. Обратим также внимание на то, что местные органы городского и земского самоуправления регулярно вступали в переговоры с военно-революционными комитетами, подконтрольными большевикам и левым эсерам, а также с восставшими, прежде всего казачьими организациями, стремясь предотвратить кровопролитие или окончить его. На рубеже 1917–1918 гг. им это практически всегда удавалось. В любом случае усилия

¹⁴ Там же. С. 132, 134.

органов самоуправления, многочисленных комиссий и прочих коллегиальных структур снижали градус напряженности, став важным фактором предотвращения широкомасштабной гражданской войны в этот период.

Политический диалог обеспечивался еще и партийными организациями. Особенно это было характерно для Черноземья, где партийная система быстро реанимировалась и к лету – осени 1917 г. партии заняли ведущее место в политическом процессе. Партийное сотрудничество выражалось в партийном блокировании, создании многопартийных чрезвычайных органов и т. д.

Коллегиальные органы управления создавали известное пространство сотрудничества, в котором партии постепенно стали играть ведущую роль. Высокая активность партийных организаций наблюдалась на воронежских съездах рабочих, крестьян, студенчества. Представители сразу от нескольких партий присутствовали в различных общественных организациях (обществах народных университетов, профсоюзах, кооперативах). Идеологически родственные партии могли осуществлять взаимодействие в рамках социалистических клубов. Так, участниками заседания Воронежского губернского исполнительного комитета 20 мая 1917 г. значились эсеры, энесы, социал-демократы и анархист. Председателем стал эсер В. П. Кобытченко, товарищем председателя — кадет П. Я. Ростовцев¹⁵. После июльских выборов в Воронежскую городскую думу была сформирована управа с равным представительством эсеров, меньшевиков и кадетов¹⁶. Сходная ситуация была в уездных центрах. Из 22 депутатов Валуйской городской думы 17 человек были эсерами, двое — большевиками, один был избран от кадетов и народных социалистов.

Взаимодействие партий всех направлений могло осуществляться в рамках работы земельных комитетов и, конечно, Советов. К лету 1917 г. в Воронежском Совете работали эсеры, большевики, меньшевики, бундовцы. В августе было принято решение о предоставлении места Еврейской социалистической партии, в сентябре — Трудовой народно-социалистической партии. При Совете функционировала объединенная библиотека эсеров и социал-демократов. В августе – сентябре 1917 г. существовал социалистический клуб, куда входили представители эсеров и большевиков¹⁷. Сотрудничество также осуществлялось на уровне комитетов партий, комитета Юго-Восточных железных дорог, чрезвычайных органов — Революционного распорядительного комитета, созданного для борьбы с корниловским выступлением, Комитета общественной безопасности и Временного революционного комитета, появившихся во время октябрьско-ноябрьских событий 1917 г.

Можно заметить, что в феврале – октябре 1917 г. противоречия между партиями социалистического и даже либерально-социалистического спектра

¹⁵ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 114, 117–118.

¹⁶ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 21–23.

¹⁷ ГАВО. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 20, 34 об., 58 об., 73, 77, 79; Д. 4. Л. 85, 90.

не представлялись фатальными. Взаимодействие осуществлялось на уровне работы различных организаций, и, судя по всему, партийные связи использовались для установления контактов между различными органами управления.

Октябрьская революция, хотя и растянулась в Центрально-Черноземном регионе до февраля 1918 г. (а в ряде уездных центров и до лета), кардинальным образом поменяла партийную палитру. Тем не менее, если говорить о феномене сотрудничества партий в «февральском издании», то ее элементы в политической системе обнаруживались еще достаточно долго. Это особенно важно подчеркнуть, учитывая, что регион на протяжении Гражданской войны контролировался советской властью.

Переход власти к Временному революционному комитету в Воронеже не означал исключения социалистических партий из политической жизни. В ноябре 1917 г. эсерам удалось собрать крестьянский съезд, вплоть до весны 1918 г. они заседали в продовольственных комиссиях. В марте 1918 г., после подписания Брест-Литовского мира, фракция эсеров заявила о своем протесте, но осталась в Совете. Эсеры и меньшевики вплоть до весны 1918 г. занимали важные должности в Комитете служащих Юго-Восточных железных дорог, Союзе служащих-чиновников правительственных учреждений, Союзе инженеров и техников, имели доступ к средствам Государственного банка. По крайней мере до июня 1918 г. в губернии легально издавались газеты меньшевиков и эсеров.

Выборы середины ноября 1917 г. в Орловский Совет дали 80 мест большевикам, 45 — меньшевикам, 40 — Партии социалистов-революционеров. Еще 20 мест получили в совокупности Партия левых социалистов-революционеров (ПЛСР), анархисты, социал-демократы-интернационалисты и члены Польской партии социалистов. Характерно, что исполком продолжал формироваться по строго компромиссному принципу: каждая партия и даже беспартийные получили хотя бы по одному месту¹⁸. Учитывая то, что продолжали работать губернский комиссар (эсер), городская дума (контролировалась эсерами и меньшевиками), ситуация для сторонников Октябрьского переворота оказывалась не самой благоприятной. Впрочем, уже в середине января 1918 г. Совет провел резолюцию, одобряющую роспуск Учредительного собрания. Тогда же был сформирован большевистский губисполком. То же самое видим в уездах.

Присутствие правых эсеров и меньшевиков в административно-политических структурах Черноземья наблюдалось по меньшей мере до весны — лета 1918 г. Оппозиционная орловская газета «Голос народа» (затем — «Слово народа») выходила до середины мая 1918 г.; правые эсеры работали в Губернском центральном исполнительном комитете (ЦИК) даже в начале июня. Губернию в значительной мере затронула волна популярности эсеров и меньшевиков

¹⁸ Кляченков Е. А. Оппозиционная деятельность социалистов и анархистов на территории Орловской и Брянской губерний (октябрь 1917 – вторая половина 1920-х г.): дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2014. С. 50.

весной – в начале лета 1918 г. В Орловском городском Совете майские выборы дали 28 % мест большевикам, левым эсерам, польским социалистам и 17 % меньшевикам и эсерам.

Партийное сотрудничество на Дону характеризуется значительным влиянием меньшевиков в Ростове-на-Дону, довольно высокой активностью кадетов, а также необходимостью для этих сил вести переговоры с социальным, казачьим, самоуправлением. Вместе с тем возможности классической либерально-социалистической коалиции проявили себя на Дону в конце 1917 г., быть может, больше, чем где бы то ни было в изучаемых регионах. Несмотря на специфические местные условия, на то, что войсковое правительство в реальности оказывалось не самым надежным союзником, общепартийные переговоры, подменяемые позицией отдельных лидеров, в некоторой степени блокировали откровенно сословную политику казачьего руководства, сопротивлялись попыткам левых радикалов взять верх в городском движении. Все это создавало ситуацию шаткого равновесия, которую сторонники войны с обеих сторон называли губительной, но которая до поры не позволила региону рухнуть в широкомасштабное вооруженное противостояние до лета 1918 г.

Политические блоки на Северном Кавказе приобретали характер причудливых социальных коалиций с вкраплениями партийных организаций. Например, «во время выборов в гласные Темир-Хан-Шуринской городской думы в июне 1917 г. по списку № 3 от мусульманско-еврейского блока баллотировались 22 человека, в том числе инженер Зубаир Темирханов, от военных Даниял Апашев, социалисты Махач Дахадаев, М. Хизроев, Сейфулла Куваршалов, алим Магомед-Кади Дибиров, представитель еврейской общины Радовельский и др.»¹⁹. Конкурирующий с ним социалистический блок включал Совет рабочих и солдатских депутатов, эсеров, союзы инженеров, техников, учителей.

Социалисты Дагестана для организации охраны правопорядка оказались вынуждены сотрудничать со своими политическими противниками — национал-демократами и шариатистами («миллистами»). Прошедшие в середине октября совещания в Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре привели к подписанию соответствующих резолюций представителями социалистического областного исполкома и их союзником — областным комиссаром Б. Шахановым совместно с князьями и военными: председателем Дагестанской секции горского ЦК князем Н. Тарковским, одним из лидеров милли-комитета генералом М. Халиловым, полковниками Х.-М. Арацхановым, Д. Мусалаевым. Однако, судя по всему, союз носил чисто тактический характер и был, как следствие, недолговечным.

Спецификой национальных регионов Северного Кавказа оказывается не отсутствие партий как таковых, а длительное сохранение их участниками субкультурного единства. Динамика развития партийного влияния в целом

¹⁹ Сулаев И. Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество. (1917–1921 гг.). Махачкала, 2004. С. 15–16.

совпадала с другими изучаемыми регионами. Не самое очевидное влияние первой половины 1917 г. сменилось победами второго полугодия, распространением социалистических симпатий среди русскоязычного населения городов и в армии. Несомненной особенностью было сотрудничество классических партий с национальными демократами и даже шариатистами, т. е. откровенно правыми. Важным политическим актором здесь был ЦК Союза горцев. В то же время политические договоренности и политика уступок на Кубани привели к тому, что Рада здесь проводила в общем левую политику.

Понятно, что захвативший власть в конце 1917 – начале 1918 г. блок большевиков, левых эсеров, социал-демократов-интернационалистов, некоторых национальных партий и анархистов был абсолютно не настроен сотрудничать ни с эсерами и меньшевиками, ни тем более с кадетами. Тем не менее не всегда баланс сил в левом блоке был на стороне большевиков. Одно это заставляло договариваться. Партии левого блока давали кадры убежденных сторонников самых радикальных социалистических преобразований, позволяли получить поддержку в армейских массах, удовлетворяли кадровый голод. Все эти факторы обеспечивали активность либертарной коалиции практически весь 1918 г., даже после официального разрыва отношений большевиков с левыми эсерами и анархистами.

Так, в Орловской губернии в августе 1918 г. член Союза эсеров-максималистов занимал пост председателя совнархоза Дмитровского уезда, осенью максималисты присутствовали в Брянском (2 чел.), Мценском (1 чел.) исполкомах, волкомах Малоархангельского, Трубчевского, возможно, Ливенского уездов (по 1 чел.). В Карачевском уезде в одном из волкомов заседал социал-демократ-интернационалист. В Орле на сентябрь 1918 г. заведующим отделом управления был член партии польских социалистов Я. В. Квапинский. В Воловской волости Ливенского уезда и в Трубчевском исполкоме присутствовало по одному анархисту²⁰. Наличие социал-демократов-интернационалистов фиксируется осенью 1918 г. в Бежицком революционном совете (откуда были уже исключены на тот момент меньшевики и эсеры), одной из волостей Трубчевского уезда.

Возможно, некоторые послабления, коснувшиеся социалистического движения в конце 1918 г., затронули и угасавшую либертарную коалицию. В Курске 12–16 ноября 1918 г. прошла учредительная конференция анархистов, создавшая конфедерацию украинских организаций анархистов «Набат». Выпущенный в этот момент манифест Курской федерации анархических групп не был направлен против большевиков, призывая лишь углублять революцию²¹.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 66. Л. 254–256 об., 264, 271.

²¹ Анархисты: док. и материалы, 1883–1935 гг. / сост. В. В. Кривенький. М., 1999. Т. 2. С. 259–262.

Картину многопартийности даже весной 1919 г., в самый разгар новых репрессий против меньшевиков и левых эсеров, давал Брянский уезд Орловской губернии. В финансовом отделе заседали два коммуниста и один революционный коммунист; отделы лесной, здравоохранения и местного хозяйства, губпродком возглавляли меньшевики; в состав городского продовольственного отдела входили два коммуниста, один сочувствующий коммунистам, два социал-демократа, один анархист-коммунист. Брянский отдел народного образования составляли один коммунист, один революционный коммунист, два беспартийных, один эсер, один социал-демократ и один социал-демократ-интернационалист. Анархист входил в состав коллегии райпродкома²². Надо также понимать, что указанная многопартийность была авторитарного типа. Безусловное доминирование большевиков никем не оспаривалось.

Влиятельными оказались левые эсеры в Донской области. Выступавший на II Всероссийском съезде ПЛСР делегат от Ростова — Сирота — сообщал, что в дни калединщины левые эсеры, наряду с большевиками, готовили восстания в Таганроге, Ростове, Донецком бассейне. В марте 1918 г. в переизбранном Ростово-Нахичеванском Совете находились 50 большевиков, 22 левых эсера, 44 меньшевика; 22 большевика и 8 левых эсеров вошли в исполком. В президиуме съезда Советов Донской области в апреле сидели 11 большевиков и 9 левых эсеров, причем формально беспартийные руководители Донской республики Ф. Г. Подтелков и М. В. Кривошлыков прошли по спискам именно ПЛСР. В ЦИК Донской республики было избрано 26 большевиков и 24 левых эсера, в Совет народных комиссаров (СНК) — 4 левых эсера и 8 большевиков²³. Усиление позиций левых эсеров на съезде было отчасти обусловлено появлением здесь видных членов партии. Очевидная популярность партии на Юге России создавала предпосылки для решения ЦК ПЛСР о перенесении основной деятельности в провинцию после выхода из состава СНК РСФСР. В казачьи области Дона, Кубани и Донецко-Криворожскую республику выехала Южная делегация ПЛСР, которая приняла активное участие в работе съезда.

Левый блок оформился и на Тереке. В народный Совет, избранный на I Съезде народов Терека в конце января 1918 г., в качестве председателя вошел левый эсер Ю. Г. Пашковский²⁴. На III Съезде народов Терека в конце мая 1918 г. активность проявили левые эсеры, социал-демократы-интернационалисты и керменисты²⁵. В июне председателем СНК Терской советской республики стал тот же Ю. Г. Пашковский.

В Дагестане либертарная коалиционная власть сохранялась в мае 1918 г. в созданном Военно-революционном комитете (ВРК). Основу его составляли члены социалистической группы, к которым примыкали большевики. Главой

²² Кляченков Е. А. Указ. соч. С. 113, 131–132.

²³ Сергеев В. Н. Политические партии в южных казачьих областях России (1917–1920 гг.). Ростов-на-Дону, 1993. Ч. 3. С. 9, 14, 16, 19.

²⁴ Там же. Ч. 2. С. 110.

²⁵ Там же. Ч. 3. С. 25.

ВРК был Д. Коркмасов, его заместителем — большевик Г. Саидов. Пост военного комиссара был закреплен за М. Дахадаевым, а председателем ЧК стал большевик А. Крянев²⁶.

На Кубани екатеринодарские левые эсеры еще в 1917 г. поддержали большевиков в городской думе и вошли в состав подпольного ревкома. Особенностью региона представляется взаимодействие этих партийных групп с анархистами. В первой половине ноября 1917 г. на съезде неказачьего населения в Екатеринодаре, был избран областной Совет народных депутатов, куда вошли большевик И. И. Янковский (председатель), левые эсеры И. М. Выгриянов и Скворцов (товарищи председателя), анархисты А. Рондо (секретарь) и Н. Тимофеев (военный комиссар). Неудивительно поэтому, что в сформированный 17 декабря 1917 г. военный комиссариат наряду с большевиками и левыми эсерами вошли также анархисты²⁷.

В дальнейшем левые эсеры прошли в Кубанский ВРК под председательством Я. В. Полуяна. I Съезд Советов области в феврале 1918 г. избрал в облисполком 27 большевиков и 12 членов ПЛСР. Левые эсеры А. И. Автономов и И. Л. Сококин возглавили вооруженные силы республики и Юго-Восточную революционную армию. На II Съезде Советов Кубани присутствовали 639 человек от фракции большевиков, 130 — от левых эсеров, 28 — от анархистов. Президиум съезда был поделен пополам между ПЛСР и большевиками. Несмотря на то что исполком организованной Кубанской советской республики возглавляли большевики (число левых эсеров здесь и в президиуме было откровенно меньше), в организованных двадцати коллегиях многие должности большевики и левые эсеры занимали на паритетных началах. Линия на союз с левыми эсерами проводилась и на III Съезде Советов Кубани в конце мая 1918 г. В состав ЦИК организованной Кубано-Черноморской республики вошли 27 коммунистов и 13 левых эсеров, в СНК — 12 и 5²⁸.

Заключение. Таким образом, политическое сотрудничество в 1917 – первой половине 1918 г. проявлялось в форме создания коллегиальных органов управления и различных комиссий, блокирования и взаимодействия партий, широком развитии самоуправления. При этом сотрудничать могли как представители идеологически близких сил, прежде всего социалистов, так и откровенно враждебные друг другу политические группы. Как представляется, с наибольшей эффективностью согласительные механизмы действовали на территории Центрального Черноземья. Прочие регионы — Дон, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ — в силу значительного количества сил влияния оказывались более предрасположены к конфликтному, бескомпромиссному

²⁶ Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. Нальчик, 2012. С. 346–347.

²⁷ Сергеев В. Н. Политические партии в южных казачьих областях... Ч. 2. С. 102.

²⁸ Там же. Ч. 3. С. 20–24.

поведению. Задачей последующих исследований поэтому может стать изучение соотношения конфликтного и диалогового взаимодействия с целью более четкого осознания, каким образом могли разрушаться согласительные механизмы в обществе и можно ли было эти деструктивные тенденции преодолеть.

Литература

1. Вострикова В. В. Либерализм и демократия: взаимодействие или противостояние? // Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в.: материалы Междунар. науч. конф. «XI Муромцевские чтения» (11–12 октября 2019 г., г. Орел): в 3 ч. / под общ. ред. Д. В. Аронова. Орел: ОРЛИК, 2019. Ч. 3. С. 390–403.
2. Гайда Ф. А. Партийная идеология и политическая практика кадетов весной – летом 1917 г. // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: сб. науч. трудов / ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 199–208.
3. Кляченков Е. А. Оппозиционная деятельность социалистов и анархистов на территории Орловской и Брянской губерний (октябрь 1917 – вторая половина 1920-х г.): дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2014. 247 с.
4. Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В. В. Зверев [и др.]; под ред. В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2004. 606 с.
5. Морозов К. Н. Эсеровская демократическая альтернатива Октябрю 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 144–157.
6. Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года: [монография]. 2-е изд., испр., доп. Нальчик: Печатный двор, 2012. 606 с.
7. Протасова О. Л. К вопросу о возможностях создания в России единой неонароднической партии // Народники в истории России: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Г. Н. Мокшин. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2019. С. 162–180.
8. Протасова О. Л. Неонародничество как органическая часть российского демократического социализма первой четверти XX века // Народники в истории России: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Г. Н. Мокшин. Вып. 2. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 164–181.
9. Разиньков М. Е. Трудовая народно-социалистическая партия и Российская коммунистическая партия (большевиков): сравнительный анализ программных установок // История и историография правового народничества: сб. статей / отв. ред. Г. Н. Мокшин. Воронеж: Истоки, 2014. С. 141–152.
10. Разиньков М. Е., Морозова О. М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М.: Квадрига, 2021. 712 с.
11. Селезнев Ф. А. Министры-кадеты и экономическая политика Временного правительства (март – июль 1917 г.) // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 111–119.
12. Сергеев В. Н. Возникновение левого блока партий на южной казачьей окраине России в феврале 1917 – марте 1918 гг. (к 90-летию октябрьской революции) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. Спецвыпуск. С. 70–75.
13. Сергеев В. Н. Политические партии в южных казачьих областях России (1917–1920 гг.): в 3 ч. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1993.

14. Стариков С. В. Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917 – июль 1918 гг.: (на материалах Поволжья): монография. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2004. 559 с.
15. Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Москва, 20–21 сентября 2013 г.) / отв. ред. К. Н. Морозов. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. 360 с.
16. Сулаев И. Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество. (1917–1921 гг.): [монография]. Махачкала: Деловой мир, 2004. 184 с.

References

1. Vostrikova V. V. Liberalizm i demokratiia: vzaimodeistvie ili protivostoianie? [Liberalism and democracy: interaction or confrontation?] // Politiko-pravovye praktiki rossiiskogo liberalizma v nachale XX v.: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «XI Muromtsevskie chteniia» (11–12 oktiabria 2019 g., g. Orel): v 3 ch. / by ed. D. V. Aronova. Orel: ORLIK, 2019. Ch. 3. P. 390–403. (In Russ.).
2. Gaida F. A. Partiinaia ideologii i politicheskaia praktika kadetov vesnoi – letom 1917 g. [Party ideology and political practice of the Cadets in the spring and summer of 1917] // Politicheskaia istoriia Rossii XX veka. K 80-letiiu professora Vitaliia Ivanovicha Startseva: sbornik nauchnykh trudov / eds.: B. D. Gal'perina, A. B. Nikolaev. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2011. P. 199–208. (In Russ.).
3. Kliachenkov E. A. Oppozitsionnaia deiatel'nost' sotsialistov i anarkhistov na territorii Orlovskoi i Brianskoi gubernii (oktiabr' 1917 – vtoraiia polovina 1920- kh g.) [Opposition activity of socialists and anarchists on the territory of the Oryol and Bryansk provinces (October 1917 – the second half of the 1920s)]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Bryansk, 2014. 247 p. (In Russ.).
4. Modeli obshchestvennogo pereustroistva Rossii. XX vek [Models of social reconstruction of Russia. 20th century]: [monografiia] / V. V. Zverev [i dr.]; by ed. V. V. Shelokhaeva. Moscow: ROSSPEN, 2004. 606 p. (In Russ.).
5. Morozov K. N. Eserovskaia demokraticheskaia al'ternativa Oktiabriu 1917 g. [Socialist-revolutionary democratic alternative to October 1917] // Saint-Petersburg Historical Journal. 2017. № 4. P. 144–157. (In Russ.).
6. Muzaev T. M. Soiuz gortsev. Russkaia revoliutsiia i narody Severnogo Kavkaza, 1917 – mart 1918 goda [The Russian revolution and the peoples of the North Caucasus, 1917 – March 1918]: [monografiia]. 2-e izd., ispr., dop. Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2012. 606 p. (In Russ.).
7. Protasova O. L. K voprosu o vozmozhnostiakh sozdaniia v Rossii edinoi neonarodnicheskoi partii [On the question of the possibilities of creating a single neo-populist party in Russia] // Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov / by ed. G. N. Mokshin. Vyp. 3. Voronezh: Istoki, 2019. P. 162–180. (In Russ.).
8. Protasova O. L. Neonarodnichestvo kak organicheskaia chast' rossiiskogo demokraticheskogo sotsializma pervoi chetverti XX veka [Neo-narodism as an organic part of Russian democratic socialism in the first quarter of the XXth century] // Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov / by ed. G. N. Mokshin. Vyp. 2. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, 2016. P. 164–181. (In Russ.).
9. Razin'kov M. E. Trudovaia narodno-sotsialisticheskaia partiia i Rossiiskaia kommunisticheskaia partiia (bol'shevikov): sravnitel'nyi analiz programmnykh ustanovok

[Labor People's Socialist Party and the Russian Communist Party (Bolsheviks): a comparative analysis of program settings] // *Istoriia i istoriografiia pravogo narodnichestva: sbornik statei* / by ed. G. N. Mokshin. Voronezh: Istoki, 2014. P. 141–152. (In Russ.).

10. Razin'kov M. E., Morozova O. M. *Sotsial'no-politicheskii dialog v Rossii (1917–1918 gg.): tendentsii, mekhanizm, regional'nye osobennosti* [Socio-political dialogue in Russia (1917–1918): trends, mechanism, regional features]. Moscow: Kvadriga, 2021. 712 p. (In Russ.).

11. Seleznev F. A. *Ministry-kadety i ekonomicheskaiia politika Vremennogo pravitel'stva (mart – iiul' 1917 g.)* [The kadet ministers and the economic policy of the Provisional government (March – July 1917)] // *Voprosy istorii*. 2007. № 8. P. 111–119. (In Russ.).

12. Sergeev V. N. *Vozniknovenie levogo bloka partii na iuzhnoi kazach'ei okraine Rossii v fevrale 1917 – marte 1918 gg. (k 90-letiiu oktiabr'skoi revoliutsii)* [The emergence of the left bloc of parties in the southern Cossack outskirts of Russia in February 1917 – March 1918 (to the 90th anniversary of the October revolution)] // *University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*. 2007. Special Issue. P. 70–75. (In Russ.).

13. Sergeev V. N. *Politicheskie partii v iuzhnykh kazach'ikh oblastiakh Rossii (1917–1920 gg.)* [Political parties in the southern Cossack regions of Russia (1917–1920)]: v 3 ch. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1993. (In Russ.).

14. Starikov S. V. *Levye sotsialisty v Velikoi Rossiiskoi revoliutsii. Mart 1917 – iiul' 1918 gg.: (na materialakh Povolzh'ia)* [Left Socialists in the Great Russian Revolution (on the materials of the Volga region)]: monografiia. Ioshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet, 2004. 559 p. (In Russ.).

15. *Sud'by demokraticeskogo sotsializma v Rossii* [The fate of democratic socialism in Russia]: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moscow, 20–21 sentiabria 2013 g.) / by ed. K. N. Morozov. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovoykh, 2014. 360 p. (In Russ.).

16. Sulaev I. Kh. *Musul'manskoe dukhovenstvo Dagestana i svetskaia vlast': bor'ba i sotrudnichestvo. (1917–1921 gg.)* [Muslim clergy of Dagestan and secular power: struggle and cooperation. (1917–1921)]: [monografiia]. Makhachkala: Delovoi mir, 2004. 184 p. (In Russ.).

УДК 94(470-25=174)''1915/1943''
DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.07

Кувшинова Елена Евгеньевна

старший преподаватель
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
Kuvshinovaee@mgpu.ru; ORCID: 0009-0005-7151-2833

Челнокова Алла Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
allajurevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8785-0670

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ МИЛЛЕР И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ МОСКВЫ

Аннотация. Исследование посвящено профессиональной деятельности краеведа Москвы Петра Николаевича Миллера (1867–1943) и основано на документальных материалах его личных фондов, хранящихся в отделе письменных источников Государственного исторического музея и Музее Москвы. Имя Петра Николаевича Миллера неразрывно связано с общественными краеведческими организациями столицы периода «золотого десятилетия» краеведения 1920-х гг. и с научным этапом изучения истории города.

Петр Николаевич — один из выдающихся историков Москвы, идеолог, создатель и хранитель фондов музея «Старая Москва», убежденный сторонник необходимости системных археологических раскопок в Москве, инициатор создания многотомного научного издания по истории столицы и летописи Великой Отечественной войны в Институте истории АН СССР. Но его имя сейчас известно лишь ограниченному кругу специалистов, оно не встречается в монографических изданиях и в работах его современников по истории Москвы.

Основной целью исследования является изучение вклада П. Н. Миллера в становление научных подходов к изучению истории Москвы, основанное на анализе его архивных фондов. Приступая к этой работе, авторы также стремились приоткрыть завесу тайны над судьбой научного наследия Петра Николаевича Миллера.

Ключевые слова: Петр Николаевич Миллер, музей «Старая Москва», общество и ученая комиссия «Старая Москва», Общество изучения Московской губернии, Общество изучения Московской области, археология Москвы, подготовка академического издания «История Москвы», летопись военной Москвы.

Для цитирования: Кувшинова Е. Е., Челнокова А. Ю. Петр Николаевич Миллер и его деятельность по изучению истории Москвы // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 99–116. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.07

UDC 94(470-25=174)»1915/1943»
DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.07

Kuvshinova Elena E.

Senior Lecturer
Moscow City University
Moscow, Russia
Kuvshinovaee@mgpu.ru; ORCID: 0009-0005-7151-2833

Chelnokova Alla Yu.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Moscow City University
Moscow, Russia
allajurevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8785-0670

PETER NIKOLAEVICH MILLER AND HIS ACTIVITY IN STUDYING THE HISTORY OF MOSCOW

Abstract. The research is devoted to the professional activities of the local historian of Moscow Pyotr Nikolaevich Miller (1867–1943) and is based on documentary materials from his personal funds stored in the OPI GIM and the Museum of Moscow. The name of Peter Nikolaevich Miller is inextricably linked with the public local history organizations of Moscow during the «golden decade» of local history in the 1920s and with the scientific stage of studying the history of the city.

Pyotr Nikolaevich is one of the outstanding historians of Moscow, the ideologist, creator and curator of the funds of the Old Moscow Museum, a staunch supporter of the need for systematic archaeological excavations in Moscow, the initiator of the creation of a multi — volume scientific publication on the history of the capital and the Chronicles of the Great Patriotic War at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. But his name is now known only to a limited circle of specialists, it is not found in monographic publications and in the works of his contemporaries on the history of Moscow.

The main purpose of the study is to study P. N. Miller's contribution to the formation of scientific approaches to the history of Moscow, based on the analysis of his archival funds. Starting this work, the authors also sought to lift the veil of secrecy over the fate of Peter Nikolaevich Miller's scientific heritage.

Keywords: Peter Nikolaevich Miller, the museum “Old Moscow”, the society and the scientific commission Old Moscow”, the Society for the Study of the Moscow province, the Society for the Study of the Moscow Region, the archeology of Moscow, the preparation of the academic publication “History of Moscow”, the Chronicle of military Moscow.

For citation: Kuvshinova E. E., Chelnokova A. Yu. Peter Nikolaevich Miller and his activity in studying the history of Moscow // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 1 (53). P. 99–116. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.07

Введение. Московское краеведение хранит память о многих деятелях, организаторах движения, исследователях, руководителях и авторах, но эта память, как, впрочем, и любая другая, отличается фрагментарностью. Одни имена высечены в граните, другие удостоены только скромного упоминания в справочных изданиях. Последние годы все чаще стали называть имя Петра Николаевича Миллера — крупнейшего деятеля общественного краеведческого движения, до этого известного только немногим специалистам истории Москвы. Почему случилось именно так, помогает понять биография Петра Николаевича.

Дворянин, окончивший Второй кадетский корпус и Александровское училище, отслуживший три года по военному ведомству и подавший в отставку, Петр Николаевич все остальное время провел на гражданской службе, и для него были более характерны гуманитарные занятия в области музейного дела, археологии, публицистики, организации краеведческого движения. Жизнь его не была безоблачной, как могло показаться, поскольку он побывал два раза в царской тюрьме за активное участие в профсоюзном движении почтовых служащих в годы Первой русской революции и три раза в советских тюрьмах за службу в цензурном отделе почтамта и саботаж в ноябре 1917 г. при передаче почтового ведомства наркому почт и телеграфа В. Н. Подбельскому. Миллер был реабилитирован только в 2003 г.

В 1917 г. ему было 50 лет, он занимал выборную должность почт-директора, был состоявшимся человеком с четкой политической позицией (член Партии народных социалистов) и ясными представлениями о своем служении, наполнявшем его жизнь глубоким смыслом. Этому служению — изучению старой и новой истории Москвы — он предавался со страстью и постоянством. Поскольку интересы Петра Николаевича были весьма разнообразными, как и его занятия, немногочисленные исследователи, изучая его архивы, составили общее представление о биографии и организаторской деятельности Миллера на почетных должностях секретаря и председателя комиссии «Старая Москва», сотрудника (главного хранителя) музея «Старая Москва» и сотрудника музея Коммунального хозяйства¹.

¹ Рабинович М. Г. Неутомимый москвовец: Петр Николаевич Миллер. 1867–1943 // Краеведы Москвы. (Историки и знатоки Москвы): сб. Вып. 2 / сост.: Л. В. Иванова, С. О. Шмидт. М., 1995. С. 100–113; Богоявленский С. К. Памяти П. Н. Миллера / публ. и послесловие С. О. Шмидта // Краеведы Москвы. (Историки и знатоки Москвы): сб. Вып. 2. С. 113–119; Иванова Л. В. Члены «Старой Москвы» о знатоках и историках столицы // Краеведы Москвы: сб. Вып. 3 / сост. Л. В. Иванова, С. О. Шмидт. М., 1997. С. 363–392; Рюмина Т. Д. Архив москвоведа П. Н. Миллера в ОПИ ГИМ // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 334–342; Уваров С. А. Неутомимый москвовец // Московский журнал. История государства Российского. 2000. № 1. С. 45–50; Его же. Документы москвоведа П. Н. Миллера в музеях столицы // Отечественные архивы. 2012. № 5. С. 55–60; Его же. Повседневная жизнь Москвы 1941–1942 гг. (по дневникам П. Н. Миллера) // Вестник РГГУ. Исторические науки. Региональная история. Краеведение. 2013. № 9 (110). С. 234–259; Кувшинова Е. Е. Историк и краевед Москвы Петр Николаевич Миллер // История Москвы: методология, источниковедение, историография, популяризация: сб. материалов науч.-практ. конф. М., 2023. С. 74–79.

Данное исследование концентрирует внимание на перспективных и новаторских направлениях работы Петра Николаевича Миллера в области изучения Москвы, что частично уже было затронуто в предыдущей публикации². В настоящей статье более подробно, опираясь на архивы П. Н. Миллера³, анализируются инновационные идеи, методические приемы и технологические решения, которые по его инициативе были внедрены в музейной деятельности и в москвоведении и остаются актуальными для настоящего времени.

Ход и результаты исследования. С 1919 г. основным местом своей работы Миллер считает музей, в первую очередь Государственный российский исторический музей (будущий ГИМ), где в период с 1919 по 1926 г. он заведует музеем «Старая Москва». В автобиографии 1919 г. Петр Николаевич пишет: «Утвержден заведующим музеем “Старая Москва”»⁴. Решение о его создании и назначении временным хранителем Миллера принимала Коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины 15 октября 1919 года⁵, поскольку для этой организации Миллер был не посторонним, а уже зарекомендовавшим себя специалистом. Летом следующего года его вынужденно оформили внештатным сотрудником. После учреждения музея, до его передачи от Главнауки Наркомпроса в ГИМ 18 октября 1922 г., работа Петра Николаевича была полностью подотчетна Коллегии, которой он делает доклады.

Его музейная работа многогранна и определяется необходимостью создания общей концепции развития музея и концепции его комплектования. Петр Николаевич выделяет наиболее перспективные и богатые коллекции, тематически подходящие для «Старой Москвы»: это литература и иконография из Государственного российского исторического и Румянцевского музеев, из частных собраний Э. В. Готье, А. П. Бахрушина, П. И. Щукина. Задачи комплектования подчинялись основной цели построения экспозиции — в систематическом обзоре дать яркую картину всей старой Москвы, используя археологические, исторические и художественные материалы, показать жизнь Москвы со всеми чертами уклада и быта по наиболее ярким эпохам: Москва допожарная, Москва грибоедовская, город до эпохи 1840-х гг., пореформенная Москва до 1905 г., революционная Москва до 1917–1918 гг. Состав фондовых материалов музея он видел следующим: 1) иконография (планы, карты Москвы и губернии); 2) планы города и чертежи отдельных зданий; 3) виды Москвы

² Кувшинова Е. Е., Челнокова А. Ю. Становление методики научных исследований Москвы в первой половине XX века // Большая конференция МГПУ: сб. тезисов. Т. 3. М., 2023. С. 421–424.

³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 134 — личный фонд П. Н. Миллера; Музей Москвы. Ф. 8169 — личный фонд П. Н. Миллера в составе объединенного фонда.

⁴ Автобиография 1919 года // ОПИ ГИМ Ф. 134. Оп. 1. Д. 172. Л. 9 об.

⁵ Протокол Коллегии по ОПИ ГИМ делам музеев и охраны памятников искусства и старины от 15 октября 1919 г. №175 // ОПИ ГИМ Ф. 134. Оп. 1. Д. 183. Л. 56.

и окрестностей с акварелями от XVIII в. до современности; 4) портреты деятелей; 5) типы жителей; 6) бытовые изображения; 7) исторические эпизоды до и во время революции 1917 г.⁶

Обилие плоскостного материала — живописи и графики — его не смущало: такой состав фондовых материалов, с его точки зрения, позволял построить постоянную экспозицию на основе тематико-хронологического метода, воспроизводящего меняющуюся жизнь города по векам — XVII, XVIII, XIX — начало XX вв. Фотографии экспозиций московских музеев первой половины XX в. иллюстрируют аналогичный подход, характерный для музейного дела эпохи.

Описывая состояние музея в 1922 г. Петр Николаевич отмечает, что за два с половиной года в фонды поступили следующие собрания: полное — С. Б. Алмазова; частично — П. А. Бурышкина, А. С. Андреева, Б. П. Юргенсона, антиквара Н. С. Какурина; почти полный подбор древних чертежей и планов Москвы и богатый иконографический материал в виде масляной живописи, рисунков, гравюр, литографий, сотни негативов и фото, сто медалей с изображениями Москвы. Учреждения государственного музейного фонда выделили предметы Большого Кремлёвского дворца, Министерства иностранных дел, Третьяковской галереи, Оружейной палаты, Комиссии по изучению старой Москвы и Московского археологического общества⁷. В конце 1922 г. музей насчитывал 16 300 инвентаризационных номеров, в том числе уникальные предметы — «Атлас Московской губернии 1801 г.» и рукопись с акварелями⁸.

Самым результативным периодом в музейной работе для Петра Николаевича стали 1920-е гг., когда благодаря его усилиям были собраны и систематизированы фонды музея «Старая Москва». Несмотря на то что музей не был открыт для публики в предоставленном ему здании бывшего Английского клуба на Тверской улице и пережил несколько переездов, была проделана огромная работа. В 1926 г. фонды музея вернулись в ГИМ, где Миллер до 1929 г. был хранителем его фондов⁹. В 1930 г. при закрытии музея сотрудники ГИМ А. В. Орешников и М. И. Александровский приняли на хранение инвентарную книгу закрытого музея в трех томах, которая велась Миллером с 26 июня 1919 г. по 16 сентября 1927 г. и насчитывала 21 999 позиций. Всего в ГИМ было принято 23 279 предметов¹⁰.

В первые годы существования музея Петр Николаевич создает свою методику научного определения музейных предметов в виде инструкции

⁶ Там же. Л. 56–57 об.

⁷ Рукопись о музейной экспозиции от 1922 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 183. Л. 17–17 об.

⁸ Положение о музее Старой Москвы. 1918–19 гг. Рукопись от 19.12.1922 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 183. Л. 17 об. – 19.

⁹ Личный листок учета кадров от 7 сентября 1940 года // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 172. Л. 18 об.

¹⁰ Акт от 19 декабря 1930 г. ГИМ об осмотре инвентарных книг бывшего музея «Старая Москва» для занесения в книгу поступлений // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 184. Л. 87.

для научно-художественной регистрации произведений искусства, которая представляет детализированные правила атрибуции с полной характеристикой и критериями отнесения предметов к определенной категории. Карточное описание на каждый вид источника дается с примерами и фиксирует, помимо основных данных, иконографические и геральдические замечания, дополнительные сведения и информацию о воспроизведениях¹¹. Повседневная работа Миллера в музее состояла из операций учета и инвентаризации, каталогизации архитектурного и иконографического материала, ведения постоянной летописи музея, подготовки выставки «Старая Москва». Он сам проводил исследования и готовил справочные материалы для исследователей А. Н. Греча, В. В. Згуры и многих других¹², одновременно формировал программу музееведческой практики, включающую изучение методики исследований и технологических приемов составления инвентарных записей и инвентарных карточек¹³.

Особенное внимание П. Н. Миллер уделял систематизации библиографии по москвоведению, понимая, что от историографии истории Москвы зависит структура музея и структура исследовательской программы москвоведения. В фонд музея «Старой Москвы» за два года с момента основания поступили книжные собрания Б. П. Юргенсона — 100 книг, А. С. Андреева — 550 книг, С. Б. Алмазова — 6100 книг, П. А. Бурьшкина — 350 книг, Н. А. Скворцова — 150 книг, из магазинов — 550 книг, от учреждений и в дар от отдельных лиц — 700 книг, от самого Миллера — 500 книг. Всего 8500 томов и рукописей без систематизации¹⁴.

После каталогизации нужно было подумать о систематизации книжного собрания. Основным принципом выбранной методики систематизации стал топографический, более подходящий, чем классификация УДК, для изучения городской территории и истории. Миллер писал: «В основу ее я кладу книжное собрание Музея старой Москвы, наличный материал и пока я работаю только над ним. Покончив с этим, я буду дополнять его с картотек известных собраний по Москве, как например Э. В. Готье в Румянцовском музее, А. П. Бахрушина в Историческом музее, имени И. Е. Забелина, в Городской думе и др. После этого мною будут использованы все имеющиеся в различных видах указания на московскую библиографию — по возможности все сборники. Труды и указатели, а также ссылки на источники при составлении той или иной монографии»¹⁵. Таким образом, Миллером ставилась задача собрать почти полную библиотеку по старой Москве.

¹¹ Инструкция для производства научно-художественной регистрации произведений искусства // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 184. Л. 151–163.

¹² Отчет о деятельности музея «Старая Москва» 1923–24 гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 184. Л. 164–164 об.

¹³ Программа занятий практикантов в музее «Старая Москва» от 7.12.1925 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 184. Л. 175.

¹⁴ Опыт систематизации топо-библиографии Москвы // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 5–6.

Он определил объем краеведческой литературы вообще, а затем сузил тематику до истории старой Москвы. С сентября 1921 г., когда было систематизировано 400 наименований, начались его сообщения в Комиссии Коммунального музея. Миллер пишет: «Составлен перечень отделов, подразделов и групп»¹⁶, — а к ноябрю классифицировано около 2000 книг с библиографическим описанием по статьям. Структура отделов библиотеки получилась следующая: «I История; II Учреждения; III Кремль; IV Здания и сооружения; V Московская губерния и подмосковные... и еще 12 отделов с VI по XVII, не потребовавшие более подробных разделений»¹⁷. Это отделы: «VI — Rossica; VII (самый обширный) — жизнеописания, родословные Московской губернии и Москвы; VIII — мемуары; IX — беллетристика; X — путеводители и указатели; XI — справочники; XII — при затруднении определения; XIII — планы и карты; XIV — иконография; XV — выставки в Москве; XVI — справочники и календари; XVII — периодика. На 1928 год их стало XX»¹⁸. Отделы включали тематические подразделы, например в отдел I «История» первым подразделом А вошла история города. В подразделах выделялись группы материалов: так, в подразделе А были группы по истории и археологии Москвы, топографии, архитектуре, урочищах. Следовательно, на примере одного из отделов библиотеки можно составить представление о библиотечной топо-библиографической систематизации П. Н. Миллера. Максимальная концентрация материалов была достигнута при минимуме категорий и групп, и этот опыт, как отмечал Петр Николаевич, себя оправдал, дал положительные результаты при работе со справочными запросами.

Завершая анализ музейной работы Миллера, следует отметить, что многие направления деятельности связывают его с Коммунальным музеем, где он председательствовал в Комиссии по переименованию улиц Москвы в 1920–1922 гг., работал научным сотрудником в 1923–1927 гг.¹⁹ В 1931 г. он возвращается в музей уже как организатор историко-географической и архивно-библиографической работы и входит в научный совет музея²⁰. Итогом этой деятельности и сотрудничества с директором Коммунального музея, историком П. В. Сытиным, стала работа по созданию справочника «Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы», характеризующая большое внимание Миллера к городской территории и этапам ее развития, во многом определившая структуры московского знания в области урбанистики²¹.

Миллер был известен современникам тем, что знал о территории Москвы почти все, был практиком, обошедшим все исторические районы столицы.

¹⁶ Там же. Л. 7–8.

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 8 об.

¹⁹ Личный листок МОСПС от 21 сентября 1931 года // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 172. Л. 14.

²⁰ Автобиография 1931 года // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 172. Л. 9 об.

²¹ См.: Миллер П. Н., Сытин П. В. Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы. М., 1938.

Ходили легенды о его понимании города, которое было основано на великолепно-м знании карт и планов Москвы. Там, где Петр Николаевич топал ногой по земле, предсказывая археологические находки, оказывались подземные палаты, основания башен крепостей, фундаменты известных средневековых построек. Работа по планографии и картографии составляла существенную часть его научных интересов начиная с 1913 г. Карты Москвы изучались Миллером скрупулезно с составлением исторических и библиографических описаний местности. Он работал с планами и картами XVII века — Исаака Массы 1606 г., Сигзмундовым и Несвижским планами, Петровым чертежом, планом Маттеуса Мериана и Августина Мейерберга, материалами по средневековой Москве С. А. Белокурова, — накладывая их на более поздние планы XVIII–XX вв. (И. Мичурина, атласы Белоусова, А. Хотева) и последующего периода, используя методику наложения карт. В каждой части города на планах им нумеровались постройки: монастыри, церкви, публичные строения, дома, принадлежащие дворцовому ведомству, слободы, улицы, реки, пруды и сады²².

Таким образом, он сделал описание к плану Ивана Мичурина 1739 г.²³, дал краткие исторические описания отдельных участков Москвы — владений Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке, Каланчевского дворца, Опричного двора Ивана Грозного²⁴ — и составил схематический план исторического роста Москвы с северным кольцом монастырей и частями города с указанием улиц и казенных дворов и многое другое²⁵. В списке своих научных трудов он упоминает обобщающую работу «Геодезическая планография Москвы» в четырех частях, анализирующую картографию Москвы с 1739 по 1860-е гг.²⁶

Картографические исследования вводились в научный оборот посредством докладов и публикаций. Так, например, для Геодезического управления Миллером было составлено 24 комплексных описания к картам подмосковной территории общим объемом двенадцать печатных листов, которые представляли собой законченное целое в виде главы, написанной научно-популярным языком, с фотографиями²⁷. Описание к картам включало три части: отраслевое описание карт, комплексное описание отдельных районов и пунктов, справочную часть. Под отраслевым описанием подразумевалось «систематическое изложение данных о природе, экономике, культуре, имеющих место на описываемой территории. В состав этого описания входят следующие вопросы: а) природа: рельеф, реки, озера, болота, ключи, почвы, растительный и животный мир, положение, ископаемые; б) экономика: население и его размещение,

²² Рукопись 1933–34 гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 45. Л. 28–33 об.

²³ Там же. Л. 78–79.

²⁴ Записные книжки П. Н. Миллера 1920–1943 гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 178. Л. 84, 97–99; Планы и краткие исторические описания отдельных участков Москвы // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 45. Л. 185а – 203.

²⁵ Рукопись 1933–34 гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 45. Л. 186.

²⁶ Личный листок учета кадров от 7 сентября 1940 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 172. Л. 26.

²⁷ Работа по планографии и картографии // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 45. Л. 228 об.

с/х, промышленность крупная и мелкая, транспорт железнодорожный, водный, грунтовый; в) культура — исторические памятники, культурные учреждения»²⁸.

Комплексное описание предполагало выделение на территории отдельных районов и пунктов, представляющих известное значение в природном, экономическом или культурном отношении. Справочная часть включала разнообразные дополнительные сведения для туристов, охотников и для школьного туризма в виде краеведческих маршрутов и экскурсий по Подмосковию²⁹.

В 1930-е гг. П. Н. Миллер являлся бригадиром архивно-археологической бригады, для которой разработал программу создания историко-географических характеристик улиц Москвы, включающую оценку архитектурного фонда, библиографии, иконографии и планаграфии по изучаемой территории с привлечением музейных и архивных фондов Московского областного архива, Государственного архива феодально-крепостнической эпохи, Военно-исторического архива, ГИМ. В фондах последнего представлено множество упоминаний об описаниях улиц города: Тверской (улицы Горького), Никитской (улицы Герцена), Мясницкой (улицы Кирова) с переулками, Лучникова переулка, Симонова монастыря³⁰. Территория Симонова монастыря изучалась в связи со строительством метро. В рукописи очерка «На шахте № 22 — 3-й очереди метро» он описывает историю освоения земель владений Симонова монастыря в 68 га, приводит отрывки из сочинений Н. М. Карамзина, вспоминает планы города, которые показывают в этой местности 29 владений со зданиями, Лизиным прудом, анализирует состав населения и экономику местности как фабричного центра, связанного дорогами с Владимиром, Рязанью и Нижним Новгородом³¹.

При начале строительства метро была принята программа сопутствующих научно-исследовательских и археологических работ на 1934–1939 гг., которую осуществляли сотрудники Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры (МОГАИМК). Группа историков-архивистов в МОГАИМК, куда входил и П. Н. Миллер, обсудила план работ и разбила трассу метро между членами группы на участки для наблюдений. В результате в 1935 г. вышел сборник «По трассе Метро первой очереди», и в 1936 г. собран материал второго сборника по строительству второй очереди метро, готовился и третий выпуск по третьей очереди строительства метрополитена³², но работы были свернуты по причине реорганизации МОГАИМК.

Петр Николаевич настойчиво обосновывает необходимость их продолжения в письмах к председателю Моссовета Н. А. Булганину от 14 июля 1935 г. и члену-корреспонденту АН СССР, историку А. М. Панкратовой: «Начало

²⁸ Там же. Л. 229 об. – 230 об.

²⁹ Там же, Л. 231 об. – 233 об.

³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 23, 38, 47, 116.

³¹ Миллер П. Н. Историческое описание участка трассы метро 3-й очереди на территории бывшего Симонова монастыря // ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 56. Л. 17–35.

³² Там же. Л. 118 об. – 119.

связи МОГАИМК с Метростроем имеет подтверждение: археологические коллекции Гос. Исторического музея были значительно пополнены и для выставки различных предметов только с первых двух трасс метро потребовался обширный зал музея, а по истории города Москвы собрано более позиций материалов совершенно новых высокого интереса»³³. Он доказывает, что даже случайные археологические наблюдения на строительстве в Москве всегда давали значимые результаты: дирхемы, найденные у храма Христа Спасителя и датированные 862–866 гг.; большие серебряные шейные гривны и языческие серьги-рясы в котловане будущей Оружейной палаты, городище и кости мамонта на Октябрьской площади, курганы.

В статье «Московский мусор» Миллер рассказывает о современных ему находках активистов Общества изучения Московской губернии, которые смогли по результатам наблюдений 1927 г. сделать блестящую выставку «Московский мусор», представившую несколько сотен предметов. Любители обнаружили крепостное гидротехническое оборудование у Свибловой башни Кремля, вторую аптеку Петра I, открытую в 1702 г. Соульсом на Покровке, десятки зданий и сооружений XVI–XVII вв., в том числе первый каменный мост в Москве — Воскресенский. Он пишет, что в Коммунальном музее есть научно-исследовательский актив, который сможет вместе с археологами продолжить работы по метро 4-й очереди, подготовить материал по 3-й очереди, как он был подготовлен по 1-й и 2-й очередям в виде архивно-исторических очерков и археологических описаний, иллюстраций, чертежей, фотографий находок. Подводя итоги, Миллер констатирует, что уже за несколько месяцев работы в метро археологами сделано больше, чем за 70–80 лет существования московской археологии. До революции ни одна экспедиция не направлялась в Москву. Упорно искали только библиотеку Грозного в Кремле дьяк К. Осипов при Петре I и князь Н. С. Щербатов перед революцией, поэтому подлинный вклад в историческую науку могут дать только системные археологические работы в Москве, которые никогда прежде не проводились³⁴.

К этой теме Петр Николаевич возвращается в 1941 г. в очерке «Москву надо изучать», предлагая «повернуть московских археологов лицом к Москве, надо разрушить их предубеждение, что археология — это палеолит, неолит, Фатьяновская и Дьяковская культуры, а все, что начинается с XV века это уже не археология, а история»; «первым действием археологов должно быть обследование долин московских рек, речек и московских оврагов, чтобы наметить места необходимых археологических работ не из-под экскаватора, а по всем правилам археологической науки»³⁵.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. П. Н. Миллер принял активное участие в работе Группы по истории Москвы, затем в Комиссии по истории города

³³ Миллер П. Н. Историческое описание участка трассы метро ... Л. 75, 83–85, 118 об.

³⁴ Там же. Л. 120.

³⁵ Сектор документальных источников Музея Москвы (СДИ ММ). Ф. 8169. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

Москвы, которые были сформированы в Институте истории Академии наук СССР. Именно П. Н. Миллер выступил с идеей написать многотомную историю столицы СССР, когда Совнарком поручил Институту истории создать и издать монографии по истории СССР и по всеобщей истории³⁶. Необходимость написания истории Москвы П. Н. Миллер обосновывал приближающимся 800-летним юбилеем столицы, отсутствием научных трудов по истории Москвы, тем, что Москва — город, «жизнь которого отражала или выражала всю государственную историю нашей великой родины», и тем, что «последние 30 лет истории города Москвы относятся к эпохе социальной революции и социалистического строительства, имеющих мировое значение. В центре которых стояла и стоит Москва»³⁷.

Инициатива П. Н. Миллера была поддержана известными учеными, московедами и сотрудниками Института истории АН СССР. События развивались очень динамично: 14 июня 1939 г. в секторе истории СССР до XIX в. состоялось первое организационное собрание группы москвоведов, по результатам которого руководителем сектора профессором В. И. Лебедевым была составлена докладная записка в дирекцию Института истории с просьбой создать особую группу по истории Москвы³⁸, а 21 июня при секторе истории СССР до XIX в. была создана Группа по изучению истории Москвы (руководитель — профессор В. И. Лебедев, научный секретарь — П. Н. Миллер)³⁹.

За следующие несколько месяцев П. Н. Миллер проделал огромную организационную и научно-методическую работу: составил схематический план «История города Москвы», состоящий из 23 разделов, разослал его участникам группы для внесения замечаний, дополнений и поправок, переработал план на их основании, после чего отправил для отзыва Б. Д. Грекову, Ю. В. Готье, С. В. Бахрушину, М. Н. Тихомирову, В. И. Лебедеву, В. И. Шункову⁴⁰.

Вся эта масштабная работа позволила Миллеру уже через четыре месяца на втором заседании группы по истории города Москвы, состоявшемся 14 октября 1939 г., выступить с докладом «План академического издания “История города Москвы”»⁴¹. Перед группой ставились задачи: к 1941 г. обязательно подготовить к печати один том «Истории», а к 1947 г., к 800-летию Москвы, должен был быть выпущен последний том «Истории»⁴². На заседании было принято решение «сократить число разделов до десяти, и в каждом разделе изложить план по заранее выработанной сетке, а также избрать Комиссию, которой поручалось в кратчайшие сроки пересмотреть план. Комиссия имела

³⁶ СДИ ММ. Ф. 8169. Оп. 1. Д. 83. Л. 1.

³⁷ Там же. Д. 103. Л. 49–50.

³⁸ Там же. Д. 283. Л. 1–2.

³⁹ Уваров С. А. Неутомимый москвовед. С. 49.

⁴⁰ СДИ ММ. Ф. 8169. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

⁴¹ Там же. Д. 83. Л. 1.

⁴² Там же. Л. 1–2.

6 заседаний и к 8 декабря 1939 г. закончила свою работу»⁴³. Ответственным за выполнение принятых решений был назначен П. Н. Миллер⁴⁴.

Вся деятельность П. Н. Миллера как секретаря Группы по истории Москвы выстраивалась по нескольким направлениям: составление плана на многотомное издание истории города, учет авторского актива для ее написания, организация научных работ в стенах Института истории, организация научно-исследовательских работ вне его, участие группы в работах других научных учреждений, а также в различных выступлениях⁴⁵.

В течение года Группа по истории Москвы по решению Президиума АН СССР получила статус самостоятельного подразделения Института истории, а в начале октября 1940 г. была преобразована в Комиссию по истории города Москвы в структуре Академии наук. Председателем комиссии остался профессор В. И. Лебедев, секретарем — П. Н. Миллер⁴⁶.

Основной массив документов, связанных с разнообразными аспектами деятельности Группы / Комиссии по истории города Москвы, находится в собрании Сектора документальных источников Музея Москвы (СДИ ММ), в фонде П. Н. Миллера (Ф. 8169) — 752 ед. хр. за 1919–1943 гг. Описание этого фонда была составлена С. А. Уваровым в январе – феврале 2001 г.⁴⁷

Комплекс архивных материалов по этой теме достаточно обширен: протоколы, стенограммы заседаний и совещаний Группы / Комиссии по истории Москвы; списки лиц, присутствовавших на заседаниях; явочные листы с автографами; квартальные планы работы группы; открытые письма к П. Н. Миллеру по поводу участия в написании истории Москвы; различные докладные записки по изданию и по переработке плана издания многотомника «История города Москвы»; отчеты о работе группы; структура и планы разделов «Истории Москвы»; вторая редакция программы издания «История города Москвы»; замечания рецензентов на второй вариант плана издания истории Москвы; документы о научно-исследовательских работах; сметы проводимых работ; деловая переписка. В фонде представлены также рабочие записки, черновики, краткие перечни текущих дел, личные наработки П. Н. Миллера по подготовке к заседаниям группы, к обсуждению спорных вопросов по изданию, выписки из различных источников по истории Москвы и пр.

Все эти документы свидетельствуют о масштабной и очень кропотливой работе П. Н. Миллера в качестве секретаря Группы / Комиссии по истории Москвы. Доскональное знание истории города, глубочайшая эрудиция, энтузиазм позволяли Петру Николаевичу вникать в малейшие детали и дополнительно определять содержательную часть необходимых работ: копирование и издание планов Москвы XVII–XVIII вв.; отбор и издание архивных

⁴³ СДИ ММ. Ф. 8169. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁵ Там же. Л. 1–7.

⁴⁶ Уваров С. А. Неутомимый москвовед. С. 49.

⁴⁷ Уваров С. А. Документы москвовед П. Н. Миллера в музеях столицы. С. 56.

документов по истории Москвы; составление монографии о прошлом территории, на которой сооружается здание Дворца Советов; проведение систематических археологических раскопок в городе; составление хронологии по истории Москвы; подбор иллюстраций для монографии об истории местности, отведенной под строительство Дворца Светов; гидрогеологический и археологический осмотр территории Москвы с целью выявления точек для научных исследований и пр. В этой, казалось бы, рутинной работе проявлялась деятельная натура П. Н. Миллера и его профессиональные качества ученого.

В этот период Петр Николаевич вел дневник, в котором фиксировал события, связанные с работой в составе Группы / Комиссии по истории Москвы. Как справедливо отмечает исследователь С. А. Уваров, «дневниковые заметки П. Н. Миллера, связанные с “закулисьем” деятельности различных структурных подразделений Института истории АН СССР, отличаются большой открытостью, причем симпатии и антипатии автора достаточно ясны»⁴⁸.

В 1941 г. инициативным начинанием П. Н. Миллера стала деятельность по составлению так называемой Московской летописи, в которой должна была быть отражена повседневная жизнь столицы во время Великой Отечественной войны. Об идее составления военной летописи Москвы П. Н. Миллер делает запись в дневнике 26 июля 1941 г.⁴⁹ В архивных документах его личного фонда сохранилась рукописная «Тематика летописи Отечественной войны 1941 года в Москве», в которой обозначены 32 темы, связанные с обороной Москвы от вражеских налетов, с работой на фабриках, заводах и на транспорте, с вопросами мобилизации и формированием ополчения, с деятельностью ученых, писателей, художников, скульпторов, артистов театра и кино, служащих, с изданием пьес и плакатов, с работой выставок и музеев, с заботой о детях, с подвигами героев и пр.⁵⁰

Из дневниковых записей П. Н. Миллера известно, что его начинание по сбору сведений для будущей Московской летописи поддержали коллеги⁵¹, а проект создания военной летописи Москвы был одобрен дирекцией Института истории АН СССР, руководить проектом было поручено С. Д. Петропавловскому⁵²; что к сбору данных по летописи подключился Институт истории партии при МК ВКП (б)⁵³, а после нескольких публикаций в прессе материалов о Московской летописи⁵⁴ методом ведения летописных записей заинтересовались сотрудники Института мировой литературы⁵⁵.

⁴⁸ Там же. С. 58.

⁴⁹ Уваров С. А. Повседневная жизнь Москвы 1941–1942 гг. (по дневникам П. Н. Миллера). С. 237.

⁵⁰ СДИ ММ. Ф. 8169. Оп. 1. Д. 669. Л. 1.

⁵¹ Уваров С. А. Повседневная жизнь Москвы 1941–1942 гг. (по дневникам П. Н. Миллера). С. 237.

⁵² Там же. С. 239.

⁵³ Там же. С. 240.

⁵⁴ Там же. С. 246.

⁵⁵ Там же.

В январе 1942 г. идея П. Н. Миллера была масштабирована Президиумом Академии наук через проект положения о новом Институте истории Отечественной войны и создание рабочей группы (под руководством И. И. Минца) по Летописи СССР, куда как основная должна была войти и Московская летопись⁵⁶. Можно предположить, что именно с этим была связана разработка П. Н. Миллером в январе 1942 г. «Тематической классификации материалов»⁵⁷ и проекта инструкции «О составлении карточек для “Летописи отечественной войны советского народа” по материалам военных (фронтовых, армейских, дивизионных и др.) газет». В восьмистраничном проекте инструкции три раздела: а) общая часть; б) карточки «летописного» («хронологического») типа; в) карточки каталого-библиографического типа, в которых П. Н. Миллер очень детально описывает процесс составления карточек⁵⁸.

В мае 1942 г. П. Н. Миллер подготовил подробную «Программу для изучения и обработки материала по Истории Москвы — города и его городского хозяйства в период Отечественной войны советского народа», состоявшую из девяти крупных тематических разделов: общий архитектурный облик города и его отдельные здания и сооружения; городское хозяйство Москвы; быт москвичей; охрана безопасности и порядка в городе; управление городом и его населением; Академия коммунального хозяйства и ее работа над проблемами городского хозяйства; Москва — фронтовая-героическая; героические подвиги москвичей на фронте; подмосковные партизаны. Внутри каждого раздела выделены более узкие тематические направления исследований⁵⁹.

Тогда же, в мае 1942 г., П. Н. Миллер возвращается к тематическому содержанию Московской летописи и формулирует «Темы Московской летописи Великой Отечественной войны советского народа»⁶⁰. В дневнике П. Н. Миллер называет летопись своим детищем, и в июле 1942 г., понимая, что работы по ее составлению фактически прекращены, записывает: «...Я выдержу: это мое детище и я должен его отстоять, по крайней мере для Москвы»⁶¹.

К сожалению, работа по составлению «Летописи Москвы в Отечественную войну», инициированная П. Н. Миллером, прервалась в начале 1943 г. в связи с его смертью и так и не была завершена. Однако, согласимся с выводами исследователя С. А. Уварова, что «собственные дневники П. Н. Миллера имеют полное право называться хроникой московской жизни в период 1941–1942 гг. Это крайне информативный и самодостаточный материал, проливающий свет на многие детали городского быта военных лет»⁶².

⁵⁶ Уваров С. А. Повседневная жизнь Москвы 1941–1942 гг. (по дневникам П. Н. Миллера). С. 249.

⁵⁷ СДИ ММ. Ф. 8169. Оп. 1. Д. 670. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Д. 671. Л. 7–14.

⁵⁹ Там же. Л. 1–2.

⁶⁰ Там же. Л. 3–6.

⁶¹ Там же. Д. 17. Л. 9 об.

⁶² Уваров С. А. Повседневная жизнь Москвы 1941–1942 гг. (по дневникам П. Н. Миллера). С. 255.

Заключение. Петр Николаевич Миллер не получил исторического образования, занятия историей Москвы были его увлечением. В архивах хранятся его рукописи очерков по истории города начиная с 1910 г. В период социальных трансформаций после революции Миллер превращает любительство в профессию и далее официально называет себя краеведом-историком. Его становление в качестве профессионала проходит несколько стадий — через активное участие в деятельности комиссии «Старая Москва», работу в Историческом музее в качестве ученого секретаря, сопредседателя А. М. Васнецова, создание музея «Старая Москва» и далее работу на выборных должностях председателя секции (комиссии), последовательно существовавшей при ГИМ, Обществе изучения Московской губернии и Обществе изучения Московской области. Как известно, в краеведение «золотого десятилетия» 1920-х гг. были вовлечены самые разные люди, и в этих кругах Петр Николаевич пользовался большим авторитетом, иначе трудно объяснить его лидерство в структурах краеведения, где активными участниками были многие ученые, коллекционеры и знатоки Москвы: А. В. Арциховский, М. И. Александровский, М. М. Богословский, С. К. Богоявленский, С. В. Бахрушин, И. Э. Грабарь, Е. А. Звягинцев, И. В. Калашников, Н. Р. Левинсон, Н. П. Лихачев, И. Я. Стеллецкий, П. В. Сытин, М. Н. Тихомиров, Н. П. Чулков и многие другие.

Создание музея «Старая Москва» проходило трудно и в диссонансе с общим идеологическим фоном десятилетия. Как и многие другие дореволюционные идеи, он реализовывался скорее на силе инерции, без финансирования, штата и материальной базы. Главной движущей силой был неиссякаемый интерес и энергия П. Н. Миллера, который, собирая фонд музея, одновременно систематизировал его, хранил, каталогизировал, создавал инструкции для атрибуции предметов, планировал экспозицию и поддерживал научные интересы исследователей Москвы. То, что музейное собрание было сформировано и в полном составе без утрат передано в ГИМ, безусловная заслуга Миллера. Особое внимание в музейной деятельности Петр Николаевич уделял библиотеке москвоведения, которую справедливо считал основой исследовательской работы в области истории Москвы. Работая с библиотекой, он сделал вывод, что историография истории города малочисленна, тематика исследований случайна и требуется организация научной работы по истории города.

Собственная научно-исследовательская деятельность П. Н. Миллера была чрезвычайно активной. Его архивные фонды хранят многочисленные рукописи состоявшихся публикаций и текстов по истории Москвы: статей, докладов, программ, инструкций, упоминаний о монографических исследованиях. Публикации Миллера мы находим в основном в периодике начала века («Известиях Императорской Археологической комиссии», сборниках комиссии «Старая Москва») и советского времени (журналах «Московский краевед» 1927–1929 гг. и нескольких путеводителях). В академическом издании «История Москвы» (М., 1952–1959), в трех выпусках «Истории застройки и планировки Москвы» П. В. Сытина (М., 1950–1972) нет даже упоминания

о причастности к ним Миллера, хотя известно, что это та научная область, которой он был увлечен и в которой был признан экспертом. Можно сделать предположение, что причина кроется в биографии П. Н. Миллера. За два десятилетия он был арестован три раза — в 1920, 1930 и 1935 гг.⁶³ Несколько арестов, судебных разбирательств и годы ссылки не способствовали успешной работе Петра Николаевича, который официально был реабилитирован только в 2003 г., и можно только удивляться, что он успел сделать для истории Москвы так много⁶⁴.

В частности, с большим успехом Миллер применял свои знания городской застройки и планировки при археологических наблюдениях в процессе строительства метрополитена первых трех очередей начиная с 1934 г. В это время выходит его очерк, посвященный археологическим находкам в метро первой очереди строительства «Застройка по трассе от Комсомольской площади до Сокольников с XV по XX в.»⁶⁵. Архивно-исторической и археологической бригадами собраны материалы об археологических находках второй и третьей очередей метро, опубликована статья «Московский мусор»⁶⁶ и написан программный очерк «Москву надо изучать»⁶⁷. Петр Николаевич считал археологические исследования одними из самых перспективных, сотрудничал и дружил с молодым археологом М. Г. Рабиновичем, которому первому суждено было начать систематические археологические работы на Московской территории, но уже в конце 1940-х гг.

Вся программа фундаментального научного издания «Истории Москвы», инициатором и организатором которого в конце 1930-х гг. выступил П. Н. Миллер, была реализована. Но не в 1940-е годы, а на десять лет позже. В период с 1952 по 1959 г. были опубликованы шесть томов «Истории Москвы», при этом к первому тому «Период феодализма XII–XVII вв.»⁶⁸ было издано приложение, в которое вошли 11 планов и карт средневековой Москвы⁶⁹. Была сохранена схема издания, принятая на заседании Комиссии 16 октября 1939 г.⁷⁰ Также в целом была сохранена и разработанная в 1939 г. «Стандартная сетка для каждого раздела “Истории города Москвы”», которая включала 16 тематических блоков⁷¹.

⁶³ Международный мемориал. ГА РФ. URL: <http://pukka.memo.ru/page%202/search.html>

⁶⁴ Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2683258> (дата обращения: 19.02.2024).

⁶⁵ Миллер П. Н. Застройка по трассе от Комсомольской площади до Сокольников с XV по XX в. // По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича: архивно-исторические и археологические работы Академии в 1934 г. / Гос. Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Л., 1936. С. 83–88.

⁶⁶ Миллер П. «Московский мусор» // Московский краевед. 1928. Вып. 3. С. 9–16.

⁶⁷ СДИ ММ. Ф. 8169. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

⁶⁸ История Москвы в шести томах. Т. 1. Период феодализма XII–XVII вв. М., 1952.

⁶⁹ История Москвы. Приложение к первому тому: Планы. М., 1952.

⁷⁰ СДИ ММ. Ф. 8169. Оп. 1. Д. 191. Л. 4.

⁷¹ Там же. Л. 5.

Документы личного архива П. Н. Миллера (СДИ ММ. Ф. 1869) позволяют с большой уверенностью утверждать, что Петр Николаевич, будучи ученым секретарем Группы / Комиссии по истории Москвы, смог собрать команду профессиональных исследователей, объединившую и опытных москвоведов общества «Старая Москва», и молодых ученых. Он был душой и вдохновителем этого научно-исследовательского коллектива и многое сделал для формирования научного подхода к изучению истории города.

Что же касается «Летописи Москвы в Отечественную войну», П. Н. Миллер в дневниковой записи, которую сделал за год до своей смерти (25 января 1942 г.), определил это начинание как одно из своих больших дел⁷². К сказанному можно только добавить, что в настоящее время ощущается необходимость и потребность в научном изучении богатейшего наследия П. Н. Миллера, в освоении его методик работы с различным историческим материалом.

Литература

1. Иванова Л. В. Члены «Старой Москвы» о знатоках и историках столицы // Краеведы Москвы: сборник. Вып. 3 / сост. Л. В. Иванова, С. О. Шмидт. М.: Книжный сад, 1997. С. 363–392.
2. Кувшинова Е. Е. Историк и краевед Москвы Петр Николаевич Миллер // История Москвы: методология, источниковедение, историография, популяризация: сб. материалов науч.-практ. конф. (7 апреля 2022 г., Москва). М.: Московская городская Дума, 2023. С. 74–79.
3. Кувшинова Е. Е., Челнокова А. Ю. Становление методики научных исследований Москвы в первой половине XX века // Большая конференция МГПУ: сб. тезисов в 3 т. Т. 3. Городские социально-гуманитарные практики. М.: Парадигма, 2023. С. 421–424.
4. Рабинович М. Г. Неутомимый москвовед: Петр Николаевич Миллер. 1867–1943 // Краеведы Москвы. (Историки и знатоки Москвы): сборник / сост.: Л. В. Иванова, С. О. Шмидт. М.: Книжный сад, 1995. С. 100–113.
5. Рюмина Т. Д. Архив москвовед П. Н. Миллера в ОПИ ГИМ // Археографический ежегодник за 1997. М.: Наука, 1997. С. 334–346.
6. Уваров С. А. Документы москвовед П. Н. Миллера в музеях столицы // Отечественные архивы. 2012. № 5. С. 55–60.
7. Уваров С. А. Неутомимый москвовед // Московский журнал. 2000. № 1. С. 45–50.
8. Уваров С. А. Повседневная жизнь Москвы 1941–1942 гг. (по дневникам П. Н. Миллера) // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Региональная история. Краеведение. 2013. № 9 (110). С. 234–259.

References

1. Ivanova L. V. Chleny «Staroi Moskvy» o znatokakh i istorikakh stolitsy [Members of “Old Moscow” about experts and historians of the capital] // Kraevedy Moskvy: sbornik. Вып. 3 / sost. L. V. Ivanova, S. O. Shmidt. Moscow: Knizhnyi sad, 1997. P. 363–392. (In Russ.).

⁷² СДИ ММ. Ф. 8169. Машинописная копия дневника П. Н. Миллера (тетради № 8–10). НВФ. Л. 54.

2. Kuvshinova E. E. Istorik i kraeved Moskvy Petr Nikolaevich Miller [Historian and local historian of Moscow Peter Nikolaevich Miller] // *Istoriia Moskvy: metodologiya, istochnikovedenie, istoriografiia, popularizatsiia: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii (7 apreliia 2022 g., Moskva)*. Moscow: Moskovskaia gorodskaia Duma, 2023. P. 74–79. (In Russ.).
3. Kuvshinova E. E., Chelnokova A. Yu. Stanovlenie metodiki nauchnykh issledovaniy Moskvy v pervoi polovine XX veka [The formation of the methodology of scientific research in Moscow in the first half of the XX century] // *Bol'shaia konferentsiia MGPU: sbornik tezisov v 3 t. T. 3. Gorodskie sotsial'no-gumanitarnye praktiki*. Moscow: Paradigma, 2023. P. 421–424. (In Russ.).
4. Rabinovich M. G. Neutomimy moskvoved: Petr Nikolaevich Miller. 1867–1943 [Indefatigable Moscow scholar: Pyotr Nikolaevich Miller. 1867–1943] // *Kraevedy Moskvy. (Istoriki i znatoki Moskvy): sbornik / sost.: L. V. Ivanova, S. O. Shmidt*. Moscow: Knizhnyi sad, 1995. P. 100–113. (In Russ.).
5. Riumina T. D. Arkhiv moskvoveda P. N. Millera v OPI GIM [Archive of Moscow scholar P. N. Miller in the Department of Written Sources of the State Historical Museum] // *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1997*. Moscow: Nauka, 1997. P. 334–346. (In Russ.).
6. Uvarov S. A. Dokumenty moskvoveda P. N. Millera v muzeiakh stolitsy [Documents of Moscow scholar P. N. Miller in the museums of the capital] // *Otechestvennye arkhivy [Domestic Archives]*. 2012. № 5. P. 55–60. (In Russ.).
7. Uvarov S. A. Neutomimy moskvoved [Indefatigable Moscow scholar] // *Moskovskii zhurnal*. 2000. № 1. P. 45–50. (In Russ.).
8. Uvarov S. A. Povsednevnaia zhizn' Moskvy 1941–1942 gg. (po dnevnikam P. N. Millera) [Moscow daily life in 1941–1942 (based on P. N. Miller's diaries)] // *RSUH/ RGGU Bulletin. Series: Historical Studies. Regional and Local History*. 2013. № 9 (110). P. 234–259. (In Russ.).

УДК 930.1

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.08

Ярмолич Федор Кузьмич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Первый Санкт-Петербургский государственный

медицинский университет им. академика И. П. Павлова

Санкт-Петербург, Россия

f.k.1985@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2997-870X

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ ЛЕНИНГРАДЦА В 1950–1960-е гг.

Аннотация. В статье на материалах Ленинграда 1950–1960-х гг. проведен анализ соответствия жилищных условий декларируемым в СССР основным постулатам социалистического образа жизни. С этой целью предложена расширенная трактовка дефиниции «жилищные условия», в которую, наряду с квартирным вопросом, включается и культурно-досуговая инфраструктура вблизи мест проживания ленинградцев.

Исследование образа жизни в Советском Союзе обусловлено тем, что в современной российской историографии этому вопросу не уделяется внимания, а интерес исследователей сконцентрирован на анализе повседневности советского человека. В то же время современные условия — значительный архивный материал и отсутствие идеологических ограничений, — которые не позволяли в должной мере изучить этот вопрос советским ученым, предоставляют благоприятные условия для объективного и детального изучения этого важного элемента советской эпохи.

Анализ условий проживания ленинградцев в 1950–1960-е гг. демонстрирует, в какой степени решение квартирного вопроса и создание необходимой культурной среды в новых городских районах соответствовали декларируемому образу жизни советского человека. В статье обозначены проблемы, которые возникали в этой сфере и негативным образом отразились на реализации основных постулатов социалистического образа жизни в практической плоскости. Подобная демонстрация достижений и недостатков, характерных для жилищной сферы Ленинграда 1950–1960-х гг., позволяет избежать идеализации или чрезмерной критической оценки советских реалий указанных десятилетий.

Ключевые слова: жилищные условия, образ жизни, ленинградец, свободное время, культурно-массовые мероприятия, квартирный вопрос, досуговая инфраструктура.

Для цитирования: Ярмолич Ф. К. Жилищные условия и образ жизни ленинградца в 1950–1960-е гг. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 117–127. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.08

UDC 930.1

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.08

Yarmolich Fedor K.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

Academician I. P. Pavlov First St. Petersburg State Medical University

Saint Petersburg, Russia

f.k.1985@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2997-870X

**HOUSING CONDITIONS AND LIFESTYLE
OF A LENINGRADER IN THE 1950s – 1960s**

Abstract. In an article on the materials of Leningrad 1950–1960s it is proposed to analyze the conformity of housing conditions with the main postulates of the socialist way of life declared in the USSR. To this end, a more expanded interpretation of the definition of “housing conditions” is proposed, which, along with the housing issue, also includes cultural and leisure infrastructure near the places of residence of Leningrad residents.

The attention paid to the study of the way of life in the Soviet Union is due to the fact that in modern Russian historiography this issue is not given attention, and the interest of researchers is concentrated on the analysis of the everyday life of a Soviet person. At the same time, modern conditions: significant archival material and the absence of ideological restrictions that did not allow Soviet scientists to adequately study this issue provide favorable conditions for an objective and detailed study of this important element of the Soviet era.

Analysis of the living conditions of Leningraders in the 1950s – 1960s will allow to demonstrate to what extent the solution of the housing problem and the creation of the necessary cultural environment in new urban areas corresponded to the declared way of life of the Soviet people. At the same time, the article draws attention to the problems that have arisen in this area, which, of course, had a negative impact on the implementation of the basic postulates of the socialist way of life in practice. Such a demonstration of the achievements and shortcomings that were characteristic of the living conditions of Leningrad in the 1950s and 1960s will make it possible to avoid idealization or an overly critical assessment of the Soviet realities of these decades.

Keywords: living conditions, lifestyle, Leningrader, free time, cultural events, housing issue, leisure infrastructure.

For citation: Yarmolich F. K. Housing conditions and lifestyle of a Leningrader in the 1950s – 1960s // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 1 (53). P. 117–127. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.08

Введение. Советские ученые, изучая повседневность человека, анализировали такие ее параметры, как уровень, качество, стиль и образ жизни¹. Последняя категория была ориентирована на анализ «определенной системы конкретных культурных форм общения и поведения людей»². Благодаря научно-популярной литературе, периодической печати

¹ Общее и особенное в образе жизни социальных групп советского общества / отв. ред. И. Т. Левыкин. М., 1987. С. 7.

² Толстых В. И. Образ жизни. Понятие, реальность, проблемы. М., 1975. С. 141.

и культурно-массовым мероприятиям населению страны объяснялось, что культурное общение и поведение включает в себя «занятия, направленные на пополнение общих и специальных знаний, повышение квалификации и развитие творческих способностей личности, добровольное участие в общественной жизни, развитие эстетических вкусов, нравственное и физическое совершенствование, разумные развлечения и полезный отдых»³.

Реализация описанной модели социально-культурного образа жизни зависела от многих объективных и субъективных факторов. На некоторые из них государство имело большее влияние, на другие — меньшее. Примером последнего может послужить ситуация, описанная в статье Вероники Кононенко «Свободное время. Как лучше организовать досуг трудящихся», опубликованной в газете «Вечерний Ленинград» 4 октября 1966 г. В ней автор задается вопросом: «Почему 67 работников эскаваторного завода в 1966 г. были привлечены в милицию за пьянство и мелкое хулиганство?» Отвечая на него, В. Кононенко обратила внимание, что работники, попавшие в милицию, никогда не посещали лекций, встреч с интересными людьми, экскурсий, театров, библиотек⁴.

Конечно, завершение человеком своего выходного дня в отделении милиции противоречило декларируемому в информационном пространстве образу жизни в СССР и подобное явление советской повседневности можно объяснить только индивидуальными особенностями той или иной личности, на которые государство не могло оказать влияния. Однако, не отрицая этого факта, следует подчеркнуть, что индивидуальные предпочтения людей зависят от объективных условий их жизни (уровень заработной платы, образование и т. д.), на которые государственные институты имели возможность оказать влияние. Осознавая эту закономерность, советские ученые при изучении образа жизни населения уделяли внимание анализу социально-культурных и политико-экономических условий проживания человека⁵. Современная российская историография не просто отошла от изучения этого влияния, но и вообще не уделяет внимания исследованию образа жизни в Советском Союзе, заменив его изучением советской повседневности⁶.

Основываясь на ленинградском материале 1950–1960-х гг. хотелось бы проанализировать соответствие условий проживания человека, которые включают в себя не только квартирный вопрос, но и культурно-досуговую среду, декларируемому образу жизни.

Ход и результаты исследования. В начале 1950-х гг. власти Ленинграда приступили к решению жилищного вопроса. Однако в силу экономических и материально-технических трудностей динамика строительства жилья в эти годы была неравномерной: за первую половину 1950-х гг. в эксплуатацию было введено

³ Байкова В. Г., Соколов В. М. Труд и досуг. М., 1975. С. 44.

⁴ Вечерний Ленинград. 1966. 4 октября. С. 2.

⁵ Социалистический образ жизни: Политико-экономический справочник / под общ. ред. С. С. Вишневого. М., 1985 и др.

⁶ Беловинский Л. В. Повседневная жизнь человека советской эпохи. Предметный мир и социальное пространство. М., 2017 и др.

2 млн 617 тыс. кв. м жилой площади⁷, а за вторую половину указанного десятилетия эта цифра составила 5,9 млн кв. м⁸. Несмотря на характерный для этого времени дисбаланс, российские исследователи не отрицают активного жилищного строительства в Ленинграде в первой половине 1950-х гг., характеризуя город как большую строительную площадку, где были возведены новые жилые массивы в районе Автово, Охты, Петроградской стороны и т. д.⁹

Впрочем, на протяжении всех пятидесятих годов темпы жилищного строительства не могли удовлетворить потребности городского населения, поэтому ленинградским властям приходилось расселять жителей города по общежитиям и коммунальным квартирам, условия жизни в которых не всегда были хорошими. В некоторых общежитиях отмечались случаи, когда в одной комнате с холостыми мужчинами и незамужними женщинами проживали семейные пары с детьми¹⁰ или в одной комнате могли располагаться несколько семей, как это было, например, в Калининском, Смольнинском, Невском районах. Сложные жилищные условия, характерные для Ленинграда первой половины 1950-х гг., иллюстрируют следующие цифры: свыше 13 % городской жилой площади (9,370 кв. м) находилось в подвальных, полуподвальных помещениях и в аварийных домах. Картина же по районам города была еще более удручающей: в Смольнинском и Свердловском районах более 35 %, а в Невском и Колпинском от 30 до 35 % жилой площади располагалось в подвальных помещениях и аварийных домах¹¹.

Остроту проблемы не смогли снизить и возросшие темпы строительства во второй половине 1950-х гг., что хорошо иллюстрируется содержанием распоряжения № 2364-рс Совета министров СССР от 17 августа 1957 г. Документ обязывал Совет министров РСФСР перевести к 1 июля 1958 г. Центральный научно-исследовательский лесохимический институт (ЦНИИЛХИ) Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности РСФСР из Москвы в Ленинград. В рамках этого мероприятия необходимо было предоставить жилье переведенным сотрудникам, для чего предписывалось построить два 30-квартирных жилых дома.

В ответ на это Ленинградский областной комитет КПСС довел до сведения высших органов власти в Москве, что перевод ЦНИИЛХИ в Ленинград представляется нецелесообразным не только по причине специализации

⁷ Каримов Х. Х. Ленинград. Цифры и факты. Л., 1973. С. 51.

⁸ Лисовский В. Г. Город без окраин. Районы новостроек Ленинграда. Л., 1974. С. 38.

⁹ Прудникова Т. Ю. Специфика советской культурной политики в области урбанистики (на примере проспекта имени И. В. Сталина г. Ленинграда в 1940–1950-х гг.): дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015. С. 39.

¹⁰ Протокол № 49 заседания бюро Ленинградского городского комитета КПСС от 15 июля 1953 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 69. Д. 146. Л. 8.

¹¹ Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 10 августа 1953 г. «О состоянии и мерах улучшения культурно-бытового обслуживания рабочих ремонтно-строительных трестов и контор Исполкомов райсоветов» // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 43, 44.

учреждения, но и в силу дефицита жилой площади: «на учете по обеспечению жильем и улучшению жилищных условий состоят с 1945 г. тысячи семей ленинградцев, которые утратили жилье в период Отечественной войны, а также реабилитированные в связи с незаконным осуждением. Строительство двух 30-квартирных домов силами строительных организаций Исполкома Ленгорсовета, для заселения переводимыми работниками института будет произведено в ущерб населению Ленинграда»¹².

Более активное жилищное строительство в Ленинграде начинается в 1960-е гг., о чем свидетельствуют как темпы ввода в эксплуатацию жилья (с 1961 по 1965 г. — 9 млн 814 тыс. кв. м, а с 1966 по 1970 г. — 11 млн 853 тыс. кв. м¹³), так и частичное формирование к началу семидесятых годов 15 новых жилищных локаций (Ульянка, Сосновая Поляна, Дачное, Новоизмайловский пр., пр. Ю. Гагарина, Купчино, Щемилровка, Правый берег Невы, Малая Охта и Большая Охта, Полуостров, Гражданка, пр. Мориса Тореза, пр. Смирнова и западная часть Васильевского острова)¹⁴.

Это, конечно, создало условия, чтобы в 1966 г. каждый третий ленинградец справил новоселье¹⁵, а с 1966 по 1969 г. 181 000 семей улучшили свои жилищные условия¹⁶, но окончательно решить жилищную проблему в городе все же не удалось, о чем свидетельствует социологическое исследование 1970 г., в котором было установлено, что из 1777 ленинградцев, принимавших в нем участие, в отдельных квартирах проживало 45,41 %, в собственном доме — 3,55 %, в коммунальных квартирах — 39,49 %, в общежитиях — 8,63 %, в съемном жилье — 2,54 %¹⁷.

Создание новых городских кварталов на окраинах города и расселение центра Ленинграда на рубеже 1950–1960-х гг. поставило перед городскими властями новую проблему — обеспечить необходимой культурно-досуговой инфраструктурой новые городские районы, так как «почти все наиболее крупные и значительная часть малых культурно-просветительных учреждений сосредоточены в районах старой застройки, главным образом в центральной части города, что ограничивает возможность посещения этих учреждений жителями удаленных от центра районов». В стремлении преодолеть подобную проблему предлагалось «создать первичную сеть культурно-просветительных

¹² Центральному комитету Коммунистической партии Советского Союза от Секретаря Ленинградского областного Комитета КПСС Н. Родионова от 5 октября 1957 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 105. Д. 101. Л. 19.

¹³ Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10 пятилетке: статистический сборник. Л., 1981. С. 64.

¹⁴ Планировка, застройка и благоустройство новых жилых районов Ленинграда (обзор) / науч. ред. Ю. Б. Хромов. М., 1973. С. 4, 7.

¹⁵ Протокол № 4 заседания пленума Ленинградского городского комитета КПСС от 23 ноября 1966 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 100. Д. 16. Л. 35.

¹⁶ О ходе реализации Генерального плана развития Ленинграда. Принято 24 марта 1969 г. // Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1969. № 7. С. 19.

¹⁷ Отчет о научно-исследовательской работе «Место печати и других средств массовой пропаганды в условиях современной научно-технической революции». Т. 1. 1970 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 8912. Оп. 1. Д. 163. Л. 95.

учреждений путем строительства в составе общественного центра микрорайона помещений культурно-просветительного назначения с универсальными залами (домовой клуб при жилищно-эксплуатационной конторе)¹⁸.

Советские архитекторы полагали, что эффективность выполнения учреждениями культуры возложенных на них социальных и культурных функций будет зависеть как от их территориальной близости к месту проживания человека, так и от ступенчатого принципа их расположения в городе¹⁹. В Ленинграде этот теоретический постулат отразился в том, что на уровне жилого комплекса или группы жилых домов, где проживали 2000–2500 жителей, культурные запросы удовлетворяли комната отдыха, комната для телевизионных просмотров, собраний, лекций, библиотека-читальня и помещения для детских игр и занятий. К учреждениям культуры, расположенным на территории микрорайона, относились организации повседневного отдыха, например библиотеки (библиотеки-передвижки) и клубы с универсальными залами, которые располагались в непосредственной близости к жилью в радиусе 200–300 м, где проживали 5500–8500 ленинградцев.

К другому уровню относились организации, расположенные в жилом районе, — клубы, в которых проводились кружковые занятия, и кинотеатры, — которые предполагались для периодического посещения, поэтому размещались в радиусе не более 1500 м от места жительства и могли обслужить 30–50 тыс. человек. На следующем уровне находились организации, которые размещались в центре административного района, предназначенные для эпизодического посещения: кинотеатры и дома культуры. Предполагалось, что досуговые заведения этого уровня ориентировались на обслуживание 200–300 тыс. жителей. К завершающему элементу пирамиды относился комплекс культурных учреждений (театры, музеи, концертные залы), расположенный в центре Ленинграда, имеющий общегородское значение²⁰. В последнюю категорию входили клубы при предприятиях, учебных заведениях и иных организациях города.

Определенный успех в деле обеспечения новых городских районов учреждениями культуры находит отражение в показателях их количественного роста на протяжении 1950–1960-х гг. Например, в 1950 г. в Ленинграде насчитывалось 156²¹ клубных учреждений и 1582²² библиотеки, а в 1969 г. их численность достигла 168 и 2375²³ соответственно.

Несмотря на это, ленинградцы отмечали недостаточное количество учреждений культуры. В частности, в районе Большой Охты в 1957 г. работал только

¹⁸ Организация обслуживания населения. 1963 г. // Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее — ЦГАНТД СПб). Ф. 386. Оп. 3-3. Д. 43. Л. 18, 181.

¹⁹ Баранов Н. В. Жилой район и микрорайон. М., 1964. С. 5, 6.

²⁰ Организация обслуживания населения. 1963 г. // ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 3-3. Д. 43.

²¹ Отчет о работе клубных учреждений Ленинграда за 1950 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1213. Л. 7.

²² Справка о работе культурно-просветительных учреждений Ленинграда в 1949–1951 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1310. Л. 53.

²³ Бубнова Н. И. Молодежь в свободное время. Л., 1970. С. 3.

один клуб завода «Лентрублин», а в Сталинском районе культурных учреждений вообще не было, в то время как только на шести предприятиях радиотехнической промышленности, размещенных на территории района, работало около 30 тыс. человек²⁴. Подобная проблема была характерна и для середины 1960-х гг., когда даже в относительно благополучных с точки зрения учреждений культуры городских районах чувствовался недостаток мест отдыха. Например, в Невском районе, где были два Дома культуры (ДК им. Н. К. Крупской и ДК им. И. В. Бабушкина), жители жаловались на дефицит досуговых учреждений²⁵.

Конечно, положение дел, сложившееся вокруг центров отдыха ленинградцев, не могло удовлетворить Управление культуры города, поэтому оно обращалось в Архитектурно-планировочное управление Ленгорисполкома с просьбой развернуть строительство учреждений досуга в районах города и пригородах, где активно растет численность населения: «предусмотрено только размещение 7 библиотек, чем и ограничивается размещение культурно-бытового строительства. Не нашло своего отражение при строительстве новых кварталов... домов культуры... строительство театральных и концертных площадок... Управление культуры просит учесть вышеуказанные предложение и внести дополнение к решению Исполкома Ленгорсовета от 8 июля 1966 № 599»²⁶.

Создание необходимой досуговой инфраструктуры сопровождалось наполнением ее культурно-досуговым содержанием, соответствующим образу жизни советского человека. При этом особое внимание уделялось развитию досуговых мероприятий непосредственно по месту проживания человека (в красных уголках жилконтор). Это объяснялось тем, что, во-первых, в конце 1950-х гг. начинается реформа трудовой недели, которая привела к увеличению свободного времени человека, а во-вторых, политика расселения центра Ленинграда привела к тому, что значительная часть населения стала проживать в новых городских районах, которые находились достаточно далеко от основных городских учреждений культуры (театров, музеев, кинотеатров).

Для обеспечения полноценного досуга ленинградцев в рамках мест их проживания количество проводимых мероприятий по месту жительства коррелировалось с численностью населения квартала или микрорайона. Например, реагируя на изменение количества населения Пушкинского района, которое с 1958 по 1968 г. увеличилось в полтора раза, районный дом культуры за указанное время увеличил количество проведенных мероприятий среди населения района: если в 1965 г. количество коллективов художественной

²⁴ Отчет о культурно-массовой работе профсоюзных организаций города Ленинграда и Ленинградской области за 1957 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. р-6267. Оп. 273. Д. 230. Л. 5.

²⁵ Заседание архитектурно-технического совета 19 февраля 1965 г. // ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 1-6. Д. 246. Л. 30, 31.

²⁶ Письмо № 4-1018 в Архитектурно-планировочное управление Ленгорисполкома от и. о. начальника Управления культуры Б. Скворцова от 6 августа 1966 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 2. Д. 85. Л. 107.

самодеятельности и кружков составляло 28, с общим числом участников 681, то в 1968 г. их количество выросло до 44, а состав увеличился до 1200 человек²⁷.

Организуя культурно-досуговые мероприятия вблизи мест проживания ленинградцев, руководители предполагали, что их будут посещать все возрастные группы населения. Но фактически постоянными участниками становились домохозяйки, пенсионеры и дети дошкольного возраста²⁸. На это обстоятельство систематически обращалось внимание на партийных и производственных собраниях учреждений культуры Ленинграда: «не идет молодежь и люди среднего возраста в красные уголки жилконтор»²⁹. Конечно, работники досуговых организаций стремились изменить подобное положение дел и иногда им удавалось привлечь часть молодых ленинградцев и людей в возрасте от 25 до 55 лет к участию в тематическом вечере, который проходил в красном уголке дома, но это не было систематическим явлением: «в микрорайонах в будние дни отдыхает одновременно не более 4–5 % населения... причем около 80 % посетителей зон отдыха составляют дети от 10–14 лет и 10 % пенсионеры, 8 % взрослые с детьми, 2 % молодежь и взрослые одиночки»³⁰.

Однако, если ленинградец молодого или среднего возраста все же решался провести свой досуг в пределах квартала или микрорайона, то его ожидал интересный и разнообразный отдых: проводились лекции, доклады, беседы, слеты, вечера, концерты, регулярно организовывались «Дни песен» и народные гуляния³¹, культпоходы, экскурсии³², кружки кройки и шитья, художественная самодеятельность, художественные чтения, работали библиотеки-передвижки, в летнее время проводились выезды за город³³, работали любительские объединения³⁴.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. вниманию посетителей начинают предлагаться новые формы досуга. В 1959 г. впервые на территории Ленинграда при жилищной конторе № 6 Петроградского района был открыт университет культуры³⁵,

²⁷ Пушкинский районный дом культуры [1968 г.] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 2. Д. 245. Л. 78.

²⁸ Протокол № 4 открытого партийного собрания первичной парторганизации Дворца культуры им. А. М. Горького от 17 ноября 1965 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1388. Оп. 3. Д. 31. Л. 70, 71.

²⁹ Протокол № 1 отчетно-выборного партийного собрания первичной парторганизации Дворца культуры имени А. М. Горького от 10 июня 1964 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1388. Оп. 3. Д. 30. Л. 33.

³⁰ Планировка, застройка и благоустройство новых жилых районов Ленинграда. С. 22, 23.

³¹ Отчет о работе Управления культуры Исполкома Ленгорсовета за 1959 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 824. Л. 47.

³² Об организации уличных (квартальных) комитетов в городах Колпино, Петродворце и Пушкине, Курортном и Сестрорецком районах (Решение Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 16 июня 1950 г., № 37, п. 2-6) // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. Ленинград, 1950. № 13–14 от 31 июля. С. 3.

³³ Отчеты о работе районных отделов культуры за 1953 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

³⁴ Протокол № 59 заседания бюро Ленинградского городского комитета КПСС от 12 января 1955 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 70. Д. 23. Л. 10–11.

³⁵ Иванов А. Университет на дому // Культурно-просветительная работа. 1959. № 11. С. 31.

а в 1964 г. при жилконторах Ленинграда работало уже 64 университета культуры³⁶. В первой половине 1960-х гг. рядом с домами ленинградцев открывают свои филиалы государственные библиотеки, начинают более активно проводиться тематические вечера, встречи со знатными людьми, концерты, шахматные турниры, вечера за чашкой чая, праздники домов, дворов, районов, «Посвящение в рабочий класс», торжественные проводы на пенсию, отмечают начало и окончание учебного года, создаются клубы школьников³⁷, открываются школы бального танца; в дни школьных каникул во всех районах Ленинграда совместно с парками города проводились выездные праздники, елки при домохозяйствах, совместно с городскими парками домохозяйства для детей дошкольного возраста организовывали кружки по изучению иностранных языков³⁸ и т. д.

Тем не менее наряду с достижениями в организации культурно-досугового обслуживания населения по месту жительства существовали трудности и проблемы. К ним следует отнести не всегда добросовестное отношение соответствующих учреждений к организации досуговых мероприятий: «музеи не организуют выставок, бесед и лекций в красных уголках домохозяйств и мало в общежитиях. Сады и парки, дома культуры и клубы не проводят выездных мероприятий в домохозяйствах районов города»³⁹; использование помещений красных уголков в качестве маневренного фонда⁴⁰; нерациональное распределение финансовых средств, которые выделялись на культурно-просветительную работу⁴¹, что сказывалось на недостаточном материально-техническом обеспечении красных уголков, отсутствии настольных игр, музыкальных инструментов, газет, журналов и другого необходимого инвентаря; замена систематической работы с населением эпизодическими лекциями, докладами и т. д.; недостаточно высокий профессиональный уровень лиц, участвующих в организации и проведении мероприятий⁴²; игнорирование при подготовке

³⁶ О состоянии и мерах улучшения воспитательной работы с населением по месту жительства // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. Ленинград, 1964. № 13. С. 1.

³⁷ Отчет о работе отдела культуры Исполкома Дзержинского Райсовета депутатов трудящихся за время с 1 января по 1 июля 1961 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1155. Л. 10; Справка о выполнении социалистических обязательств 1962 г. культурно-просветительных учреждений Управления культуры Ленинграда // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1346. Л. 2.

³⁸ Справка о работе с детьми и подростками в садах и парках, детских библиотеках и по месту жительства // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1668. Л. 30.

³⁹ О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению деятельности учреждений культуры Ленинграда [1959 г.] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 828. Л. 55.

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

⁴¹ Расходование средств на культурно-массовую работу в домоуправлениях Ленинграда // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. Ленинград, 1950. № 17 от 15 сентября. С. 15.

⁴² О воспитательной работе в общежитиях Управления строительства Исполкома Ленгорсовета (Решение Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 30 ноября 1953 г., № 102, п. 4-з). Извлечение // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. Ленинград, 1953. № 23 от 15 декабря. С. 3.

тематических вечеров, консультаций и т. д. круга интересов, культурно-образовательного уровня и возраста жителей того или иного микрорайона⁴³.

Заключение. Объяснение несоответствия поведения некоторых ленинградцев пропагандируемому образу жизни советского человека индивидуальными особенностями их личности, предложенное Вероникой Кононенко в публикации, о которой шла речь в начале статьи, верно только отчасти. Изучение условий проживания горожан в Ленинграде в 1950–1960-е гг. демонстрирует, что они не всегда были хорошими и в полной мере соответствовали требованиям, необходимым для реализации на практике постулатов социалистического образа жизни. При этом не следует отрицать и положительной динамики в этом вопросе. Городским властям удавалось на протяжении двадцати лет систематически год от года улучшать жизнь городского населения: предоставлять им отдельные квартиры, создавать приемлемую культурно-досуговую среду проживания.

Литература

1. Байкова В. Г., Соколов В. М. Труд и досуг. М.: Профиздат, 1975. 64 с. (Для школ коммунистического труда).
2. Баранов Н. В. Жилой район и микрорайон: доклад. М.: Б. и., 1964. 40 с. (Доклады / Гос. ком. по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР. Союз архитекторов СССР. Всесоюз. науч.-техн. совещание по планировке и застройке жилых районов и микрорайонов; 1).
3. Беловинский Л. В. Повседневная жизнь человека советской эпохи. Предметный мир и социальное пространство. М.: Академический проект; Трикста, 2017. 704 с.
4. Бубнова Н. И. Молодежь в свободное время. Л.: Б. и., 1970. 14 с. (Методическое пособие в помощь лектору / О-во «Знание» РСФСР. Ленингр. организация).
5. Иванов А. Университет на дому // Культурно-просветительная работа (Встреча): Профессионально-отраслевой, литературно-художественный иллюстрированный журнал. 1959. № 11. С. 31.
6. Каримов Х. Х. Ленинград. Цифры и факты. Л.: Лениздат, 1973. 103 с.
7. Лисовский В. Г. Город без окраин. Районы новостроек Ленинграда. Л.: Лениздат, 1974. 236 с.
8. Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10 пятилетке: статистический сб. Л.: Лениздат, 1981. 197 с.
9. Общее и особенное в образе жизни социальных групп советского общества / отв. ред. И. Т. Левыкин. М.: Наука, 1987. 135 с.
10. Планировка, застройка и благоустройство новых жилых районов Ленинграда: (Обзор) / А. В. Махровская, М. М. Вланина; Гос. ком. по гражд. стр-ву и архитектуре при Госстрое СССР. Центр науч.-техн. информации по гражд. стр-ву и архитектуре. М.: Б. и., 1973. 39 с.
11. Прудникова Т. Ю. Специфика советской культурной политики в области урбанистики (на примере проспекта имени И. В. Сталина г. Ленинграда в 1940-х –1950-х гг.): дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015. 210 с.

⁴³ О состоянии и мерах улучшения воспитательной работы с населением по месту жительства // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. Ленинград, 1964. № 13. С. 3.

12. Социалистический образ жизни: политико-экономический справочник / под общ. ред. С. С. Вишневого. М.: Политиздат, 1986. 336 с.
13. Толстых В. И. Образ жизни. Понятие, реальность, проблемы. М.: Политиздат, 1975. 184 с.

References

1. Baikova V. G., Sokolov V. M. Trud i dosug [Work and leisure]. Moscow: Profizdat, 1975. 64 p. (Dlia shkol kommunisticheskogo truda). (In Russ.).
2. Baranov N. V. Zhiloi raion i mikroraion [Residential area and neighborhood]: doklad. Moscow: B. i., 1964. 40 p. (Doklady / Gos. kom. po grazhdanskomu stroitel'stvu i arkhitekture pri Gosstroe SSSR. Soiuz arkhitektorov SSSR. Vsesoiuz. nauch.-tekhn. soveshchanie po planirovke i zastroiike zhilykh raionov i mikroraionov; 1). (In Russ.).
3. Belovinskii L. V. Povsednevnaia zhizn' cheloveka sovetskoi epokhi. Predmetnyi mir i sotsial'noe prostranstvo [Everyday life of a person of the Soviet era. Objective world and social space]. Moscow: Akademicheskii proekt; Triksta, 2017. 704 p. (In Russ.).
4. Bubnova N. I. Molodezh' v svobodnoe vremia [Youth in free time]. Leningrad: B. i., 1970. 14 p. (Metodicheskoe posobie v pomoshch' lektoru / O-vo «Znanie» RSFSR. Leningr. organizatsiia). (In Russ.).
5. Ivanov A. Universitet na domu [University at home] // Kul'turno-prosvetitel'naia rabota (Vstrecha): Professional'no-otraslevoi, literaturno-khudozhestvennyi illiustrirovannyi zhurnal. 1959. № 11. P. 31. (In Russ.).
6. Karimov Kh. Kh. Leningrad. Tsifry i fakty [Leningrad. Figures and facts]. Leningrad: Lenizdat, 1973. 103 p. (In Russ.).
7. Lisovskii V. G. Gorod bez okrain. Raiony novostroek Leningrada [City without borders. Areas of new buildings in Leningrad]. Leningrad: Lenizdat, 1974. 236 p. (In Russ.).
8. Narodnoe khoziaistvo Leningrada i Leningradskoi oblasti v 10 piatiletke: statisticheskii sbornik [The national economy of Leningrad and the Leningrad region in the 10th five-year plan: statistical collection]. Leningrad: Lenizdat, 1981. 197 p. (In Russ.).
9. Obshchee i osobnoe v obraze zhizni sotsial'nykh grupp sovetskogo obshchestva [General and special in the way of life of social groups of the Soviet society] / ed. by I. T. Levykin. Moscow: Nauka, 1987. 135 p. (In Russ.).
10. Planirovka, zastroiika i blagoustroistvo novykh zhilykh raionov Leningrada: (Obzor) [Planning, building and improvement of new residential areas of Leningrad (review)] / A. V. Makhrovskaiia, M. M. Vlanina; Gosudarstvennyi komitet po grazhdanskomu stroitel'stvu i arkhitekture pri Gosstroe SSSR. Tsentri nauchno-tekhnicheskoi informatsii po grazhdanskomu stroitel'stvu i arkhitekture. Moscow: B. i., 1973. 39 p. (In Russ.).
11. Prudnikova T. Iu. Spetsifika sovetskoi kul'turnoi politiki v oblasti urbanistiki (na primere prospekta imeni I. V. Stalina g. Leningrada v 1940-kh–1950-kh gg.) [Specificity of the Soviet cultural policy in the field of urbanism (on the example of I. V. Stalin Avenue in Leningrad in the 1940s – 1950s)]: dissertation of the Candidate of Cultural Studies. St. Petersburg, 2015. 210 p. (In Russ.).
12. Sotsialisticheskii obraz zhizni: politiko-ekonomicheskii spravochnik [Socialist way of life: Political and economic reference book] / by ed. S. S. Vishnevskii. Moscow: Politizdat, 1986. 336 p. (In Russ.).
13. Tolstykh V. I. Obraz zhizni. Poniatie, real'nost', problemy [Lifestyle. Concept, reality, problems]. Moscow: Politizdat, 1975. 184 p. (In Russ.).

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.09

Малхозова Фатима Викторовна

кандидат исторических наук

Институт российской истории РАН

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

fa-m@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8207-5414

**ДЕВЯТЫЙ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИИ:
ДЕПУТАТЫ ПРОТИВ ПРЕЗИДЕНТА**

Аннотация. Новый 1993 г. Россия встретила в обстановке острого экономического и политического кризиса. Формально основой политического противостояния являлась проблема новой конституции. Но ее решение выходило далеко за пределы внутреннего конфликта. Борьба между президентом и Верховным советом определяла вопрос: президентской или парламентской республикой быть России? Политический тупик усугублялся глубокой личной неприязнью президента и спикера. Выйти из него Б. Н. Ельцин предложил путем всероссийского референдума по основным положениям новой конституции. Борьба вокруг референдума привела к созыву Девятого съезда народных депутатов, целью которого являлось объявление импичмента президенту.

Ключевые слова: съезд, Верховный совет, парламент, съезд народных депутатов, политический кризис, референдум, Конституция, Ельцин, Хасбулатов, выборы.

Для цитирования: Малхозова Ф. В. Девятый съезд народных депутатов России: депутаты против президента // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 128–143. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.09

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.09

Malkhozova Fatima V.

Candidate of Historical Sciences

Institute of Russian History

of the Russian Academy of Sciences

Moscow City University

Moscow, Russia

fa-m@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8207-5414

**THE NINTH CONGRESS OF PEOPLE'S DEPUTIES OF RUSSIA:
DEPUTIES AGAINST THE PRESIDENT**

Abstract. Russia met the new year of 1993 in an atmosphere of acute economic and political crisis. Formally, the basis of the political confrontation was the problem of the new Constitution. But her decision went far beyond the internal conflict. The struggle between

the President and the Supreme Council determined the question — should Russia be a presidential or parliamentary republic? The political impasse was aggravated by the deep personal hostility between the President and the Speaker. Boris Yeltsin proposed to withdraw from it through an All-Russian referendum on the main provisions of the new Constitution. The struggle over the referendum led to the convening of the ninth Congress of People's Deputies, convened to impeach the president.

Keywords: congress, Supreme Council, Parliament, Congress of People's Deputies, political crisis, referendum, Constitution, Yeltsin, Khasbulatov, elections.

For citation: Malkhozova F. V. The Ninth congress of people's deputies of Russia: deputies against the president // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 1 (53). P. 128–143. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.09

Введение. Новый 1993 г. Россия встретила в обстановке острого экономического и политического кризиса. Формально в основе политического противостояния стоял вопрос новой конституции, в действительности проблема была глубже. Борьба между президентом и Верховным советом определяла вопрос: президентской или парламентской республикой быть России? Политический тупик усугублялся глубокой личной неприязнью президента и председателя Верховного совета. Выйти из него Б. Н. Ельцин предложил путем всероссийского референдума по основным положениям новой конституции. Седьмой съезд народных депутатов в декабре 1992 г. согласился на проведение такого референдума, но Восьмой съезд отменил предыдущее решение.

20 марта 1993 г. в 21:30 по московскому времени Президент РФ Б. Н. Ельцин выступил по телевидению с обращением к гражданам России. Он рассказал, что назначил на 25 апреля референдум, на который вынесены вопросы о доверии ему и вице-президенту, о частной собственности на землю, о новой конституции и избирательном законе. Президент объявил о подписании указа «Об особом порядке управления до преодоления кризиса власти».

Председатель Верховного совета Р. И. Хасбулатов находился в этот момент в поездке по странам ближнего зарубежья, но Президиум Верховного совета немедленно принял ответные меры. В тот же вечер председатель Конституционного суда В. Д. Зорькин, первый вице-спикер Ю. М. Воронин, генеральный прокурор В. Г. Степанков и вице-президент А. В. Руцкой выступили по телевидению и обвинили президента в совершении государственного переворота¹. В мировой истории это был исключительный случай, когда вице-президент публично выступил против президента.

Несмотря на громкие заявления, автоматического импичмента не случилось, отмены указа Ельцина не произошло и дата съезда не была назначена. Проблема заключалась в том, что не было официального текста указа

¹ Лихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М, 2007. С. 428.

и Верховный совет мог обсуждать только его пересказ из уст президента. Президиум принял решение созвать на следующий день, 21 марта 1993 г., шестую сессию Верховного Совета РСФСР и принял обращение «К гражданам Российской Федерации»², в котором обвинил президента в попытке установления авторитарной диктатуры и посягательстве на законно избранные органы власти. Президиум Верховного совета призвал граждан решительно выступить в поддержку конституционных основ Федерации³.

Ход и результаты исследования. 21 марта 1993 г. начала работу шестая сессия Верховного совета России. К работе депутатов присоединился вернувшийся из командировки Р. И. Хасбулатов. В ходе заседания его позиция трансформировалась из предельно жесткой до апатичной. Открывая сессию, Хасбулатов характеризовал обстановку как «узурпацию власти» и «откат к худшим временам неототалитаризма»⁴, отключал микрофоны депутатам, выступавшим против господствовавшего на сессии настроения, повелительным тоном приказал вызвать Ельцина для объяснений и заставил выступить всех должностных лиц: вице-президента А. В. Руцкого, премьер-министра В. С. Черномырдина, председателя Конституционного суда В. Д. Зорькина. Однако затем спикер сам стал успокаивать выступавших в прениях депутатов и провел через голосование умеренный проект постановления, разработанный Президиумом, отвергнув все радикальные варианты оппозиции. Причина такой перемены настроения Хасбулатова объяснялась просто: текст указа все еще отсутствовал.

Подписанный, по словам Ельцина, но неопубликованный, т. е. не вступивший в силу указ «Об особом порядке управления» создал необходимую паузу. За это время президент увидел, кто его поддержал, а кто выступил против. «Зависший» указ не дал возможности Верховному совету применить две замороженные поправки к Конституции и поставил в неловкое положение «производителя большого шума по существу из ничего»⁵. Указ был опубликован спустя три дня: в нем не было практически ни одного пункта, которые так напугали депутатов. Задумка команды президента удалась: запугав устно, опубликовали текст, в котором даже из названия исчезли слова об особом режиме управления страной, превратив его в формулу «о деятельности исполнительных органов».

Верховный совет принял постановление, в котором оценил обращение Ельцина как «покушение на конституционные устои государственности», запросил Конституционный суд проверить конституционность действий президента, обратил внимание генпрокурора на окружение президента, а все федеральные и местные органы власти призвал поддерживать законность и правопорядок.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1609. Л. 44.

³ Там же. Л. 12–13.

⁴ *Родин И.* Президенту удалось напугать парламент. Удастся ли его переизбрать? // Независимая газета. 1993. 23 марта. С. 1.

⁵ Там же.

23 марта Конституционный суд по запросу Верховного совета дал заключение на обращение президента и признал его неконституционным по многим пунктам. В ответ судья Конституционного суда Э. М. Аметистов обвинил Конституционный суд в нарушениях закона о Конституционном суде и Конституции России в ходе рассмотрения данного дела. Он указал, что по своему содержанию и целям обращение являлось декларацией о намерениях. Приняв его к рассмотрению, Конституционный суд нарушил закон, согласно которому он не мог рассматривать политические вопросы. Кроме того, выступление В. Д. Зорькина по телевидению и в Верховном совете также являлось нарушением закона, в соответствии с которым судья не имел права где-либо, кроме заседания Конституционного суда, публично высказывать свое мнение о принятом судом к рассмотрению вопросе до принятия им решения⁶. Всего Аметистов привел десять пунктов нарушений Конституционным судом закона, в связи с чем он выразил несогласие с заключением Конституционного суда по существу рассматриваемого вопроса. Данная точка зрения была поддержана профессором, доктором юридических наук Е. И. Козловым, чьи замечания о заключении Конституционного суда РФ в связи с обращением Президента РФ руководитель Администрации Президента С. А. Филатов позже направил в секретариат Девятого съезда народных депутатов⁷.

Рассмотрев заключение Конституционного суда РФ «о соответствии Конституции РФ действий и решений Президента РФ Б. Н. Ельцина, связанных с его обращением к гражданам России 20 марта 1993 г.», Верховный совет РФ постановил созвать Девятый (внеочередной) съезд народных депутатов РФ 26 марта 1993 г.⁸.

Телевизионное обращение президента к народу вызвало обеспокоенность в регионах Российской Федерации. В откликах органов власти и управления субъектов Федерации на телевизионное обращение прослеживалась отчетливая тенденция: руководители исполнительных структур областного уровня, за редким исключением, поддержали обращение, в то время как представительные органы отнеслись к нему осторожно. В республиках, входящих в состав Российской Федерации, отмечалась практически одинаково сдержанная реакция, склоняющаяся к недовольству неконституционными действиями президента⁹.

Московский областной совет рассмотрел обращение президента 23 марта и, избегая прямых оценок в своем заключении, вынес решение: «На территории Московской области органам власти и управления, должностным лицам в своей деятельности руководствоваться законами Российской Федерации и другими нормативными актами, соответствующими действующей в полном объеме Конституции Российской Федерации»¹⁰. Решение сессии было

⁶ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 250. Л. 42–43.

⁷ Там же. Л. 85–90.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 124. Л. 1.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 256. Л. 50.

¹⁰ Там же.

направлено президенту, правительству, Верховному совету, Конституционному суду, городским и районным советам народных депутатов Московской области. В тот же день состоялось заседание Малого Совета **Санкт-Петербурга**, на обсуждение которого было вынесено шесть проектов решения — от полной поддержки обращения Б. Н. Ельцина до признания его попыткой государственного переворота. После долгих дискуссий было принято компромиссное решение, в котором выражалась обеспокоенность по поводу нарушения баланса власти и поддержка перевыборов органов исполнительной и законодательной власти. Депутаты не уступили давлению мэра А. А. Собчака, призывавшего к безоговорочной поддержке президента, но и не встали однозначно на сторону Верховного совета. Сам Собчак заявил, что «заседание Верховного Совета России по поводу Обращения Президента к народу — не более чем буря в стакане воды»¹¹.

Реакция властей в автономиях варьировалась от сдержанной до негативной. В **Мордовии** Верховный совет республики (ВС республики) принял постановление, в котором обращение президента признал противоречащим основам государственности и дестабилизирующим общественно-политическое положение в стране. Верховный совет Мордовии поддержал обращение Верховного совета РФ. В **Карелии** президиум ВС республики и президиум Совета министров приняли совместное заявление, в котором объявление об особом порядке управления, содержавшееся в обращении, было признано не соответствующим действующей Конституции. По мнению республиканских органов власти, голосование по Конституции проводить в такой спешке нельзя, однако голосование по вопросу о доверии президенту России допустимо. Президент республики **Мари-Эл** выразил поддержку действиям Верховного совета РФ.

В Уфе на заседании президиума Верховного совета **Башкортостана** было принято обращение к президенту РФ, Верховному совету РФ и Конституционному суду РФ, в котором действия президента были решительно осуждены: «Требования изменения конституционного строя, ущемление прав законодательной власти и введение особых мер управления следует рассматривать или как попытку установления авторитарного режима, или как политический маневр, позволяющий уйти от ответственности за состояние дел в стране. Шаги по введению “особого режима управления” начинают новую полосу конституционного кризиса и ставят под угрозу дальнейшее развитие демократии и реформ в Российской Федерации, отмечается в заявлении». Путь, избранный Б. Н. Ельциным, был охарактеризован как путь силовых методов, путь борьбы и конфронтации, ведущий к тупику и катастрофе¹². В заявлении подчеркивалось, что «действующая Конституция РФ, Федеративный договор, конституции республик в составе Федерации дают возможность законодательной и исполнительной властям в центре и на местах и дальше реформировать

¹¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 256. Л. 50.

¹² Там же. Л. 51.

наше общество на принципах народовластия, федерализма, разделения властей, создавать рыночную экономику, обеспечить социальную защиту населения». Еще более откровенно высказался председатель ВС Башкортостана М. Г. Рахимов, который увидел в заявлении Б. Н. Ельцина угрозу установления диктатуры и отметил, что «даже если указы Ельцина будут отличаться от его обращения, все равно — президент великой страны должен нести ответственность за такие заявления»¹³.

Президент **Республики Саха (Якутия)** М. Е. Николаев занял выжидательную позицию, отметив юридическую размытость многих формулировок обращения, таких как «особый порядок управления», «голосование-опрос» и т. д. По мнению Николаева, президент имеет право узнать мнение народа о себе, но «какие бы меры ни принимались Центром, они должны идти в русле Федеративного договора»¹⁴. При этом лидер Якутии не упомянул Конституцию. Депутатский корпус **Бурятии** также осторожно отреагировал на обращение президента и высказался за соблюдение Конституции всеми представителями государственной власти России, а также компромиссное разрешение возникшей проблемы. Идею проведения голосования по вопросу доверия Президенту РФ большинство депутатов признали приемлемой.

Безразлично и выжидательно отнеслись к телевизионному выступлению в Казани. На запланированной сессии Верховного совета **Татарстана** вопрос об этом не был включен в повестку дня, а председатель ВС республики Ф. Х. Мухаметшин заявил, что «большая политика со слов не делается». В то же время отдельные политические силы Татарстана высказали свое неофициальное отношение к обращению Ельцина. Лидер блока «Равноправие и законность» И. Грачев подчеркнул: «Сейчас любые действия любой ветви власти несложно подвести под неконституционные, так же узаконить решения, действительно носящие неконституционный характер». Президент Всетатарского общественного центра (ВТОЦ) М. Мулюков заявил: «Нас не могут не беспокоить процессы, происходящие в руководстве соседнего государства». Обращение Ельцина создало удобный предлог для активизации сепаратистских сил, о чем свидетельствовали действия Мулюкова, который признался, что внес на сессию ВС Татарстана следующее предложение: учитывая обстановку в Москве, в срочном порядке перевести все судебные и правоохранительные органы Татарстана под юрисдикцию республики¹⁵. Председатель президиума Верховного совета **Чувашии** Э. А. Кубарев подчеркнул, что органы государственной власти республики будут действовать на основе Конституции РФ, Конституции Чувашии и федеративного договора. В то же время он охарактеризовал обращение Ельцина как мужественный шаг, который позволит определить доверие народа лично к нему.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 52.

¹⁵ Там же.

Особое значение на фоне напряженной обстановки в регионе придавалось реакции властей республик Северного Кавказа. Малый совет **Краснодарского края** высказался за сохранение баланса власти. Однако глава администрации Н. Д. Егоров поддержал Ельцина и заявил, что позиция администрации совпадает с позицией правительства, поддерживающего Президента РФ. Одновременно Совет атаманов Войска Донского принял решение об общем сборе казаков и высказался в поддержку президента как «меньшего из двух зол». Реакция казачества во многом предопределялась указом президента «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества». Этим указом предусматривалось формирование особых казачьих соединений и частей Вооруженных сил Российской Федерации, специальных казачьих моторизованных воинских частей и частей оперативного назначения внутренних войск МВД РФ. В **Кабардино-Балкарии** и **Дагестане** реакция на обращение Ельцина была крайне сдержанной. Власти заявили о верности конституциям республик, федеративному договору и Конституции РФ. Они подчеркнули, что никакого особого порядка управления вводиться не будет. В целом же в обращениях местных властей к жителям республик отмечалось дистанцирование от «кремлевского перетягивания каната», так как руководители республик Северного Кавказа не могли не понимать особой опасности шагов, ведущих к нарастанию нестабильности и усилению вероятности развязывания полномасштабной гражданской войны на Северном Кавказе¹⁶. В совместном заявлении председателя Верховного совета **Северной Осетии** А. Х. Галазова, председателя Совмина республики С. В. Хетагурова и их заместителей отмечалась дестабилизирующая роль обращения президента, в котором не учитывались региональные особенности и которое стало откровенным проявлением борьбы за власть. По мнению Хетагурова, нестабильной обстановкой не преминут воспользоваться третьи силы и, если амбициозные политики не найдут общего языка, это может привести страну к катастрофе.

Среди мнений и предложений, высказанных на местном уровне в связи с выступлением Ельцина, следует выделить широко распространенное мнение о возможности проведения опроса о доверии президенту; о досрочных выборах как инструменте преодоления кризиса власти; о необходимости подключения субъектов Федерации к процессу урегулирования конституционного кризиса. В частности, в обращении **Иркутского облсовета** к федеральным органам власти и всем субъектам Федерации содержался призыв ко всем, подписавшим федеративный договор, собраться вместе и определить согласованную политику по выходу из кризиса. Для этого предлагалось несколько вариантов: создание двухпалатного парламента путем досрочных выборов, Конституционное собрание или собрание субъектов Федерации. Как симптом обострения

¹⁶ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 256. Л. 53.

общественно-политической ситуации в регионах можно расценить факт возникновения комитетов поддержки как президента, так и Верховного совета.

Тем временем в Москве оппозиция собирала подписи для созыва внеочередного съезда народных депутатов. Руководители регионов России призывали президента и депутатов отказаться от крайних шагов и придерживаться Конституции. Силловые министры в своих выступлениях в Верховном совете говорили о чем угодно, но только не о поддержке президента. Такие настроения наиболее точно охарактеризовал главный редактор «Независимой газеты» В. Т. Третьяков: «Им скорее не нравится Хасбулатов, чем вызывает восторг Ельцин как президент»¹⁷. Если вице-президент открыто выступил против президента, то глава правительства занял выжидательную позицию. Наиболее отчетливо поддержка Ельцина правительством проявилась в заявлении, зачитанном на следующий день после обращения в воскресной передаче «Итоги». Но, как отметила пресса, «искусственность мизансцены» — премьер-министр в окружении ключевых членов своего кабинета А. Н. Шохина, В. Ф. Ерина, П. С. Грачева, В. П. Баранникова — свидетельствовала о том, что правительство колеблется и выступило только под нажимом президента. Спустя несколько дней состоялось совещание Ельцина, Хасбулатова, Зорькина и Черномырдина, которое закончилось безрезультатно.

Девятый съезд народных депутатов. 26 марта, в субботу, начал свою работу Девятый съезд народных депутатов. От администрации президента и правительства в работе съезда принимали участие вице-президент А. В. Руцкой, председатель Совета министров В. С. Черномырдин и все его заместители (В. Ф. Шумейко, А. Х. Заверюха, С. М. Шахрай, Б. Г. Федоров, Б. Г. Салтыков, А. Б. Чубайс, А. Н. Шохин, Ю. Ф. Яров), председатель Центрального банка РФ В. В. Геращенко, министр безопасности РФ В. П. Баранников и другие министры, а также советники и члены Администрации Президента.

На съезде присутствовали руководители республик, входивших в состав Российской Федерации, главы правительств республик, главы администрации краев, областей, автономной области, автономных округов, не являвшиеся народными депутатами.

На Девятом съезде насчитывалось 14 фракций: «Россия», «Смена – Новая политика», «Суверенитет и равенство», «Родина», «Промышленный союз», «Отчизна», «Свободная Россия», «Демократическая Россия», «Аграрный союз», «Левый центр – Сотрудничество», «Рабочий Союз – Реформа без шока», «Коммунисты России», «Согласие ради прогресса», «Радикальные демократы»¹⁸.

Прения по повестке дня продолжались недолго: к одному пункту — «о неотложных мерах по сохранению конституционного строя» — прибавился второй — о недопущении политической цензуры на телевидении.

¹⁷ Третьяков В. Президент играет ва-банк // Независимая газета. 1993. 23 марта. С. 1.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 124. Л. 17.

Открывший съезд докладом, Хасбулатов предложил свою отставку в качестве жертвы для национального согласия, если на то будет воля депутатов. В действительности глава парламента, не имея будущего ни с президентом Ельциным, ни с центристским «Гражданским союзом», ни с оппозиционным «Российским единством», возглавил так называемое «съездовское болото».

Одним из ключевых выступлений первого дня стал доклад председателя Конституционного суда Зорькина. Подчеркнув, что ни импичмент президента, ни роспуск съезда как крайние меры неприемлемы и ничего не решат, он предложил выработать механизм выхода из конституционного кризиса на основе следующих десяти положений: съезд подтверждает основные постулаты Конституции — народовластие, разделение властей, федерализм и пр.; к обсуждению новой конституции привлекаются субъекты РФ; статьи 104 и 109 о полномочиях съезда и Верховного совета приводятся в соответствие со статьями 1 и 3 Основного закона, в которых зафиксирован принцип разделения властей; принимается конституционный закон, ликвидирующий съезд в пользу двухпалатного парламента (предложение было встречено аплодисментами); принимаются законы о выборах, о политических партиях, о полномочиях депутатов и пр.; вводится мораторий на все изменения Конституции вплоть до принятия новой; выборы проводятся не позже осени 1993 г.; народные депутаты сохраняют свой статус на весь период их полномочий; лица, которые ввели в заблуждение президента при подготовке указа, должны быть отстранены от должности и понести ответственность¹⁹. Таким образом, позиция председателя Конституционного суда изменилась: от активных и критических заявлений он перешел к компромиссным. Перед Зорькиным стояла сложная задача — привести статью 104 о всевластии съезда в соответствие со статьей 3 Конституции России о разделении властей.

Выступивший вслед за Зорькиным президент высоко оценил предложения председателя Конституционного суда. Однако лучшим способом урегулирования кризиса Ельцин назвал новую конституцию, которую необходимо быстрее принять, поэтому он настаивал на референдуме 25 апреля. Президент напомнил, что проект конституции, выносимый на референдум, — это официальный проект Конституционной комиссии съезда, дополнительно вносится лишь раздел о федеративном договоре.

Первый день работы съезда завершился выступлением вице-президента Руцкого, в котором он обрушился с критикой на правительство, вернее на оставшуюся часть правительства Е. Т. Гайдара, которая, по его мнению, подталкивала президента к конфронтации, чтобы самой уйти от ответственности. Он предложил свою программу выхода из кризиса, которая решительно порывала с президентом и правительством: следовало сформировать правительство национального согласия; переосмыслить и переориентировать реформы,

¹⁹ Девятый (внеочередной) съезд народных депутатов Российской Федерации. 26–29 марта 1993. Стенографический отчет. М., 1994. С. 31–32.

подготовить антикризисную экономическую программу; провести критический анализ существующей Конституции и доработать новую, отражающую интересы общества и всех ветвей власти; на переходный период сформировать Совет Федерации и политический совет партий. Для избежания силового развития вице-президент поддержал проведение референдума 25 апреля, с тем чтобы осенью провести досрочные выборы²⁰.

С призывом «остановить деградацию государства» на следующий день выступил премьер-министр Черномырдин. Он указал, что конфликт между президентской и законодательной властями «начинает рассекать Россию, регионы, режет по живому наш экономический организм»²¹. В условиях экономических реформ, напоминал Черномырдин, исключительное значение приобретает вопрос о доверии государству. Нет доверия к институтам власти — значит, нет доверия к государственному регулированию экономики, значит, вместо стабилизации хозяйственной жизни мы рискуем получить полный развал экономики. Ключ к доверию власти — это позволить народу иметь ту власть, которую он хочет. Поэтому нельзя уйти от досрочных выборов и президента, и депутатов.

Съезд работал все выходные. В субботу депутаты отказались принимать за основу проект постановления «О неотложных мерах по сохранению конституционного строя», предложенный редакционной комиссией съезда. Новый проект констатировал нарушение Конституции со стороны президента и его личную ответственность за кризис, тогда как упоминание о председателе Верховного совета исчезло из текста. Ельцин отреагировал на этот документ неожиданно даже для своего окружения: он приехал на съезд и попросил такого постановления не принимать. А вечером отправился на прогулку по Тверской улице в сопровождении мэра Москвы Ю. М. Лужкова²².

28 марта Хасбулатов озвучил совместное предложение президента, председателя Верховного совета и премьер-министра, согласно которому на 21 ноября назначались досрочные выборы обеих ветвей власти, с тем чтобы они могли начать свою деятельность с 15 февраля 1994 г. При этом социальные гарантии депутатам текущего созыва сохранялись до 31 марта 1995 г., а президенту — до 10 июля 1996 г. Остальные положения проекта были схожи с содержанием предыдущих²³.

Депутат В. П. Исаков назвал пункт о социальных гарантиях депутатам корзинкой с фруктами и обрушился на Хасбулатова: «Вчера Вы сказали, что Россия устала от нас, депутатов. Наверное, это так. Извините, но и мы устали от Вас. Устали от Вашей беспринципности (*аплодисменты*), постоянных вихляний, попыток сторговать за подходящую цену конституционные

²⁰ Там же. С. 107–108.

²¹ Там же. С. 128.

²² *Родин И.* Съезд попытался свергнуть президента и спикера. Не удалось // Независимая газета. 1993. 30 марта. С. 1.

²³ Там же.

принципы»²⁴. Под аплодисменты депутатов Исаков потребовал импичмента Ельцина и отставки Хасбулатова²⁵. Фракция «Рабочий союз» также назвала данный пункт попыткой «дать взятку», потребовав отставки президента и председателя Верховного совета. С. Н. Бабурин заявил, что Хасбулатов является главным доверенным лицом Ельцина и предложил отрешить от должностей обоих, а лидер фракции «Коммунисты России» И. П. Рыбкин призывал прекратить «припадать к пыльным сапогам вождей». В ответ на нападки Хасбулатов заявил, что он знал, что съезд, начав с обсуждения попытки государственного переворота, закончит отставкой председателя Верховного совета²⁶. Однако он ошибся, несмотря на то что подавляющее большинство депутатов поддержало голосование по вопросу отрешения от должностей председателя Верховного совета и президента, за отстранение Хасбулатова высказались лишь 339 человек при необходимом минимуме в 517 голосов. Тайное голосование за импичмент президента не принесло успеха оппозиции: две трети (67 %) голосов не набралось, их было только 617.

По признанию пресс-секретаря президента В. В. Костикова, в коридорах Кремля проговаривали различные варианты того, как не допустить развития событий по сценарию съезда. Голосование на съездах и в Верховном совете происходило при помощи электронной системы, которая выводила результаты на большое табло. Между голосованием и выводом его результатов на экран существовал небольшой зазор во времени, и при неблагоприятном результате можно было отключить всю систему, до того как цифры отразились бы на экране²⁷. Но депутаты решили отказаться от электронного голосования и выбрали бумажные бюллетени. Причина простая: такой способ в отличие от электронного голосования позволял сохранить анонимность.

Существовал и более радикальный план противодействия депутатам. Согласно мемуарам начальника службы безопасности А. В. Коржакова, командой президента были предусмотрены силовые меры для разгона съезда, а в Кремле подготовлена телестудия для обращения президента.

За неделю, когда проходил съезд, в Российской Федерации резко выросла митинговая активность. Было проведено более 160 митингов, пикетирований, шествий различной политической направленности²⁸, что в несколько раз больше, чем обычно. Наиболее острое противостояние отмечалось в Москве. 28 марта, в день голосования, состоялся самый многочисленный митинг в поддержку Ельцина. Пока депутаты готовились к импичменту, сторонники президента тщательно и с грандиозным размахом готовили свою уличную акцию. Радио, телевидение, демократическая пресса периодически сообщали

²⁴ *Родин И.* Съезд попытался свергнуть президента и спикера. Не удалось // Независимая газета. 1993. 30 марта. С. 213.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 238.

²⁷ *Костиков В.* Романс президентом. М., 1997. С. 176–177.

²⁸ Девятый (внеочередной) съезд народных депутатов Российской Федерации... С. 357.

о планируемом мероприятии. «Не ударила в грязь лицом и московская мэрия: Новый Арбат и Тверская были украшены громадными полотнищами, клеймившими съезд народных депутатов и оповещавшими о митинге, а на Васильевском спуске (месте проведения акции) была развернута выездная торговля»²⁹. Но, несмотря на все усилия, митинг сторонников Ельцина оказался не слишком многолюдным. Несмотря на озвученную цифру в 100 тыс. человек, по данным наблюдателей, в нем приняли участие, по разным оценкам, от 10 до 20 тыс. человек, что являлось для того времени вполне обычной цифрой для акций такого рода. Демонстранты несли плакаты: «Лучше 1 нормальный диктатор, чем 475 дебилов!», «Народ требует ареста Степанкова, Зорькина, Хасбулатова, Руцкого» и т. п. Вдоль маршрута движения колонны активно лавировали нищие с плакатами типа «Подайте жертве КГБ!»³⁰.

Во время перерыва в работе съезда к своим сторонникам спустился Ельцин, что вызвало общий восторг. Президент объявил, что в случае принятия импичмента, он не подчинится решению депутатов. Выступивший следом священник Г. Якунин призвал «Божье благословение на президента и демократию», а Г. Э. Бурбулис обрушился с критикой на «так называемых центристов», которые в действительности являются предателями. Страсти подогревались сообщениями, что сейчас на съезде идет голосование о доверии президенту, и ораторы призывали толпу проявить сознательность и не расходиться.

Несколько тысяч самых «сознательных» граждан дождались результатов голосования, за что были вознаграждены вторичным появлением своего кумира. Появившись на трибуне, Ельцин объявил, что «коммунистический путч не прошел и демократия победила». Вместе с президентом к народу вышел премьер-министр, которому в знак благодарности несколько раз проскандировали его имя. Но от настойчивых предложений выступить В. Черномырдин отказался и удалился вместе с президентом.

Одновременно проходил митинг оппозиции, в котором приняли участие в основном движения коммунистического и консервативно-патриотического направлений. Собравшись у кинотеатра «Художественный» на Арбатской площади, участники отправились к Кремлю. Пройдя по улицам Москвы, оппозиционеры значительно укрепили свои ряды за счет сторонников «Трудовой России» В. И. Анпилова, и к Кремлю уже подошла десятитысячная толпа. Правоохранительные органы, испугавшись возможности столкновения двух полярных митингов, в спешном порядке оцепили Красную площадь, пригнав туда десятки грузовиков, водометную машину и конную милицию. Но инцидент произошел с неожиданной стороны. Участники демократического митинга на Васильевском спуске устроили стычку с выходившими после тайного голосования депутатами. Пострадал один депутат, который, по словам

²⁹ Красников Е. Васильевский спуск против Манежной площади // Независимая газета. 1993. 30 марта. С. 2.

³⁰ Там же.

других депутатов, получил «рубленую рану головы»³¹, а, по оценке столичного мэра Лужкова, остался «живым, здоровым и энергичным»³².

По настоянию депутатов на съезд для разъяснения ситуации были приглашены министр внутренних дел Ерин, генеральный прокурор Степанкова и мэр Москвы Лужков. По информации Ерина, органы внутренних дел предприняли все необходимые усилия, для того чтобы избежать массовых столкновений. В связи с большим скоплением людей на Васильевском спуске работники органов внутренних дел совместно с мэрией организовали специальный коридор для депутатов непосредственно от Спасских ворот, откуда их забирал автобус. Видимо, не все депутаты были предупреждены об этом. Вскоре появилось сообщение, что в толпе митингующих зверски избит и порезан один из народных депутатов России, которого отвезли в Институт имени Склифосовского. Затем появилась информация, что депутат А. М. Голишников получил удар сумкой по голове в тот момент, когда он подошел к толпе людей и начал обсуждать с ними вопрос о том, как и за что он голосовал. Он получил ушибленную рану, но отказался от госпитализации.

Вызванный на ковер Лужков фактически обвинил Белый дом в подстрекательстве, которое завершилось известным инцидентом. Политические страсти настолько накалились, отметил мэр, что из демократической свободной системы волеизъявления граждан, перешли в разряд вульгарных и оскорбительных действий по отношению к исполнительной власти, президенту. Выступление Лужкова не понравилось участникам съезда. Предложение депутата из Челябинской области А. С. Бароненко снять мэра с его работы решением съезда было поддержано аплодисментами. Но Лужков уверенно парировал: «...Ничего у вас не получится. (*Шум в зале.*) Мэр избран москвичами, и москвичи вправе это сделать, но простите, не Съезд. (*Шум в зале.*)»³³.

По результатам слушаний Съезд принял постановление о воскресных митингах, в котором указал на недопустимость антиконституционных призывов со стороны должностных лиц высших государственных органов во время их публичных выступлений и предписал Верховному совету обратиться в Конституционный суд с ходатайством выдать заключение о конституционности действий лиц государственных органов, принявших участие в организации и проведении митинга 28 марта. Очевидно, постановление было направлено против президента и мэра Москвы.

В понедельник, 29 марта Девятый съезд назначил на 25 апреля референдум по четырем вопросам:

1. Доверяете ли Вы Президенту РФ Б. Н. Ельцину?
2. Поддерживаете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом и правительством с 1992 г.?

³¹ Девятый (внеочередной) съезд народных депутатов Российской Федерации... С. 316.

³² *Родин И.* Съезд попытался свергнуть президента и спикера. Не удалось. С. 1.

³³ Девятый (внеочередной) съезд народных депутатов Российской Федерации... С. 363–364.

3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов президента?

4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов?

Таким образом, съезд разбил вопрос о президенте на две части: доверие собственно Ельцину и одобрение его социально-экономической политики, — предполагая, что многие избиратели могут проголосовать за «хорошего» Ельцина, но против его курса.

В центре дискуссии оказалась проблема, по какой норме считать вопросы референдума принятыми: по большинству от списочного состава избирателей или по большинству от принявших участие? Вопросы о выборах требовали применения первой нормы, а о доверии — второй. После нескольких взаимоисключающих голосований второй вариант и был принят как соответствующий Конституции. Однако через несколько минут депутаты постановили, что все вопросы референдума требуют большинства от имеющих права голоса.

Работа Девятого съезда получила широкий общественный резонанс. В адрес съезда поступило более 2,5 тыс. телеграмм от граждан, трудовых коллективов, общественных организаций из большинства регионов России³⁴. Их основная тематика — отклики избирателей по вопросу сохранения конституционного строя в России, их отношение к работе съезда, президенту Ельцину в связи с его обращением к гражданам. Мнение авторов по этим вопросам определили две основные группы телеграмм. Согласно информации рабочей группы секретариата съезда, в 71 % откликов избиратели поддержали деятельность съезда, Верховного совета и высказали критические оценки на обращение президента³⁵. Деятельность президента нашла поддержку в 31 % откликов. При этом надо учитывать, что в Верховный совет съезду писали граждане, которые поддерживали представительные органы власти.

Решения Девятого съезда народных депутатов продолжали волновать авторов корреспонденции в Верховный совет и после окончания его работы. За пятнадцать прошедших после съезда дней поступило более четырех тысяч писем и телеграмм с откликами и комментариями граждан, касающимися работы депутатов, их отношения к вопросам, выносимым на референдум. В Верховный совет писали граждане, которые считали, что депутатский корпус своими действиями защитил народ России и демократию от попыток подрыва конституционного строя, дискредитации представительной власти и введения в стране единоличной диктатуры. Из 945 откликов на работу съезда 536 (57 %) авторов поддержали его решения, 407 (43 %) — подвергли критике³⁶. Во многих из этих писем содержались призывы сказать нет на референдуме не только президенту, но и в целом президентской форме управления

³⁴ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 127. Л. 102.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1622. Л. 6.

государством. Из 1615 обращений, содержащих оценку деятельности президента, 1193 (74 %) автора негативно отнеслись к итогам его работы и только 308 — его поддержали³⁷.

Заключение. За политическими страстями Девятого съезда с попыткой отеснить от власти президента, избавиться от Хасбулатова, яростными выступлениями на трибуне Большого Кремлевского дворца внимательные наблюдатели могли рассмотреть главное в меняющейся политической карте Федерации: ее субъекты, набравшие силу на предыдущем съезде, на Девятом уже пытались играть не посредническую, а ведущую роль. После съезда в интервью «Независимой газете» председатель Верховного совета Башкортостана Рахимов заявил, что «времена, когда политика определялась в Москве, канули в Лету»³⁸.

Регионы нашли возможность договориться между собой, преодолеть естественные противоречия между интересами национально-государственных и административно-территориальных образований и создать Совет Федерации. С инициативой создания такого коллегиального органа выступили прежде всего нижегородцы во главе с молодым губернатором Б. Е. Немцовым и председателем Областного совета Е. В. Крестьяниновым³⁹. Но предложения о создании Совета Федерации в той или иной форме прозвучали на съезде в выступлениях А. В. Руцкого, Ю. В. Скокова, В. С. Черномырдина, содержались в проекте компромиссного постановления, отвергнутом съездом. Секретарь Совета безопасности Скоков заявил на съезде о себе как о лидере третьей силы, которой он считал субъекты Федерации. Скоков утверждал, что в России случился кризис не власти, а государственности, следовательно, события должны развиваться по сценарию руководителей регионов⁴⁰. В целом о желании учредить Совет Федерации на Девятом съезде заявили 74 субъекта⁴¹.

Руководители Верховного совета хотя и пытались сотрудничать с региональными лидерами, но относились к их инициативам более сдержанно, чем исполнительная власть. Немцов даже обвинил Хасбулатова в том, что тот видит в идее Совета Федерации угрозу для собственной власти⁴². Действительно, появление Совета Федерации могло изменить структуру российской представительной власти или даже создать аналог германского бундесрата — палаты земель. В случае появления палаты регионов, составленной из самостоятельных руководителей, возможности главы парламента могли

³⁷ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1622. Л. 7.

³⁸ Батыршин Р. Башкортостан и Татарстан проведут референдум 25 апреля // Независимая газета. 1993. 1 апреля. С. 1.

³⁹ Портников В. Совет Федерации. Признак развала или путь к согласию? // Независимая газета. 1993. 30 марта. С. 1.

⁴⁰ Девятый (внеочередной) съезд народных депутатов Российской Федерации... С. 92–94.

⁴¹ Кузнецова В. Президент подтвердил свою позицию // Независимая газета. 1993. 27 марта. С. 1.

⁴² Портников В. Совет Федерации. Признак развала или путь к согласию? С. 1.

трансформироваться до состояния «говорящей головы» без реальных полномочий. Ельцин это понимал, поэтому он взял на вооружение идею Совета Федерации. Сильный и независимый Совет Федерации мог стать реальной альтернативой Верховному совету и уравновесить сильную президентскую власть.

Литература

1. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М.: Русь-Олимп, 2007. 551 с.
2. Костиков В. Роман с президентом. М.: Вагриус, 1997. 351 с.

References

1. Pikhoya R. G. Moskva. Kremľ'. Vlast'. Dve istorii odnoi strany. Rossiia na izlome tysiacheletii. 1985–2005 [Moscow. Kremlin. Power. Two stories of one country. Russia is at the turning point of millennia. 1985–2005]. Moscow: Rus'-Olimp, 2007. 551 p. (In Russ.).
2. Kostikov V. Roman s prezidentom [Romance with the President]. Moscow: Vagrius, 1997. 351 p. (In Russ.).

УДК 94(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.10

Плюйко Дмитрий Владимирович

кандидат исторических наук

школа № 16 г. Долгопрудный Московской области

Долгопрудный, Россия

jan_boden@rambler.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС 1993 г. В РОССИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ СТЕНОГРАММ ЗАСЕДАНИЙ ПОСЛЕДНИХ СЕССИЙ РАЙСОВЕТОВ МОСКВЫ

Аннотация. Целью статьи является изучение архивных документов, которые дают возможность понять глубинные причины противостояния между президентом Б. Н. Ельциным и Верховным советом Российской Федерации в 1993 г. А именно проанализировать конфликт не на федеральном, а на муниципальном уровне, где работали рядовые граждане. В данной работе раскрываются основные пути выхода из конституционного кризиса 1993 г., которые были предложены депутатами районных советов Москвы. Автором выявлены основные причины конфликта между депутатами райсоветов и исполнительными органами власти, сформированными после распада СССР в Москве. Проведенное исследование показало важность изучения стенограмм заседаний сессий райсоветов Москвы в связи с раскрытием малоизвестных фактов о становлении органов местного самоуправления.

Ключевые слова: конституционный кризис 1993 г., советы народных депутатов РСФСР, история местного самоуправления Москвы, демократизация.

Для цитирования: Плюйко Д. В. Конституционный кризис 1993 г. в России: по материалам стенограмм заседаний последних сессий райсоветов Москвы // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 144–151. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.10

UDC 94(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.10

Pluyko Dmitriy V.

Candidate of Historical Sciences

School № 16 of Dolgoprudny, Moscow region

Dolgoprudny, Russia

jan_boden@rambler.ru

CONSTITUTIONAL CRISIS OF 1993 IN RUSSIA: BASED ON TRANSCRIPTS OF MEETINGS OF THE LAST SESSIONS OF THE MOSCOW DISTRICT SOVIETS

Abstract. The purpose of the article is to study archival documents that make it possible to understand the deep causes of the confrontation between President Boris Yeltsin and the Supreme Soviet of the Russian Federation in 1993. Namely, to analyze the conflict not at the federal, but at the municipal level, where ordinary citizens worked. This paper reveals the main ways out of the constitutional crisis of 1993, which were expressed by deputies of the district councils of Moscow. The author identifies the main causes of the conflict between the deputies of the district councils and the executive authorities formed after the collapse of the USSR in Moscow. The conducted research has shown the importance of studying the transcripts of meetings of the sessions of the district councils of Moscow in connection with the disclosure of little-known facts about the formation of local self-government bodies.

Keywords: constitutional crisis of 1993, Councils of People's Deputies of the Russian Federation, history of local self-government in Moscow, democratization.

For citation: Pluyko D. V. Constitutional crisis of 1993 in Russia: based on transcripts of meetings of the last sessions of the Moscow district soviets // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 1 (53). P. 144–151. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.10

Введение. В настоящее время российские историки редко обращаются к теме конституционного кризиса власти в России в 1993 г. Эта тема довольно хорошо исследована в плане освещения масштабных событий, которые имели место на федеральном уровне, а именно противостояния Президента РФ Б. Н. Ельцина и Верховного совета РФ в лице Р. И. Хасбулатова. В данной работе нам представляется важным обратиться к менее значительным сюжетам этой большой темы.

Основные вопросы реформирования России в начале 1990-х гг., которые вызывали непримиримую полемику между президентом и парламентом на федеральном уровне, имели место и на уровне муниципальном — в районных советах народных депутатов. Известно, что основные споры между депутатами и чиновниками на всех этажах власти шли о порядке проведения приватизации, формирования бюджета, обсуждения проекта новой конституции. Исследование делопроизводственного материала последних сессий райсоветов

Москвы предоставляет возможность проанализировать деятельность народных депутатов Москвы за почти три года их работы, уточнить, какие возможные пути выхода из конституционного кризиса видели депутаты местных советов, какие вопросы их волновали больше всего в те трагические недели конца сентября 1993 г. Данное обстоятельство является важным, потому что депутатами местных советов были обычные учителя, врачи, рабочие предприятий, одним словом, представители народа, которые по-своему воспринимали все происходящие политические события.

Ход и результаты исследования. Депутаты Ленинского райсовета Москвы собирались на свое последнее заседание в марте 1993 г. задолго до событий 3–4 октября. Возмущение депутатов вызывало бездействие правительства Москвы: «Спустя год после создания генеральной дирекции “Остоженка” на территории микрорайона № 17 не начаты реконструкции и новое строительство за исключением строительства банка. Не выполнено обещание префектуры центрального административного округа о государственном финансировании 2 жилых домов»¹.

Подобная критика исполнительной власти со стороны депутатов была обычной для начала 1990-х гг., так как после начала полномасштабных рыночных реформ чиновникам приходилось идти на непопулярные и спорные решения. Но больше всего волновало депутатов то, что «приватизация государственных и муниципальных предприятий проводится с нарушением действовавшего законодательства, без согласования планов приватизации с Советом»². Известно, что вопрос приватизации был очень острым в обсуждении между парламентом и президентом, где каждая сторона старалась закрепить за собой как можно больше полномочий. Кроме того, президент Б. Н. Ельцин своим особым указом предоставил особые полномочия мэру и правительству Москвы на период проведения рыночных преобразований, а это входило в прямое противоречие с решениями Съезда народных депутатов РФ. Сложный, дискуссионный вопрос: как можно было иначе осуществлять переход к рыночным отношениям, что являлось более правильным, а главное, что было менее болезненным для социально-незащищенных слоев населения?

Существенным и весьма показательным моментом в плане механизма перехода к рынку является реплика одного из депутатов райсовета о том, что акционирование стадиона имени В. И. Ленина в Лужниках и открытие «на его территории барахолки вызывает падение авторитета власти»³. Вслед за этими словами депутата его коллеги обвиняют чиновников правительства Москвы в том, что «в течение длительного времени не разрабатывается

¹ Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. 949. Оп. 3. Д. 64. Л. 5.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 25.

система мероприятий, позволяющих привлекать частные компании и инвесторов»⁴. Конечно, большой вопрос к чиновникам правительства Москвы, стоило ли открывать рынок на территории спорткомплекса, но главное, что материалы стенограммы сессии райсовета позволяют утверждать, что депутаты не предложили ни одного варианта по исправлению ситуации. Когда надо было проявить себя в деле переустройства планового хозяйства Москвы, депутаты ограничивались одной лишь критикой. Естественно, что депутаты райсоветов, не являвшиеся профессиональными управленцами, вряд ли бы могли предложить полноценный бизнес-план развития спорткомплекса «Лужники», однако внести общие соображения вполне могли бы.

В то же время депутатами была предложена довольно интересная модель управления муниципальными предприятиями и службами. Депутат Е. П. Перемурзов предложил, чтобы в будущем, когда будет принята новая конституция и федеральные законы, в Москве перешли бы «к политике формирования муниципальных предприятий и организаций, независимых от действующей исполнительной или законодательной власти, где в основном управляли бы сами работники»⁵. Мысль, высказанная депутатом, больше напоминает идеи анархистов, нежели практическое предложение по управлению муниципальными предприятиями города.

Депутаты Тимирязевского райсовета, собравшись 23 сентября 1993 г. на свою внеочередную сессию, делают довольно стандартное обращение к населению района о том, что президент Б. Н. Ельцин своим указом № 1400 грубо нарушил Конституцию. Но после критики действий президента они пытаются понять, что же будет дальше с ними и со страной в целом. Основные вопросы, которые волнуют зал, были выражены репликой одного из депутатов: «Вот выступающие и вы все время обращаетесь к воле народа: “народ скажет”, “народ решит”. Что вы предлагаете? Очередной референдум?»⁶. Председатель райсовета предполагал, что «наверное, референдум — это не выход. Он не пройдет. Есть 2 пути. Первый путь — это собрание трудовых коллективов. Второй путь — это выборы и той и другой власти»⁷. По нашему мнению, когда председатель райсовета говорил о собраниях трудовых коллективов, он имел в виду особую форму участия граждан в выработке условий для выборов законодательной и исполнительной власти. Необходимо отметить, что подобных предложений по выходу из конституционного тупика власти в других райсоветах Москвы никто не делал.

Говоря о роли советов при реализации второго варианта — одновременных выборов двух ветвей власти, — председатель заявил: «...Я даже не знаю, по каким правилам они будут проходить? Без местных советов одна команда

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 27.

⁶ Там же. Ф. 1045. Оп. 3. Д. 31. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 9.

президента не сможет их провести»⁸. Ставка на советы как основу политической системы, без которой немислимо существование правового государства, являлась одной из главных установок для приверженцев перестройки. Но уверенности в дальнейшем существовании этого политического института у депутатов не было. «Сохранимся мы на будущий период или нет, не знаю. На три месяца мы сохранимся», — заявил председатель райсовета⁹. Он предполагал, что президент Б. Н. Ельцин будет проводить очередные выборы, опираясь на систему советов. Однако к сентябрю 1993 г. у президента Б. Н. Ельцина и его окружения уже был иной сценарий выборов и последующего переустройства России, где советам не было места в системе управления государством.

Мнение депутатов выражено в заявлении депутата Н. С. Ястребова: «Все-таки логичнее было бы сначала выбрать парламент, который разработает закон о выборах, а потом уже и выборы президента. А иначе президент становится единоличным правителем России»¹⁰. Логика в этом заявлении, безусловно, была. Ведь именно законодательная власть формирует правовое поле, в котором действует власть исполнительная.

Пророческими стали слова депутата И. М. Кудряшова: «Я сожалею, что мы так завершаем свою деятельность, а я убежден, что мы ее завершаем, потому что практика показывает, что те, у кого силовые органы, телевидение, радио всегда побеждают»¹¹. Реальные события, которые происходили до и после 3–4 октября 1993 г. полностью подтвердили эту мысль. Политическая система страны была реформатирована по лекалам исполнительной власти, не сомневавшейся в легитимности своих действий благодаря электоральной внушительной поддержке.

Депутаты Зеленоградского райсовета на своей последней сессии 27 сентября 1993 г. обсуждали результаты исполнения принятого в июле решения о направлении своих представителей в советы директоров 20 акционерных обществ Зеленограда. Думается, что такая практика воспринималась негативно руководством предприятий, создавая им дополнительные трудности при управлении хозяйственными процессами.

Эта практика направлять в советы директоров только формирующихся акционерных обществ представителей от законодательных органов власти была новой в России начала 1990-х гг. И хотя руководство предприятий негативно отнеслось к контролерам от райсовета, депутаты все же полагали, что введение в состав совета директоров их коллег позволит контролировать процесс акционирования и приватизации предприятий, а также исключит коррупцию и сращивание чиновничества и бизнеса. О реальности таких опасений

⁸ ЦГА Москвы. Ф. 1045. Оп. 3. Д. 31. Л. 14.

⁹ Там же. Л. 16.

¹⁰ Там же. Л. 19.

¹¹ Там же. Л. 25.

свидетельствует факт, приведенный на заседании сессии Зеленоградского райсовета депутатом Э. М. Перекалиным, который говорил: «Завод “Элион” стремительно идет к номенклатурной приватизации, что вызывает невероятное недовольство трудящихся этого предприятия»¹². По мнению председателя райсовета, «главная цель введения в состав совета директоров наших депутатов — это контроль за социальной ответственностью бизнеса. Чтобы наши новоявленные бизнесмены не забывали о нуждах и бедах простого труженика»¹³.

Данная инициатива свидетельствует о высокой степени социальной ответственности депутатов, и это неслучайно, потому что в основном депутатами в советы всех уровней в 1990 г. были избраны самые обычные люди — рабочие, врачи, учителя, научные работники, — которые знали, чем живет основная масса населения страны. Впоследствии в ходе проведения выборов в Государственную думу РФ и местные законодательные органы власти в 1995 и 1999 гг. депутатами становились представители иных социальных слоев: «Обращает на себя внимание высокий удельный вес трех категорий — *представителей госсектора в целом, военных (в рамках госсектора) и той категории, которая... была определена как “управленцы и предприниматели”*»¹⁴.

Депутаты Киевского райсовета Москвы провели несколько заседаний в течение осенней сессии 1993 г., на которых рассматривались различные вопросы. Одним из них стало утверждение положения о районном совете Москвы, поскольку к этому времени параллельно существовали как советские органы власти, так и новые российские, и была совершенно непонятна их иерархия. Такая сложная и неоднозначная проблема, как распределение полномочий между исполнительной и представительной ветвями власти, не вызвала в среде депутатов серьезных разногласий и положение о Киевском районном совете было принято. Депутаты единодушно пришли к мнению, что «именно законодательная власть, совет должна играть решающую роль в формировании бюджета района и строжайшем контроле над действиями исполнительной власти»¹⁵. По их мнению, исполнительная власть, как и до 1991 г., должна представлять собой исполнительный комитет совета, но только там должны работать профессионалы, которые бы эффективно управляли коммунальным хозяйством города. В данном случае депутаты попытались объединить идеи хрущевской оттепели с ее принципами коммунистического самоуправления и горбачевской перестройки с идеей полновластия советов. Депутаты выразили уверенность в том, что «только советы, где заседают реальные представители трудящихся, способны правильно и эффективно управлять и деревней,

¹² Там же. Ф. 1049. Оп. 3. Д. 25. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Гаман-Голутвина О. В. Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. № 1. С. 84.

¹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 750. Оп. 3. Д. 29. Л. 2.

и огромным городом. А главное — наши советы в условиях многопартийности будут отражать весь спектр политических, культурных и иных представлений в обществе»¹⁶.

Однако если с принципиальными вопросами строительства системы управления коммунальным хозяйством города и распределения полномочий между исполнительной и законодательной властью было все ясно, то как всю эту систему сочетать с рыночными отношениями, тут у депутатов четкого представления не было. Поэтому они предлагали «обратиться к опыту других стран мира, где есть полноценный рынок и демократическая система власти»¹⁷. Еще за пять – семь лет до этих событий даже трудно было себе представить, чтобы депутаты райсовета в Москве предлагали обратиться к опыту государственного строительства США, Великобритании или Сингапура.

Интерес депутатов райсовета к вопросам государственного строительства был обусловлен насущными делами на уровне района. Мысли о том, что исполнительная власть в Москве пытается избавиться от системы советов, появились у депутатов еще в августе 1993 г., когда председателями нескольких районных советов было высказано удивление по поводу того, что «бюджет Москвы принят 14 июня 1993 г., но без выделения бюджета местным советам». Таким образом, «для законодательной власти района не нашлось денег»¹⁸. Тем не менее эта информация не вызвала у них особой тревоги. Местная представительная власть даже летом 1993 г., когда ее противостояние с властью исполнительной достигло пика, не могла себе представить, что решение о ликвидации системы советов фактически уже принято президентом.

В ответ на отсутствие должного финансирования районной законодательной власти депутат Киевского райсовета В. Л. Каменев на последней сессии предложил «сформировать комиссию в составе совета, которая бы сама занялась сбором налогов с предприятий и организаций, находящихся на территории района»¹⁹. Это предложение так и не дошло до практической реализации. В заключительном слове тот же В. Б. Каменев подчеркнул: «Без исполнительных структур мы жить не сможем. Если мы не решим вопрос с местной администрацией нам надо сложить мандаты»²⁰. Реплика депутата П. С. Храпковского характеризует настроение безнадежности, охватившее депутатов в сентябрьские дни 1993 г.: «Практически мы как депутаты ничего не можем делать. И кто и когда будет выполнять наши решения? Решения приняты и подписаны, но их никто не выполняет»²¹. Депутаты районных советов города понимали, что система советов доживает свои последние дни, и, предлагая различные варианты выхода из сложившейся ситуации, уже не надеялись на их реализацию.

¹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 750. Оп. 3. Д. 29. Л. 10.

¹⁷ Там же. Л. 15.

¹⁸ Там же. Д. 15. Л. 8.

¹⁹ Там же. Д. 29. Л. 34.

²⁰ Там же. Л. 37.

²¹ Там же. Л. 38.

Заключение. Материалы последних сессий райсоветов Москвы, проведенных в сентябре 1993 г., дают возможность понять, что процесс становления новой российской государственности вступал в свою завершающую фазу. Политическая борьба парламента и президента, которая продолжалась почти два года, завершалась по трагическому сценарию, когда дискуссии уступили место оружию.

Проблемы, которые обсуждали депутаты на последних сессиях райсоветов можно разделить на две группы: политические и социально-экономические. Последними представители районной законодательной власти занимались куда больше, чем политическими, несмотря на непростую ситуацию, в которой они оказались после указа президента Б. Н. Ельцина № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов РСФСР²². Наметилась и некоторая консолидация: депутаты прекратили бесконечно спорить между собой по каждому поводу.

Желание реально оказать помощь рядовым гражданам в их проблемах (трудности с жильем, транспортом, ростом цен и т. п.) было гораздо сильнее, чем желание спасти от роспуска систему советов и собственно райсоветы.

Поскольку свое внимание депутаты направили на повседневные проблемы граждан, то и предложений по их разрешению за одно последнее заседание было выработано больше, чем за предыдущие два года работы. Однако эти решения были уже невыполнимыми в условиях крушения системы советов.

Литература

1. Гаман-Голутвина О. В. Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. № 1. С. 78–93.

References

1. Gaman-Golutvina O. V. Gosudarstvennaia дума Federal'nogo sobraniia Rossiiskoi Federatsii 1993–2003 gg.: evoliutsiia personal'nogo sostava [Composition of State Duma of Russian Federation] // Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science. 2007. № 1. P. 78–93. (In Russ.).

²² Указ Президента Российской Федерации от 21.09.1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4364> (дата обращения: 23.01.2024).

УДК [94(673)+94(47+57)]:791.229.2(470+571)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.11

Григорьева Светлана Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
svetl-grigor@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1055-8046

ЛОКАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В АФРИКЕ И УЧАСТИЕ В НИХ СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ДОКУМЕНТАЛИСТИКЕ 1991–2022 гг. (НА ПРИМЕРЕ АНГОЛЫ)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процесса отражения участия Советского Союза в гражданской войне в Анголе в российском документальном кино 1991–2022 гг. Исследование носит междисциплинарный характер, поскольку в нем используются исторические методы, методология визуальной антропологии, имагологии, теории и истории кино. В статье анализируются причины роста интереса российских граждан к советскому присутствию в Анголе в последние десятилетия, выявляется жанровая принадлежность отечественной документалистики, осуществляется ее анализ с точки зрения контента, контекста, используемых кинематографических приемов. В исследовании предпринят разбор шести фильмов, ряд из которых был показан по центральным каналам телевидения. Делается вывод о том, что информация, содержащаяся в них, носит объективный, правдивый характер; почерпнута прежде всего из воспоминаний участников событий, проявивших мужество и героизм при выполнении интернационального долга. Созданные кинематографистами образы советских военных специалистов формируют положительную оценку советского присутствия в Анголе, которая видится в создании боеспособных вооруженных сил Народной Республики Анголы (НРА), воспитании современной ангольской военной элиты, сумевшей отстоять свободу и независимость своей страны. Фильмы адресованы широкой аудитории, призваны рассказать правду о советском участии в конфликте, привлечь внимание общества к советскому героическому прошлому и проблемам ветеранов локальных войн и конфликтов.

Ключевые слова: Ангола, гражданская война, Советский Союз, документальное кино, 1991–2022 гг.

Для цитирования: Григорьева С. В. Локальные конфликты в Африке и участие в них советских военных в постсоветской документалистике 1991–2022 гг. (на примере Анголы) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 152–165. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.11

UDC [94(673)+94(47+57)]:791.229.2(470+571)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.11

Grigorieva Svetlana V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Lobachevsky University
Nizhny Novgorod, Russia
svetl-grigor@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1055-8046

**LOCAL CONFLICTS IN AFRICA
AND THE PARTICIPATION OF THE SOVIET MILITARY
IN THEM IN THE POST-SOVIET DOCUMENTARY IN 1991–2022
(BY THE EXAMPLE OF ANGOLA)**

Abstract. The article is devoted to the consideration of the process of reflecting the participation of the Soviet Union in the civil war in Angola in the Russian documentary films of 1991–2022. The research is interdisciplinary in nature, since it uses historical methods, methodology of visual anthropology, imagology, theory and history of cinema. The article analyzes the reasons of the growing interest of Russian citizens to the Soviet presence in Angola in recent decades, reveals the genre affiliation of domestic documentaries, analyzes it in terms of content, context, and cinematic techniques used. The study analyzed six films, a number of which were shown on central channels. It is concluded that the information contained in them is objective, truthful; drawn primarily from the memoirs of the participants in the events, who showed courage and heroism in the performance of international duty. The images of Soviet military specialists created by filmmakers form a positive assessment of the Soviet presence in Angola, which is seen in the creation of combat-ready armed forces of the NRA, the education of the modern Angolan military elite, which managed to defend the freedom and independence of Angola. The films are addressed to a wide audience, designed to tell the truth about Soviet participation in the conflict, to draw public attention to the Soviet heroic past and the problems of veterans of local wars and conflicts.

Keywords: Angola, civil war, Soviet Union, documentary films, 1991–2022.

For citation: Grigorieva S. V. Local conflicts in Africa and the participation of the Soviet military in them in the post-Soviet documentary in 1991–2022 (by the example of Angola) // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 1 (53). P. 152–165. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.11

Введение. Диалог с прошлым — постоянный и динамический фактор развития любой цивилизации, а историческая память является неотъемлемой частью культуры любого человеческого общества. Представления о прошлом варьируются, изменяются в зависимости от «исторического времени, от происходящих в обществе перемен, смены поколений, появления новых потребностей, практик, смыслов»¹. События настоящего

¹ Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 84.

обогащают прошлое, формируют новые образы в комбинации со старыми, и это «новое прошлое», запечатленное в историческом сознании, передается следующим поколениям людей. В связи с этим важной для современной России является актуализация проблем политической, социальной и интеллектуальной отечественной истории, инкорпорация исторической памяти в контекст культуры.

Изменение международной ситуации после начала СВО, многочисленные санкции со стороны стран Запада, смена приоритетов во внутренней политике дают мощный импульс к изменениям в восприятии образов прошлого, переоценке исторических лиц и событий, вызывая процесс трансформации коллективной памяти. Сегодняшнее поколение молодых людей — поколение Z, или цифровых аборигенов, — характеризуется поверхностным восприятием информации, клиповым мышлением, постоянным взаимодействием с сетью Интернет, в которой они черпают большую часть необходимых сведений². Чтобы ответить на современные вызовы времени, понять истоки возникших процессов, современное поколение вынуждено обращаться к историческому прошлому, одним из наиболее доступных источников которого является кинематограф.

В связи с вышесказанным целью статьи является рассмотрение процесса отражения участия Советского Союза в гражданской войне в Анголе в российском документальном кино 1991–2022 гг.

В настоящее время у историков нет сомнений в том, что кино является важным историческим источником. Как и любой другой тип исторических источников, кино имеет свою специфику и особую методику изучения, разработкой которой занимались многие отечественные³ и зарубежные исследователи⁴. С одной стороны, они находят в документальном кино те же функции, что и в письменных источниках, — отражение объективных событий, памятник общественной мысли, что обуславливает возможность критики кинодокументов по тем же критериям: подлинность, достоверность, полнота, датировка, место создания, авторство и пр. По мнению М. С. Звонаревой, выпущенный

² Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 4.

³ Звонарева М. С. Документальное кино как исторический источник: особенности анализа и интерпретации // Локус: люди, общества, культуры, смыслы. 2019. № 3. С. 98–107; Джулай Л. Документальный иллюзион: отечественный кинодокументализм — опыты социального творчества. М., 2005; Листов В. С. История смотрит в объектив М., 1974; Мадидов В. М. Зримая память истории. О документальном кино в СССР. М., 1984; Его же. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания М., 2005; Мазур Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 95–109.

⁴ Бэдли Х. Техника документального кинофильма / сокр. пер. с англ. Ю. Л. Шер. М., 1972; Грей Г. Кино: Визуальная антропология / пер. с англ. М. С. Неклюдовой. М., 2014; Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57; Banks M. Visual methods in social research. London, 2001; Barnouw E. Documentary: A history of the non-fiction film. London, 1976.

в прокат фильм становится текстом культуры, который можно атрибутировать, датировать, деконструировать, т. е. работать с ним, как с любым другим текстом⁵.

А с другой — кино способно отражать события не только наглядно и образно, но и в динамике, в виде последовательно расположенных изображений⁶. Кинодокументы субъективны, поскольку созданы людьми, которые решают, что снимать и как, в какой последовательности монтировать кадры, к какому сюжету привлечь особое внимание зрителя. Это действительность, увиденная автором и им рассказанная, поэтому в работе с кинодокументами это необходимо учитывать. Являясь одним из средств массовой коммуникации, кино активно используется различными политическими институтами и общественными силами в пропагандистских целях, является инструментом манипулирования людьми.

Аналізу образов, созданных отечественными и зарубежными кинематографистами, посвящено немало исследований⁷, однако проблема инкорпорации

⁵ Звонарева М. С. Указ. соч. С. 99.

⁶ Григорьева И. В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 2017. С. 274.

⁷ Беспяева М. И. Образ в документальном кино // *Apriori*. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 2. URL: <http://www.apriori-journal.ru/seria1/2-2015/Bespaeva.pdf> (дата обращения: 15.03.2023); Блышко Д. В. Монтаж реальности: концепции истории повседневности в постсоветской документалистике // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 3 (148). Т. 2. С. 15–19; Волков Е. В. Образы Севастополя периода Второй мировой войны в советском игровом кино // *Вестник ЮУрГУ*. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 3. С. 10–16; Даикова Т. Любовь и быт в советских кинофильмах 1930–1950-х годов // Дашкова Т. Телесность – идеология – кинематограф: Визуальный канон и советская повседневность. М., 2013. С. 80–94; Димони Т. М. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х годов // *Отечественная история*. 2003. № 6. С. 91–101; Зоркая Н. М. Визуальные образы войны [Электронный ресурс] // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://lib.vkarp.com/2015/05/18/зоркая-нея-визуальные-образы-войны/> (дата обращения: 15.03.2023); Казюшиц М. Ф. Трансформация зрелищных стереотипов на малом экране: неигровые телеформаты США и Канады 1960-х гг. // *Наука телевидения*. 2017. № 13.4. С. 55–67; Короткова А. Е. Деконструкция представления о достоверности кинодокумента в российском кино начала 1990-х годов // *Артикульт*. 2014. № 1 (13). С. 56–64; Мазур Л. Н. Образы сельской истории в советском художественном кинематографе 1920–1991 гг.: опыт количественного анализа // *Диалог со временем*. 2013. Вып. 43. С. 282–302; Мазур Л. Н., Горбачев О. В. Визуальные репрезентации религиозной жизни советского общества в художественном кинематографе 1920–1980-х гг.: источниковедческий анализ // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2013. № 3 (1). С. 40–52; Малькова Л. Ю. Современность как история: Реализация мифа в документальном кино. М., 2001.; Мuryюкина Е. В. Герменевтический анализ документальных фильмов (1991–2017) на школьную и студенческую тему // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2017. № 4. С. 228–242; Немченко Л. М. Мобилизация: от мира к войне (особенности кинопропаганды на материале документального фильма «Урал кует победу» и киножурнала «Советское искусство») // *Вестник Пермского университета*. Серия: История. 2017. № 2 (37). С. 99–105; Скрылева Е. В. О художественном пространстве неигрового кино // *Вестник РГГУ*. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15 (58). С. 102–109 и др.

исторической памяти о советском участии в локальных конфликтах и в войнах в Африке в контекст кинокультуры еще не была предметом исследования отечественных ученых. В этом состоит научная новизна предложенной статьи.

Источником исследования стали шесть документальных фильмов о советском участии в войне в Анголе, снятых в постсоветской России. Следует заметить, что в Советском Союзе тоже предпринимались попытки рассказать телезрителям о событиях в этой африканской стране. Было снято два документальных фильма: первый — «Ангола побеждает» (1976, режиссер Н. Невицкая, вступительное слово журналиста-международника О. Игнатьева) — повествует об обретении Анголой независимости и начавшейся гражданской войне; во втором — «Африка. Год 1981» (1982, режиссер Г. Виленчик) — комментатор Вадим Лобаченко анализирует проблемы, с которыми столкнулись народы Африки, в том числе и Анголы, в 1981 г. (засуха, дефицит продовольствия, расистский режим апартеида, усиление позиций США в различных регионах континента, рост национально-освободительного движения). Однако фактор военного участия СССР не нашел в них никакого отражения.

Исследование носит междисциплинарный характер, поскольку в нем использовались не только исторические методы, но и методология визуальной антропологии, имагологии, теории и истории кино.

Ход и результаты исследования. Возникновение интереса к Ангольской войне в последние десятилетия вызвано целым рядом причин. Во-первых, это связано с расширением информационного поля. В настоящее время тема советского участия в локальных конфликтах в Африке перестала быть запретной. Появились публикации документов, мемуаров, интервью с участниками событий, что стало пищей для размышлений и для специалистов, и для новых поколений граждан РФ. Во-вторых, осложнение международной обстановки в мире после 2014 г. привело российскую правящую элиту к осознанию важности африканского направления внешней политики и необходимости российского возвращения на Черный континент, о чем свидетельствуют проведенный в 2019 г. в Сочи саммит «Россия – Африка», участвовавшие визиты представителей российской политической элиты в африканские страны, последнее турне министра иностранных дел РФ С. Лаврова по Африканскому континенту⁸. Для России важно обобщить имеющийся опыт взаимодействия, найти собственную нишу в системе отношений с африканскими государствами. СМИ подогревают интерес к Африке как к одному из важных партнеров РФ, истории взаимоотношений ее стран и народов с Россией и СССР, о чем свидетельствует увеличившееся число телевизионных программ и проектов. Из шести проанализированных в исследовании постсоветских документальных фильмов четыре (или 67 %) вышли после 2014 г.

⁸ Лавров отправляется в пятидневное турне по странам Африки // РИА Новости. 23.07.2022. URL: <https://ria.ru/20220723/afrika-1804509032.html> (дата обращения: 23.01.2024).

По жанровой принадлежности их можно разделить на три группы.

1. *Фильмы-расследования*: «Красная Африка: неизвестная война в Анголе (1975–1992)»⁹ (2004, режиссер Александр Мержанов¹⁰), «Ангола: война, которой не было...»¹¹ (2015, фильм Алексея Поборцева¹², НТВ), «Военные миссии особого назначения — Ангола» (2017, ТРК ВС РФ «Звезда»)¹³. Цель этих фильмов — на основании кадров кинохроники, статистических данных, воспоминаний-интервью с участниками событий и ведущими экспертами воспроизвести хронику реальных событий Ангольской войны и участия в ней советских граждан.

2. *Портреты* — документальные фильмы о судьбах конкретных людей в Анголе: «Секретная Африка. Выжить в саванне» (2019, фильм Алексея Поборцева, НТВ-видение / фильмы из цикла «Секретная Африка»)¹⁴, «Они хотели меня взорвать. Исповедь русского моряка» (2016, режиссер Сергей Кожевников, ТВ «Останкино»)¹⁵.

Первый фильм рассказывает о трагических приключениях группы жен советских офицеров Худоерко, Вель, Сытенко и др., которым пришлось самостоятельно выходить из окружения бойцов Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА) в районе Онджива в 1980-е гг. Через личные впечатления и переживания автор показывает все ужасы Ангольской войны: жестокость унитовцев, преследующих бежавших; голод, холод, недостаток воды; неоднозначное поведение местных племен, поддерживающих в Анголе разные политические силы. Эти несколько дней в африканской саванне навсегда врезались в память советских женщин и детей. Другим героем

⁹ URL: <https://yandex.ru/video/preview/9252684976012689110> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁰ Александр Мержанов 1970 г. р., окончил Московский государственный университет культуры и искусств, посвятил свою жизнь телевидению, с 1996 г. был специальным корреспондентом телевизионных программ «Присяга», «Служу России», «Армейский магазин», «Военная тайна», автор и режиссер нескольких документальных проектов, в том числе и «Красная Африка».

¹¹ URL: https://www.ntv.ru/kino/Angola_voina_kotoroi_ne_bilo/m78126/o370096/video/ (дата обращения: 23.01.2024).

¹² Поборцев Алексей Андреевич 1964 г. р., окончил португальское отделение Московского государственного института иностранных языков им. М. Тореза по специальности «переводчик с португальского и английского языков». Проходил военную службу в Анголе. Первая командировка в НРА состоялась в 1985–1986 г., после окончания третьего курса института, вторая — в 1988–1990 гг., в составе группы советских специалистов участвовал в военных действиях. С начала 1990-х г. работал в редакции ТАСС. С 1995 г. работал на телеканале НТВ корреспондентом, автором и руководителем ряда программ и проектов. С 2004 г. активно занимается документальным кино для телеканала НТВ. Фильмография насчитывает более тридцати фильмов.

¹³ URL: <https://tvzvezda.ru/schedule/programs/201708311848-xcej.htm/201709041305-xzfp.htm> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁴ URL: https://www.ntv.ru/peredacha/NTV_videnie/m54064/o535079/video/ (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁵ URL: <https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/doc/pro-voynu/oni-hoteli-menya-vzorvat-ispoved-russkogo-moryaka-dokumentalnyy-film> (дата обращения: 23.01.2024).

фильма стал прошедший полтора года в плену в ЮАР советский механик, прапорщик Николай Пестрецов. Он проявил недюженное мужество и героизм, даже под пытками, не признав советское военное участие в конфликте. Ему повезло, впоследствии его смогли обменять на двух захваченных летчиков Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) из ЮАР. Полтора года тяжелейшего плена Н. Пестрецову засчитали за три года службы.

Красной нитью фильма проводится мысль о той несправедливости, которую проявляли советские и продолжают проявлять российские власти к героям Ангольской войны, лишая их льгот. Война в Анголе, которую советские власти «завершили» в 1979 г., на самом деле продолжалась до 2002 г., и до 1991 г. в ней участвовали советские военные, которые сражались как наемники, без знаков отличия, без каких-либо отметок в военных билетах. Родина должным образом не оценила того вклада, который внесли советские люди в усиление позиций СССР и повышение его авторитета на юге Африке.

В связи с этим показательны кадры, на которых демонстрируется памятник советским и российским участникам военных конфликтов, на котором напротив Анголы стоят даты «1975–1979 гг.», хотя фильм посвящен советским людям, оказавшимся в НРА в середине 1980-х гг.

Следует заметить, что автору фильма, корреспонденту НТВ А. Поборцеву эта ситуация знакома изнутри. Многих из тех, о ком фильм, он знает лично. В 1988 г. после окончания Московского государственного института иностранных языков им. Мориса Тереза (МГИИЯ) по специальности «переводчик с португальского и английского языков» он был отправлен в составе советских советников и специалистов в Анголу, где служил до 1990 г. Он сам был участником событий и попытался рассказать об этой «тайной войне» в своем проекте. Его фильм «Секретная Африка. Выжить в саванне» не столько о советском прошлом, сколько о наболевшем настоящем: о статусе и положении участников боевых действий и вооруженных конфликтов в РФ.

Другой фильм этой группы «Они хотели меня взорвать. Исповедь русского моряка» рассказывает о подвиге советских моряков: Максима Иванова (в 1986 г. старший лейтенант, командир минно-торпедной боевой части БПК¹⁶ «Стройный»); Юрия Пляченко (в 1986 г. командир отряда по борьбе с подводными диверсионными силами и средствами Черноморского флота, капитан 1 ранга в отставке); Олега Васильева (в 1986 г. командир ракетно-артиллерийского вооружения БПК «Стройный»), — которые предотвратили диверсию по подрыву советских судов с боеприпасами и вооружением в ангольском порту Намибе, предназначенных для организации самого масштабного за все время войны наступления правительственных войск НРА¹⁷.

¹⁶ Большой противолодочный корабль.

¹⁷ Документальные фильмы 12+ // Официальный сайт 1 канала. URL: <https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/doc/pro-voynu/oni-hoteli-menya-vzorvat-ispoved-russkogo-moryaka-dokumentalnyy-film>

Это фильм-биография и фильм — реконструкция событий, для воссоздания которых использовались воспоминания участников с двух сторон: советских моряков и бывших южноафриканских диверсантов Доу Штейна (в 1986 г. командир 4-го специального разведывательного дивизиона военно-морских сил ЮАР) и Йохана Эстера (в 1986 г. военнослужащий 4-го специального разведывательного дивизиона военно-морских сил ЮАР). Съёмочная группа побывала в Анголе и ЮАР, стала свидетелем исторической встречи между М. Ивановым и его бывшими противниками. Эти юаровские диверсанты предоставили для съёмок соответствующее оборудование и даже макеты тех самых мин, которые они устанавливали в 1986 г. на советские суда. Авторы фильма с точностью до деталей реконструировали ход диверсионной операции «Морская лиса» и действия М. Иванова, который, рискуя жизнью, погружался в холодную воду и устанавливал места, где еще остались неразорвавшиеся мины, которые могли сработать в любую минуту. Ценой невероятных усилий мины были сняты, а груз спасен. Это был настоящий подвиг советских моряков, которым позже восхищались их тогдашние враги.

3. *Повествательно-образовательные фильмы*, цель которых — на примере Анголы показать глобальное противостояние СССР – США в годы холодной войны. Они построены на кадрах кинохроники и мнениях экспертов. Таковым является фильм «Битва империй: Ангола» (СЛ «Медиа», 2011)¹⁸. Это десятиминутные ролики, посвященные отдельным сюжетам войны в Анголе.

Что касается контента, то большинство фильмов построено на объективной информации: богатом фактическом материале, статистике по соотношению сил, вооружению, почерпнутой прежде всего из воспоминаний участников событий. В разных фильмах набор этих участников разнится. В фильме «Красная Африка: неизвестная война в Анголе (1975–1992)» в роли интервьюируемых выступают бывший заместитель министра иностранных дел СССР (1986–1990) А. Л. Адамишин, в его ведение тогда входили гуманитарные и культурные связи нашей страны, а также Африка; советские военные специалисты, служившие в Анголе: И. Ждаркин, А. Григорович, В. Гаврилов, сражавшийся на стороне унитовских наемников А. Анатоля.

В фильме «Ангола: война, которой не было...» используются воспоминания И. Ждаркина, В. Груздева, В. Сагачко, С. Коломнина, Ю. Белова, Н. Пестрецова. В своем расследовании об участии СССР в войне в Анголе авторы фильма «Военные миссии особого назначения — Ангола» используют интервью с С. Ремезовым, С. Коломниным, А. Токаревым, Г. Булгаковым, В. Сагачко, С. Шейко, М. Поваляевым и др.

Интервью в неигровом кино играет особую роль. Помимо слов важное значение приобретают мимика и жесты интервьюируемых, их внешний вид,

¹⁸ Фильм 1. URL: <https://yandex.ru/video/preview/4522790376578729932>; Фильм 2. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17358280846809343987>; Фильм 3. URL: <https://yandex.ru/video/preview/14721726498137970950> (дата обращения: 23.01.2024).

антураж и многие другие факторы, которые создают целостный образ. Задача документалиста заключается не только в проработке вопросов и обработке ответов, но и в акцентах, которые следует тщательно расставить. Благодаря этому у зрителей формируется доверительное отношение к экспертам, поскольку, будучи вовлеченными в военные действия, в кадре они интересны прежде всего как личности. Важно, что среди интервьюируемых представлены разные специалисты: это и военные переводчики, специалисты разных родов войск, морские офицеры, дипломаты.

Для придания еще большей объективности информации экспертов авторы фильмов обращают внимание зрителей на их сегодняшний статус. Среди интервьюированных есть и ученые с научной степенью (А. Токарев), и сотрудники музеев (в частности, заведующий сектором Музея вооруженных конфликтов РФ), и авторы монографий и научных публикаций (например, С. Коломнин). Имеет большое значение, что события в некоторых фильмах анализируются с двух сторон: с точки зрения советских военных и их бывших противников из УНИТА, что позволяет получить более полную и достоверную информацию, помогает зрителю ощутить накал борьбы.

События войны показаны в динамике, акцент сделан на наиболее важных событиях конфликта: сражении при Куито-Куанавале (1987 г.). Расследование проводится с использованием кадров кинохроники, любительских и журналистских видео- и фотодокументов. Киноленты демонстрируют особенности ведения боевых действий в условиях жаркой африканской саванны и открытой местности, где все как на ладони. В фильмы попал разноплановый материал: это и африканские пейзажи, экзотические кадры жизни и быта ангольских племен; выступления ангольских лидеров, кинохроника их встреч и официальных визитов; кадры повседневной жизни советских военных (планирование боевых операций, обучение ангольской армии, ремонт поставляемой военной техники и пр.); фрагменты боевых действий (артиллерийская стрельба, танки, бронемашин, боевые корабли, полеты боевых вертолетов и авиации, стрельба из автоматов и пр.); юаровская разбитая техника, разрушенные здания, трупы вражеских солдат. Эти кадры призваны показать сложности той обстановки, в которой оказались посланцы нашей страны.

Поскольку в СССР советское присутствие в Анголе не афишировалось и не находило отражения в СМИ, сейчас ощущается острый дефицит кинематографического материала тех лет, который современные режиссеры дополняют любительскими кадрами, снятыми участниками событий, современными видами тех мест, где проходила служба советских военнослужащих, крупными планами ветеранов Ангольской войны.

Из световых решений в некоторых фильмах используется контрастность кадров. Война показана в черно-серых тонах черно-белой кинохроники, нередко эти кадры любительской камеры низкого качества контрастируют с яркими, сочными кадрами сегодняшней мирной жизни, отснятыми профессиональными

операторами. Этот прием позволяет погрузить зрителя в атмосферу войны, осознать, как нелегко пришлось ангольскому народу и нашим соотечественникам отстаивать свободу и независимость этого государства.

Интересны художественные образы, созданные кинематографистами: образ ангольцев — братьев по оружию — сугубо положительный, именно советские офицеры научили эти племена профессионально воевать, оснастили НРА современными видами вооружений, превратив ее армию в способную побеждать, сильнейшую на Африканском континенте.

Унитовцы предстают сильными, достойными врагами, оснащенными США по последнему слову техники, очень жестокими, ненавистными оккупантами, которые не дают ангольцам строить справедливое общество. Но даже они спустя годы вынуждены признать силу и мощь советской военной машины, высокий профессионализм и мужество русских людей.

Заключение. Большинство фильмов вписывается в официальный дискурс о советском героическом прошлом, утверждая идеи мужества и героизма советских людей, их самоотверженность и преданность делу. Эти документальные проекты призваны возродить интерес российских зрителей к истории Африканского континента, рассказать правду о той секретной войне, привлечь внимание общества к советскому героическому прошлому, воспитать патриотизм и любовь к родине, которая всегда была на стороне обездоленных и угнетенных.

Авторы достаточно объективно объясняют причины конфликта, которые они видят в начавшемся после деколонизации Анголы противостоянии трех сил: Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) во главе с А. Нето, Фронта за национальное освобождение Анголы (ФНЛА) во главе с Г. Роберто и Национального союза за освобождение Анголы (УНИТА) во главе с Ж. Савимби. В условиях противостояния двух систем в гражданскую войну оказались втянуты внешние силы, в частности США, поддержавшие ЮАР и УНИТА; Советский Союз и Куба, сделавшие ставку на МПЛА.

Чувствуется авторская позиция: симпатии авторов на стороне ветеранов Ангольской войны, которые незаслуженно забыты современной властью.

В целом фильмы формируют положительную оценку советского присутствия в Анголе. Главная заслуга советских военных видится авторам фильмов в создании боеспособных вооруженных сил НРА, воспитании современной ангольской военной элиты, которые сумели отстоять свободу и независимость своей страны.

В заключении нескольких фильмов эта мысль подтверждается словами благодарности официальных лиц НРА и кадрами теплой встречи, которая была оказана нашим соотечественникам — ветеранам войны в Анголе в местах их воинской службы.

Фильмы адресованы широкой аудитории, но понятно, что разные поколения россиян воспринимают содержащуюся в них информацию по-разному.

В отличие от авторов фильмов и их участников, которые принадлежат к советскому поколению и во многом разделяют ценности советской эпохи, современной молодежи, но по нашему мнению, непонятно, зачем и почему наши граждане воевали и гибли в чужой стране. Молодые россияне не разделяют ценности интернационализма и не осознают накала биполярного противостояния, имевшего место в годы холодной войны. В связи с этим сложно оценить воспитательный потенциал этих проектов, насчитывающих только в Интернете несколько сотен тысяч просмотров, что тем не менее свидетельствует о явном интересе современных людей к историческому прошлому своей страны.

Литература

1. Беспасва М. И. Образ в документальном кино // *Apriori*. Серия: Гуманитарные науки: электронный научный журнал. 2015. Вып. 2. URL: <http://www.apriori-journal.ru/seria1/2-2015/Bespaeva.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).
2. Блышко Д. В. Монтаж реальности: концепции истории повседневности в постсоветской документалистике // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 3 (148). Т. 2. С. 15–19.
3. Бэдди Х. Техника документального кинофильма / сокр. пер. с англ. Ю. Л. Шер. М.: Искусство, 1972. 240 с.
4. Волков Е. В. Образы Севастополя периода Второй мировой войны в советском игровом кино // *Вестник ЮУрГУ*. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 3. С. 10–16.
5. Грей Г. Кино: Визуальная антропология / пер. с англ. М. С. Неклюдовой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 208 с.
6. Григорьева И. В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2017. 310 с.
7. Дашкова Т. Любовь и быт в советских кинофильмах 1930–1950-х годов // Дашкова Т. Телесность – идеология – кинематограф: Визуальный канон и советская повседневность. М.: НЛО, 2013. С. 80–94.
8. Димони Т. М. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х годов // *Отечественная история*. 2003. № 6. С. 91–101.
9. Джулай Л. Документальный иллюзион. Отечественный кинодокументализм – опыты социального творчества. М.: Материк, 2005. 240 с.
10. Звонарева М. С. Документальное кино как исторический источник: особенности анализа и интерпретации // *Локус: люди, общества, культуры, смыслы*. 2019. № 3. С. 98–107.
11. Зоркая Н. М. Визуальные образы войны [Электронный ресурс] // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://lib.vkarp.com/2015/05/18/зоркая-нея-визуальные-образы-войны/> (дата обращения: 15.03.2023).
12. Казючиц М. Ф. Трансформация зрелищных стереотипов на малом экране: неигровые телеформаты США и Канады 1960-х гг. // *Наука телевидения*. 2017. № 13.4. С. 55–67.
13. Короткова А. Е. Деконструкция представления о достоверности кинодокумента в российском кино начала 1990-х годов // *Артикульт*. 2014. № 1 (13). С. 56–64.

14. Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 1–10. DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6
15. Листов В. С. История смотрит в объектив. М.: Искусство, 1974. 220 с.
16. Магидов В. М. Зримая память истории. О документальном кино в СССР. М.: Советская Россия, 1984. 140 с.
17. Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 450 с.
18. Мазур Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 95–109.
19. Мазур Л. Н. Образы сельской истории в советском художественном кинематографе 1920–1991 гг.: опыт количественного анализа // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 282–302.
20. Мазур Л. Н., Горбачев О. В. Визуальные репрезентации религиозной жизни советского общества в художественном кинематографе 1920–1980-х гг.: источниковедческий анализ // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 3 (1). С. 40–52.
21. Малькова Л. Ю. Современность как история: реализация мифа в документальном кино. М.: Материк, 2001. 188 с.
22. Мuryюкина Е. В. Герменевтический анализ документальных фильмов (1991–2017) на школьную и студенческую тему // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2017. № 4. С. 228–242.
23. Немченко Л. М. Мобилизация: от мира к войне (особенности кинопропаганды на материале документального фильма «Урал кует победу» и киножурнала «Советское искусство») // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. № 2 (37). С. 99–105. DOI: 10.17072/2219-3111-2017-2-99-105
24. Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 82–99.
25. Скрылева Е. В. О художественном пространстве неигрового кино // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15 (58). С. 102–109.
26. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57.
27. Banks M. Visual methods in social research. London: Sage, 2001. 219 p.
28. Barnouw E. Documentary: A history of the non-fiction film. London etc.: Oxford univ. press, 1976. VI, 332 p.

References

1. Bespaeva M. I. Obraz v dokumental'nom kino [Character in documentary film] // Apriori. Seriya: Gumanitarnye nauki: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2015. Iss. 2. URL: <http://www.apriori-journal.ru/serial/2-2015/Bespaeva.pdf> (access date: 15.03.2023). (In Russ.).
2. Blyshko D. V. Montazh real'nosti: kontseptsii istorii povsednevnosti v postsovetskoi dokumentalistike [Construction of reality: concepts of daily life history in post-Soviet documentary filmmaking] // Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities. 2015. № 3 (148). Vol. 2. P. 15–19. (In Russ.).
3. Baddeley W. H. Tekhnika dokumental'nogo kinofil'ma / sokrashchennyi perevod s angliiskogo Iu. L. Sher [The technique of documentary film production]. Moscow: Iskusstvo, 1972. 240 p. (In Russ.).

4. Volkov E. V. Obrazy Sevastopolia perioda Vtoroi mirovoi voiny v sovetskom igrovom kino [Wold war II images of Sevastopol in Soviet movie] // Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities. 2015. Vol. 15. № 3. P. 10–16. (In Russ.).
5. Gray G. Kino: Vizual'naia antropologiya [Cinema: a visual anthropology] / perevod s angliiskogo M. S. Nekliudovoi. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 208 p. (In Russ.).
6. Grigor'eva I. V. Istochnikovedenie novoi i noveishei istorii stran Evropy i Ameriki: uchebnoe posobie [Source studies of the new and modern history of the countries of Europe and America]. Moscow: INFRA-M, 2017. 310 p. (In Russ.).
7. Dashkova T. Liubov' i byt v sovetskikh kinofil'makh 1930–1950-kh godov [Love and everyday life in Soviet films of the 1930s and 1950s] // Dashkova T. Telesnost' – ideologiya – kinematograf: Vizual'nyi kanon i sovetskaia povsednevnost'. Moscow: NLO, 2013. P. 80–94. (In Russ.).
8. Dimoni T. M. «Predsedatel'»: sud'by poslevoennoi derevni v kinokartine pervoi poloviny 1960-kh godov [“The Chairman”: the fortunes of the postwar countryside in Soviet movies of the first half of the 1960s] // Otechestvennaia istoriia. 2003. № 6. P. 91–101. (In Russ.).
9. Dzhulai L. Dokumental'nyi illiuzion: otechestvennyi kinodokumentalizm — opyty sotsial'nogo tvorchestva [Documentary illusion: Domestic documentary filmmaking — experiences of social creativity]. Moscow: Materik, 2005. 240 p. (In Russ.).
10. Zvonareva M. S. Dokumental'noe kino kak istoricheskii istochnik: osobennosti analiza i interpretatsii [Documentary as a historical source: Specificities of analysis and interpretation] // LOCUS: People, Society, Culture, Meanings. 2019. № 3. P. 98–107. (In Russ.).
11. Zorkaya N. M. Vizual'nye obrazy voiny [Visual images of war] // Neprikosnennyi zapas. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://lib.vkarp.com/2015/05/18/zorkaya-neya-vizual'nye-obrazy-voyny/> (access date: 15.03.2023). (In Russ.).
12. Kazyuchits M. F. Transformatsiia zrelishchnykh stereotipov na malom ekrane: neigrovye teleformaty SShA i Kanady 1960–kh gg. [Transformation of visual stereotypes on TV: nonfictional TV-formats of the USA and Canada of the 1960s] // The Art and Science of Television. 2017. № 13.4. P. 55–67. (In Russ.).
13. Korotkova A. E. Dekonstruksiia predstavleniia o dostovernosti kinodokumenta v rossiiskom kino nachala 1990-kh godov [Deconstructing the notion of authenticity of the documentary in the Russian cinema of the beginning of the 1990s] // Art & Cult. 2014. № 1 (13). P. 56–64.
14. Kulakova A. B. Pokolenie Z: teoreticheskii aspekt [Generation Z: Theoretical aspect] // Territorial development issues. 2018. № 2 (42). P. 1–10. DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6 (In Russ.).
15. Listov V. S. Istoriia smotrit v ob'ektiv [History looks into the lens]. Moscow: Iskusstvo, 1974. 220 p. (In Russ.).
16. Magidov V. M. Zrimaia pamiat' istorii. O dokumental'nom kino v SSSR [The visible memory of history. About documentary films in the USSR]. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 2004. 140 p. (In Russ.).
17. Magidov V. M. Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniia [Film and photographic documents in the context of historical knowledge]. Moscow: RGGU, 2005. 450 p. (In Russ.).

18. Mazur L. N. «Vizual'nyi povorot» v istoricheskoi nauke na rubezhe XX–XXI vv.: v poiskakh novykh metodov issledovaniia [“The visual turn” in historical sciences at the late XXth – early XXIth: the search of new research methods] // Dialogue with Time. 2014. Iss. 46. P. 95–109. (In Russ.).
19. Mazur L. N. Obrazy sel'skoi istorii v sovetskom khudozhestvennom kinematografe 1920–1991 gg.: opyt kolichestvennogo analiza [The images of rural history in Soviet cinema of 1920–1991: quantitative analysis] // Dialogue with Time. 2013. Iss. 43. P. 282–302. (In Russ.).
20. Mazur L. N., Gorbachev O. V. Vizual'nye reprezentatsii religioznoi zhizni sovetskogo obshchestva v khudozhestvennom kinematografe 1920–1980-kh gg.: istochnikovedcheskii analiz [Art cinema as a historical source to study religious life of Soviet society] // Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2013. № 3 (1). P. 40–52. (In Russ.).
21. Mal'kova L. Yu. Sovremennost' kak istoriia: realizatsiia mifa v dokumental'nom kino [Modernity as history: the realization of myth in documentary films]. Moscow: Materik, 2001. 188 p. (In Russ.).
22. Muryukina E. V. Germenevticheskii analiz dokumental'nykh fil'mov (1991–2017) na shkol'nuiu i studencheskuiu temu [Hermeneutic analysis of the Russian documentaries films (1991–2017) on school and student topic] // Crede Experto: transport, society, education, language. 2017. № 4. P. 228–242. (In Russ.).
23. Nemchenko L. M. Mobilizatsiia: ot mira k voine (osobennosti kinopropagandy na materiale dokumental'nogo fil'ma «Ural kuet pobedu» i kinozhurnala «Sovetskoe iskusstvo») [Mobilization: from peace to war (features of filmed propaganda in the newsreel “Soviet Art” and documentary film “Ural forges Victory”)] // Perm University Herald. History. 2017. № 2 (37). P. 99–105. DOI: 10.17072/2219-3111-2017-2-99-105. (In Russ.).
24. Repina L. P. Sobytiia i obrazy proshlogo v istoricheskoi i kul'turnoi pamiati [Events and images of the past in historical and cultural memory] // The New Past. 2016. № 1. P. 82–99. (In Russ.).
25. Skryleva E. V. O khudozhestvennom prostranstve neigrovogo kino [About the art space of the non-fictional cinema] // RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series. 2010. № 15 (58). P. 102–109. (In Russ.).
26. Ferro M. Kino i istoriia [Cinema and history] // Voprosy istorii. 1993. № 2. P. 47–57. (In Russ.).
27. Banks M. Visual methods in social research. London: Sage, 2001. 219 p.
28. Barnouw E. Documentary: A history of the non-fiction film. London etc.: Oxford univ. press, 1976. VI, 332 p.

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.12

Гурин Григорий Геннадьевич

аспирант

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

guringg@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-4070-4905

СВЕРЖЕНИЕ ИРАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1953 г.: ОПЕРАЦИЯ «АЯКС» В ОТРАЖЕНИИ РАССЕКРЕЧЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Аннотация. В статье рассматривается подготовка и реализация операции по свержению демократически избранного правительства М. Мосаддыка в Иране в 1953 г. Проанализирована ситуация с кризисом вокруг иранской нефти, в рамках которого Великобритания исчерпала экономические и дипломатические пути возвращения Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК) под свой контроль. На примере переписки американских президентов раскрыта двойная политика Соединенных Штатов Америки, которые стремились подтолкнуть Иран к заключению невыгодного соглашения вокруг АИНК. Публичные заверения со стороны США в поддержке иранского курса на независимую политику и гарантию суверенитета сопровождались тайной подготовкой операции «Аякс». На основе рассекреченных телеграмм и других дипломатических документов Государственного департамента США показана роль американских дипломатов и сотрудников спецслужб в перевороте августа 1953 г. Рассекреченные в 2017 г. документы по операции «Аякс» описывают номинальную роль шаха в антиправительственных выступлениях.

В выводах исследования продемонстрированы последствия тайного силового вмешательства Соединенных Штатов, которые на несколько десятилетий получили лояльное шахское правительство, но одновременно с этим заложили фундамент революции 1979 г.

Ключевые слова: Иран, США, «Аякс», Мосаддык, АИНК, ЦРУ, вмешательство, переворот.

Для цитирования: Гурин Г. Г. Свержение иранского правительства в 1953 г.: операция «Аякс» в отражении рассекреченных документов Соединенных Штатов // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 166–177. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.12

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.12

Gurin Grigorii G.

Postgraduate Student

Moscow City University

Moscow, Russia

guringg@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-4070-4905

OVERTHROW OF THE IRANIAN GOVERNMENT IN 1953: OPERATION “AJAX” IN THE REFLECTION OF DECLASSIFIED DOCUMENTS OF THE UNITED STATES

Abstract. The article discusses the preparation and implementation of the operation to overthrow the democratically elected government of M. Mosaddegh in Iran in 1953. The article analyzes the situation with the crisis around Iranian oil, in which the UK has exhausted economic and diplomatic ways to return the Anglo-Iranian Oil Company under its control. Using the example of the correspondence of American presidents, the double policy of the United States, which sought to push Iran to conclude an unfavorable agreement around the AINK, is revealed. Public assurances from the United States in support of the Iranian course towards an independent policy and a guarantee of sovereignty were accompanied by secret preparations for Operation Ajax. Based on declassified telegrams and other diplomatic documents of the US State Department, the role of American diplomats and intelligence officers in the coup of August 1953 is shown. Documents declassified in 2017 on Operation Ajax describe the nominal role of the shah in anti-government protests.

The conclusions of the study demonstrate the consequences of the secret military intervention of the United States, which for several decades received a loyal Shah's government, but at the same time laid the foundation for the 1979 revolution.

Keywords: Iran, USA, “Ajax”, Mosaddegh, AINK, CIA, intervention, coup.

For citation: Gurin G. G. Overthrow of the Iranian government in 1953: operation “Ajax” in the reflection of declassified documents of the United States // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 1 (53). P. 166–177. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.12

Введение. Долгое время документы, связанные со свержением демократически избранного правительства М. Мосаддыка в Иране в 1953 г., были засекречены и специалистам приходилось изучать операцию «Аякс», не имея первоисточников¹. Более того, Великобритания

¹ Глазунова Е. Н. Государственный переворот 1953 года в Иране и современные американо-иранские отношения (по материалам научной дискуссии в США) // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 179.

и США десятилетиями опровергали свою роль в ней, подчеркивая, что смена власти в Иране произошла исключительно под влиянием внутренних системных противоречий.

Американская историография в целом выстраивалась в соответствии с версией главы ЦРУ А. Даллеса, заявлявшего, что переворот был организован и реализован шахом, которого США подтолкнули к этому действию². А. Согомонян подчеркивает, что «переворот не увенчался бы успехом, если бы М. Мосаддык не утратил доверие иранского общества»³. Теодор Л. Леонхардт в диссертационном исследовании, посвященном операции «Аякс», определяет силовое вмешательство Соединенных Штатов как стратегическую операцию, по своей сути сравнимую с оккупацией Ирана в годы Второй мировой войны с целью лишения Гитлера иранской нефти⁴.

В западной историографии наиболее широко распространена точка зрения, что прямое участие США в свержении популярного правительства М. Мосаддыка негативно повлияло не только на отношения с Ираном после революции 1979 г., но и сформировало устойчивые антиамериканские настроения в регионе, которые сильны и по сей день⁵.

Новый виток общественной дискуссии вокруг рассекречивания архивных документов ЦРУ начался после окончания холодной войны и распада Советского Союза. В западной прессе стали все чаще звучать нарративы о новом периоде «открытости» ЦРУ, которое больше не занимается вмешательством во внутренние дела суверенных государств⁶. Сам процесс раскрытия архивов был инициирован в первую очередь в рамках внутривнутриполитического процесса повышения контроля над деятельностью американских спецслужб и повышения доверия к ним со стороны гражданского общества. При этом общие расходы ЦРУ на проведение операции официально не опубликованы и по сей день.

Американский исследователь Уоррен Кимболл подчеркивает, что специфика разведывательной деятельности не подразумевает раскрытия чувствительной информации, которая и через десятилетия может нанести ущерб США⁷.

² *Stewart S.* The gilded age: Allen W. Dulles and the CIA // *Vanderbilt Historical Review*. 2016. Vol. 2016. Summer. P. 57.

³ *Soghomonyan H.* The 1953 coup in Iran and the role of Great Britain in it // *Bulletin of the Institute of Oriental studies*. 2022. T. 2. P. 111–123.

⁴ *Leonhardt T. L.* Desperate measures: Truman, Eisenhower, and the lead-up to operation *Ajax*. Durham: Duke University Press, 2015.

⁵ *Kim J.* The first American secret war: assessing the origins and consequences of operation AJAX in Iran // *International Area Studies Review*. 2006. Vol. 9. Iss. 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/254097687_The_First_American_Secret_War_Assessing_the_Origins_and_Consequences_of_Operation AJAX_in_Iran (дата обращения: 24.07.2023).

⁶ *Weiner T.* Files and whispers: the C.I.A. opens its safe: week in review // *The New York Times*. 1993. 29 Aug. URL: <https://www.nytimes.com/1993/08/29/weekinreview/files-and-whispers-the-cia-opens-its-safe.html> (дата обращения: 24.07.2023).

⁷ *Kimball W. F.* “And ye shall know the truth, and the truth shall make you free”. Openness and the CIA // *Studies in Intelligence*. 2000. Vol. 44. № 2. P. 21–25. URL: <https://sgp.fas.org/eprint/kimball.html> (дата обращения: 24.07.2023).

Учитывая приостановку Соединенными Штатами попыток улучшить отношения с Ираном, информация об операции «Аякс» в ближайшее время вряд ли будет рассекречена в полном объеме.

В России интерес к событиям августа 1953 г. также рос по мере рассекречивания документов ЦРУ. По мнению Е. Н. Глазуновой, «решающим фактором иранской драмы шестидесятилетней давности стало вмешательство внешних сил» — США и Великобритании⁸. А. А. Кошечков отмечает, что иранские военные были прямо заинтересованы в более тесном сотрудничестве с США, которое могло быть обеспечено политикой шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Весной 1953 г. «командующий иранскими ВВС генерал Х. Гиляншах предложил помощнику военно-морского атташе США в Тегеране идею военного переворота»⁹. С. М. Алиев посвятил операции «Аякс» отдельный параграф в своем фундаментальном исследовании «История Ирана XX век». По его мнению, «чрезвычайное место в этих событиях занимало то, что в подготовку переворота включились сам шах и президент США, а также руководители американских военных миссий, члены дипломатического корпуса НАТО, прежде всего США и Великобритании»¹⁰. При этом исследователь отмечает, что к моменту переворота премьер-министр потерял поддержку части политически активных иранцев. А. Б. Громов также указывает на заметную роль США и Великобритании в иранских событиях 1953 г. и считает, что решение президента Эйзенхауэра провести тайную военную операцию было продиктовано в том числе соображениями недопущения сближения Ирана и СССР и образования советского плацдарма на Востоке¹¹. В. В. Согрин утверждает, что конгресс США выделил на проведение операции 10 млн долларов, в первую очередь на подкуп участников уличных беспорядков¹². Д. Ергин в традициях западной историографии отмечает, что свержение правительства М. Мосаддыка было неизбежным: «Операция “Аякс” была успешна из-за того, что совпала с ростом популярности шаха и с разочарованием в Мосаддыке, который хотел сменить режим и сместить шаха, став единоличным правителем»¹³.

Таким образом, в настоящее время в историографии существуют две точки зрения. Часть авторов утверждают, что свержение М. Мосаддыка было неизбежно и обусловлено внутренними причинами. Другие же исследователи считают, что отстранение от власти премьер-министра было бы невозможно без активного вмешательства извне. При этом через 69 лет после операции

⁸ Глазунова Е. Н. К вопросу о соотношении внутренних и внешних факторов в государственном перевороте в Иране 1953 г. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 203.

⁹ Кошечков А. А. Жаркий август 1953-го в Тегеране: заговор генералов // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 23.

¹⁰ Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004. С. 294.

¹¹ Громов А. Б. Иран. От Кира Великого до аятоллы Хомейни. М., 2022. С. 490

¹² Согрин В. В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015. С. 354.

¹³ Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / пер. с англ. М., 2022. С. 503.

участие в ней признали только США, Великобритания до сих пор не сделала никаких заявлений на официальном уровне. В данной работе предпринята попытка раскрыть двойную политику Англии и Соединенных Штатов Америки в 1953 г., которые, публично заявляя о необходимости мирного разрешения кризиса в Иране, подготовили силовую операцию по свержению правительства страны.

Ход и результаты исследования. К началу 1953 г. обострилась борьба за контроль над иранской нефтяной промышленностью. К этому моменту в Иране уже была проведена национализация АИНК, на которую Великобритания ответила обращением в Международный суд и установлением эмбарго на нефть, добываемую компанией.

Премьер-министр М. Мосаддык старался играть на опасениях Великобритании и США, что Иран окончательно уйдет в зону влияния Советского Союза, который, зная о стремлении иранской стороны разорвать несправедливое концессионное соглашение 1933 г., выступал с предложением равноправного договора¹⁴. С начала 1950-х гг. М. Мосаддык вел переписку с президентом США Г. Трумэн. В письме от 11 июля 1951 г. он отмечал, что «правительство и народ Ирана признают правительство и народ Соединенных Штатов в качестве твердых сторонников права и справедливости»¹⁵, систематически упоминая при этом о помощи со стороны США в противостоянии с Великобританией.

Состоявшийся осенью 1951 г. визит премьер-министра Ирана в Вашингтон также не принес ожидаемых результатов. Г. Трумэн 14 ноября 1951 г. писал М. Мосаддыку: «Просьба о финансовой помощи, я уверяю вас, будет тщательно рассмотрена в свете хорошо известного желания Соединенных Штатов оказать помощь народу Ирана. Я уверен, что вы понимаете, что это очень сложный вопрос, и, хотя ваша просьба будет рассмотрена в кратчайшие сроки, до вашего отъезда недостаточно времени для принятия какого-либо решения»¹⁶.

В целом политику правительства Соединенных Штатов в период президентства Г. Трумэна в отношении иранского нефтяного кризиса можно охарактеризовать как достаточно сдержанную: на этом этапе американцы полагали, что договориться с М. Мосаддыком возможно и необходимости силового вмешательства нет.

34-й президент США Д. Эйзенхауэр, вступивший в должность в начале 1953 г., продолжил переписку с иранским премьер-министром. К лету этого года ситуация вокруг иранской нефти обострилась до предела: вера Англии и США в договороспособность М. Мосаддыка исчезла. Великобритания, исчерпав

¹⁴ Кочешков А. А. Нефть и охлаждение советско-иранских отношений на раннем этапе «Холодной войны» в 40–50 гг. XX в. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2009. № 3. С. 72.

¹⁵ Text of letter from Mohammed Mossadegh to Harry S. Truman. July 11, 1951. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/text-letter-mohammed-mossadegh-harry-s-truman> (дата обращения: 25.07.2023).

¹⁶ Letter from Harry S. Truman to Prime Minister Mohammad Mossadegh, with related material. November 14, 1951. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/letter-harry-s-truman-prime-minister-mohammad-mossadegh-related-material> (дата обращения: 25.07.2023).

возможности влиять на ситуацию экономическими и дипломатическими мерами, всерьез рассматривала вариант силового свержения иранского правительства. В этом контексте примечательно письмо Д. Эйзенхауэра, отправленное 29 июня 1953 г., в котором американский президент характеризует финансовую помощь Ирану или покупку иранской нефти, на которую действует эмбарго, как не отвечающую интересам американского народа. При этом главной причиной отказа названа неспособность Ирана и Соединенного Королевства урегулировать кризисную ситуацию. В конце письма Д. Эйзенхауэр подчеркивает, что «в случае, если Иран этого пожелает, правительство Соединенных Штатов надеется, что сможет продолжать оказывать техническую и военную помощь на основе, сопоставимой с той, которая была предоставлена в прошлом году». Президент США отмечал озабоченность М. Моссадыка «в связи с нынешней опасной ситуацией в Иране» и выражал надежду «что, прежде чем станет слишком поздно, правительство Ирана предпримет такие шаги, которые находятся в его силах, чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение этой ситуации»¹⁷.

В то же время уже с весны 1953 г. американцами обсуждался план свержения иранского правительства. К апрелю Д. Уилбером в сотрудничестве с МИ-6 был разработан план операции¹⁸. Согласно американским документам, шах, с которым постоянно общались представители посольства США в Тегеране, долгое время не был готов к решительным действиям. В секретной телеграмме 788.00/3–1453 от 14 марта 1953 г. посла Соединенных Штатов в Иране Л. Хендерсона действия шаха в отношении правительства определены как «пассивное сопротивление»¹⁹.

Как уже отмечалось, рассекречивание информации об операции «Аякс» проводилось в несколько этапов. В контексте рассматриваемых событий интерес представляет дата, когда президент Д. Эйзенхауэр одобрил силовое вмешательство. Согласно версии отчета Д. Уилберга и документам, входящим в «Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Iran, 1951–1954, Volume X», это 11 июля 1953 г., т. е. на момент переписки с М. Мосаддыком президент Соединенных Штатов еще не одобрил проведение силовой операции, планирование которой было завершено только к июню 1953 г.

Тем не менее остается фактом, что политика США носила двойственный характер: с одной стороны, в общении с М. Мосаддыком Д. Эйзенхауэр заявлял,

¹⁷ Exchange of messages between the President and Prime Minister Mossadegh on the oil situation and the problem of aid to Iran. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/exchange-messages-between-the-president-and-prime-minister-mossadegh-the-oil-situation-and> (дата обращения: 25.07.2023).

¹⁸ *Scott A. Koch*. «Zendeabad, Shah!»: The Central Intelligence Agency and the fall of Iranian Prime Minister Mossadeq, August 1953 (June, 1998). URL: <https://archive.org/details/Zendeabad-Shah-Iran-Coup-1953> (дата обращения: 26.07.2023).

¹⁹ 788.00/3–1453: Telegram (Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Iran, 1951–1954, Volume X) // Office of the Historian: сайт. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v10/d320#fn:1.7.4.8.474.14.6> (дата обращения: 26.07.2023).

что его государство заинтересовано в сохранении Ираном независимости и реализации своих национальных интересов, а с другой — ЦРУ активно искало силы, на которые можно опереться при осуществлении смещения правительства Народного фронта во главе с М. Мосаддыком. Более того, президент США отметил, что «правительство Соединенных Штатов надеется, что сможет продолжать оказывать техническую и военную помощь на условиях, сопоставимых с теми, которые были в прошлом году»²⁰.

В телеграмме № 888.2553/3–1353 от 13 марта 1953 г. Д. Даллес, брат главы ЦРУ А. Даллеса, прямо заявлял, что «правительство США будет продолжать неофициально препятствовать отправке американских техников для оказания помощи в восстановлении иранской нефтяной промышленности, хотя признается, что может быть трудно, если не невозможно, предотвратить трудоустройство определенного числа американских техников по частным контрактам». Телеграмма завершалась фразой «однако у нас нет никаких нынешних планов на будущие переговоры»²¹.

В контексте подготовки операции «Аякс» интересны также действия Великобритании. Несмотря на то что усилия по возвращению контроля на АИНК велись исключительно в дипломатической и экономической сферах, силовой вариант разрешения кризиса вокруг иранской нефти всегда рассматривался британской стороной, но только при непосредственной поддержке Соединенными Штатами²². Однако администрация Г. Трумэна последовательно выступала против силового вмешательства. Победа на президентских выборах осенью 1952 г. Д. Эйзенхауэра ознаменовала новый этап активизации попыток Великобритании убедить США в необходимости провести операцию по свержению М. Мосаддыка.

Разрыв Ираном дипломатических отношений с Великобританией 22 октября 1952 г. также стал удачным предлогом для правительства снова начать дискуссию о проведении военной операции: «По словам Вудхауса, Иден сказал, что ни одна тайная операция не увенчается успехом, если у нее не будет американской поддержки». Вудхаус «воспринял свои слова как равносильные разрешению продолжить эту идею с американцами, особенно с ЦРУ»²³.

В марте 1953 г. произошла встреча представителей Госдепартамента США и министра иностранных дел Соединенного Королевства Э. Идена, темой которой стала ситуация в Иране. «Провал англо-иранских нефтяных переговоров изменил отношение американцев; Вашингтон теперь считал Мосаддыка источником нестабильности и опасался, что его дальнейшее пребывание у власти приведет к перевороту Туде (иранская коммунистическая партия)»²⁴. Переход Ирана в советскую зону влияния, как уже отмечалось ранее, был главным опасением

²⁰ 888.2553/3–1353: Telegram (Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Iran, 1951–1954, Volume X) // Office of the Historian: сайт. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v10/d319> (дата обращения: 26.07.2023).

²¹ Ibid.

²² Scott A. Koch. Op. cit.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

Соединенных Штатов. По сути, на этой встрече было достигнуто принципиальное решение, что М. Мосаддык должен быть смещен с поста премьер-министра.

Важным вопросом, касающимся смены правительства в Иране, стала фигура преемника М. Мосаддыка. В США рассматривались две основные кандидатуры: аятолла Кашани и генерал Фазлолла Захеда. ЦРУ склонялись к тому, что поддержка Кашани в меньшей степени отвечает интересам США. В свою очередь, генерал Захеда устраивал и Соединенные Штаты, и Соединенное Королевство. При этом, как отмечается в рассекреченных документах, он был реально готов участвовать в операции²⁵.

Шах Мохаммед Реза Пехлеви не считал генерала выдающимся деятелем, но справедливо соглашался, что Захеда является фигурой, которая сможет оптимально заменить на посту премьер-министра М. Мосаддыка²⁶. Даже допуская, что М. Мосаддык останется у власти, шах выражал надежду, что Иран в любом случае получит поддержку США.

К августу 1953 г. в совершенно секретной дипломатической переписке не раз звучало мнение, что перспективы силового свержения действующего правительства могут не реализоваться: нерешительность шаха, нестабильная ситуация в правительстве — это лишь некоторые факторы, которые могли оказать негативное влияние на проведение операции²⁷.

Окончательный план операции предполагал массированную информационную атаку против М. Мосаддыка. Необходимо было вбить клин между премьер-министром и Национальным фронтом и максимально дискредитировать главу правительства в глазах религиозных сторонников Кашани. Предполагалось выдвинуть против М. Мосаддыка обвинения в коррупции и симпатиях к партии Туде, а также организовать ряд уличных провокаций, и широко осветить их в подкупленных средствах массовой информации²⁸. Уличные протесты должны были стать предлогом для голосования в меджлисе по поводу отставки М. Мосаддыка, для этого также были подкуплены депутаты²⁹. В рамках операции необходимо было обнародовать указ шаха о назначении премьер-министром генерала Захеда. В телеграмме № 788.00/8–1753 от 17 августа 1953 г. посол Л. Хендерсон писал о желании шаха назначить генерала Захеда законным способом, а не по итогам переворота в противовес действиям премьер-министра, все больше игнорировавшего Конституцию Ирана³⁰.

²⁵ Ibid.

²⁶ 788.11/5–3053: Telegram (Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Iran, 1951–1954, Volume X).

²⁷ Ibid.

²⁸ *Mirak-Weissbach M.* A Persian tragedy: Mossadeq's fight for national sovereignty // Executive Intelligence Review. 2005. № 4. URL: https://larouchepub.com/other/2005/3243_mossadeq.html (дата обращения: 21.08.2023).

²⁹ *Scott A. Koch.* Op. cit.

³⁰ 788.11/5–3053: Telegram (Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Iran, 1951–1954, Volume X).

В целом можно отметить, что США и Великобритания провели основательную подготовку операции «Аякс». При этом участие шаха в свержении М. Мосаддыка признавалось необходимым условием, даже если это будет происходить против воли монарха³¹.

Тем не менее тщательная подготовка к операции на первоначальном этапе не дала ожидаемых результатов. В ночь на 16 августа организаторы свержения правительства М. Мосаддыка полагали, что попытка переворота не удалась. Маттисон докладывал в ЦРУ, что «важным элементом неудачного результата была общепринятая трудность в работе, когда он сталкивается с нынешней неспособностью Ирана к крупномасштабным организованным усилиям в подпольных условиях и когда он сталкивается с непредвиденными трудностями»³². Американское руководство приказало сотрудникам ЦРУ, организовавшим переворот, покинуть Иран. Тем не менее один из руководителей операции — К. Рузвельт — остался в стране и продолжал попытки переломить ситуацию.

Посол США в Ираке Б. Бертон 17 августа встретился с бежавшим Мохаммедом Реза Пехлеви. В телеграмме из Багдада № 788.00/8–1753 от 17 августа 1953 г. посол приводит содержание конфиденциальной беседы с шахом: «Он [шах] совершенно не понимает, почему план провалился. Доверенные должностные лица дворца были полностью уверены в его успехе». По всей видимости, Мохаммед Реза Пехлеви уже не рассчитывал вернуться на трон и сказал Б. Бертону, «что скоро будет искать работу, так как у него большая семья и очень маленькие средства за пределами Ирана»³³. Побег шаха абсолютно не входил в планы ЦРУ и значительно сократил шансы на успех операции.

Необходимо отметить, что в рамках противостояния премьер-министра и шаха обе стороны боялись потерять поддержку США из-за контактов с коммунистической партией Туде. Поэтому М. Моссадык, едва удержав контроль над ситуацией в стране, тут же обрушил репрессии на просоветские партии. После этого он решил, что контролирует ситуацию и прошахские силы не смогут перехватить инициативу и продолжить реализацию задуманного. Однако М. Моссадык ошибался. Бегство шаха из Ирана усугубило ситуацию. По случайному стечению обстоятельств в Риме его встретил глава ЦРУ А. Даллес, находившийся в отпуске. По мнению С. А. Коха, эта встреча не была специально организованной³⁴. В Вашингтоне считали, что Мохаммед Реза Пехлеви должен был выступить в СМИ и поблагодарить иранский народ за поддержку. На случай сомнений шаха были подготовлены аргументы, подтверждающие

³¹ The battle for Iran, 1953: re-release of CIA internal history spotlights new details about anti-Mosaddeq coup // The National Security Archive: сайт. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB476/> (дата обращения: 27.07.2023).

³² Telegram from the station in Iran to the Central Intelligence Agency, August 16, 1953 (Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Iran, 1951–1954 // Office of the Historian: сайт. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951-54Iran/d263> (дата обращения: 26.07.2023).

³³ Ibid.

³⁴ Scott A. Koch. Op. cit.

законность и обоснованность действий шаха. Его присутствие в столице было жизненно необходимо. А вторая волна народных выступлений, в которых важное место занимали заранее подкупленные бедняки, безработные и наркоманы, создавала хорошие перспективы для успеха операции «Аякс».

Наконец, 22 августа шах Мохаммед Реза Пехлеви вернулся в Иран. К этому моменту М. Мосаддык уже находился под стражей, а его правительство было свергнуто. Возвращение шаха в Иран было триумфальным: «Генерал Захеда наполовину вошел в самолет и поцеловал колено шаха, затем отступил от двери, чтобы позволить 34-летнему императору спуститься. Шах был одет в сине-серую форму главнокомандующего военно-воздушными силами с золотым шитьем, которая была специально доставлена самолетом в Багдад к его возвращению. Его глаза увлажнились, а рот был плотно сжат в попытке сдержать свои эмоции»³⁵.

Примечателен факт, что Д. Эйзенхауэр в своем письме от 26 августа 1953 г. новому премьер-министру Ирана Захеда писал о том, что «американский народ по-прежнему глубоко заинтересован в независимости Ирана и благополучии иранского народа». Непосредственное участие Соединенных Штатов в свержении М. Мосаддыка было названо в письме помощью³⁶.

В последующие дни шах встречался с послом Л. Хендерсоном и благодарил США за поддержку в свержении правительства М. Мосаддыка, не забывая систематически напоминать о помощи, в которой Иран остро нуждался³⁷. С августа 1953 г. в Иране начался период «тесного и плодотворного» сотрудничества с США.

Заключение. Таким образом, после национализации Ираном нефтяной промышленности и разрыва дипломатических отношений с Великобританией возникла угроза окончательной потери англичанами контроля над АИНК, что вынудило их искать способы решения проблемы. Правительство Великобритании последовательно стремилось убедить США в необходимости силовой операции по свержению иранского правительства. Г. Трумэн в этом вопросе занял осторожную позицию, и лишь новый президент Д. Эйзенхауэр, стремившийся не допустить сближения Ирана и СССР, согласился с предложением англичан.

Планы операции «Аякс» подразумевали активные действия со стороны шаха, однако он занимал нерешительную позицию. Более того, его побег за рубеж значительно снизил шансы на успех переворота. Тем не менее его тщательная подготовка ЦРУ и МИ-6, подкуп СМИ и уличной толпы вылились в выступления против М. Мосаддыка, который не сумел подавить организованные Западом антиправительственные выступления. В итоге прошахские силы смогли взять власть в свои руки и шах Мохаммед Реза Пехлеви вернулся в столицу из Рима.

³⁵ Ibid.

³⁶ Letter from President Eisenhower to Iranian Prime Minister Zahedi (Foreign Relations of the United States, 1952-1954, Iran, 1951-1954, Volume X) // Office of the Historian: сайт. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951-54Iran/d302> (дата обращения: 27.07.2023).

³⁷ Ibid.

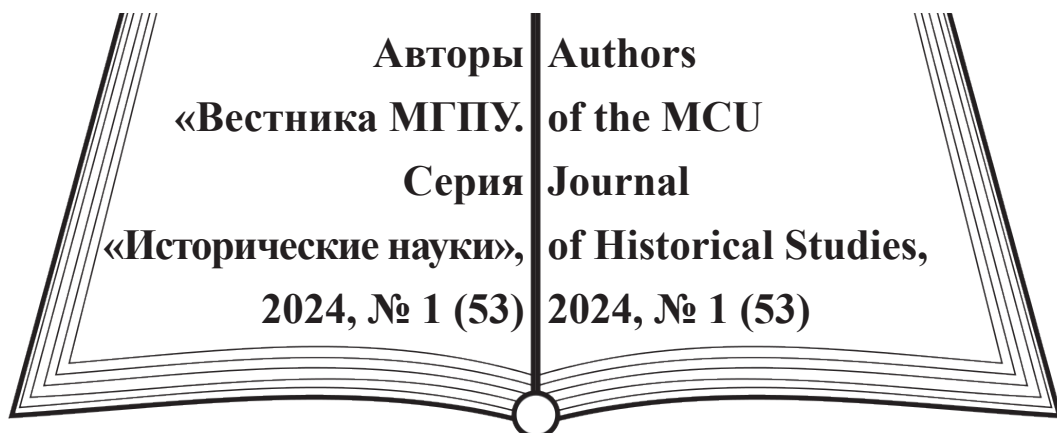
В результате успеха операции «Аякс» США получили полностью лояльное иранское правительство, готовое действовать против национальных интересов, установили через консорциум контроль над нефтяной промышленностью и сформировали полусилы на Большом Ближнем Востоке. Всегда публично выступавшее в поддержку демократии правительство США в итоге тайно вмешалось во внутренние дела независимого государства. Геополитические интересы оказались важнее принципов демократии.

Литература

1. Алиев Салех Мамедоглы. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2004. 644 с.
2. Глазунова Е. Н. Государственный переворот 1953 года в Иране и современные американо-иранские отношения (по материалам научной дискуссии в США) // Новая и Новейшая история. 2017. № 5. С. 179–192.
3. Глазунова Е. Н. К вопросу о соотношении внутренних и внешних факторов в государственном перевороте в Иране 1953 г // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 169–207.
4. Громов А. Б. Иран. От Кира Великого до аятоллы Хомейни. М.: Сандра, 2022. 536 с.
5. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2022. 944 с.
6. Кочешков А. А. Жаркий август 1953-го в Тегеране: заговор генералов // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 21–27.
7. Кочешков А. А. Нефть и охлаждение советско-иранских отношений на раннем этапе «холодной войны» в 40–50 гг. XX в. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2009. № 3. С. 63–79.
8. Согрин В. В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь Мир, 2015. 592 с.
9. Kim J. The first American secret war: assessing the origins and consequences of operation AJAX in Iran // International Area Studies Review. 2006. Vol. 9. Iss. 1. DOI: 10.1177/223386590600900110
10. Leonhardt T. L. Desperate measures: Truman, Eisenhower, and the lead-up to operation Ajax. Durham: Duke University Press, 2015.
11. Mirak-Weissbach M. A Persian tragedy: Mossadeq's fight for national sovereignty // Executive Intelligence Review. 2005. № 4. URL: https://larouchepub.com/other/2005/3243_mossadeq.html (дата обращения: 21.08.2023).
12. Soghomonyan H. The 1953 coup in Iran and the role of Great Britain in it // Bulletin of the Institute of Oriental studies. 2022. Vol. 2. P. 111–123.
13. Stewart S. The gilded age: Allen W. Dulles and the CIA // Vanderbilt Historical Review. 2016. Vol. 2016. Summer. C. 54–61. DOI: 10.15695/VHR.2016Summer.54
14. Weiner T. Files and whispers: the C.I.A. opens its safe: week in review // The New York Times. 1993. 29 Aug. URL: <https://www.nytimes.com/1993/08/29/weekinreview/files-and-whispers-the-cia-opens-its-safe.html> (дата обращения: 24.07.2023).

References

1. Aliev Salekh Mamedogly. *Istoriia Irana. XX vek* [History of Iran. XX century]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN; Kraft+, 2004. 644 p. (In Russ.).
2. Glazunova E. N. Gosudarstvennyi perevorot 1953 goda v Irane i sovremennye amerikano-iranskii otnosheniia (po materialam nauchnoi diskussii v SShA) [The 1953 coup in Iran and modern American-Iranian relations (based on scientific discussions in the USA)] // *Modern and Contemporary History*. 2017. № 5. S. 179–192. (In Russ.).
3. Glazunova E. N. K voprosu o sootnoshenii vnutrennikh i vneshnikh faktorov v gosudarstvennom perevorote v Irane 1953 g [On the balance of internal and external factors in the 1953 Iranian coup d'etat] // *Lomonosov World Politics Journal*. 2015. № 3. P. 169–207. (In Russ.).
4. Gromov A. B. *Iran. Ot Kira Velikogo do aiatolly Khomeini* [Iran. From Cyrus the Great to Ayatollah Khomeini]. Moscow: Sandra, 2022. 536 p. (In Russ.).
5. Yergin D. *Dobycha: Vsemirnaia istoriia bor'by za neft', den'gi i vlast'* [The prize: the epic quest for oil, money, and power] / perevod s angliiskogo. Moscow: Al'pina Pablisher, 2022. 944 p. (In Russ.).
6. Kocheshkov A. A. Zharkii avgust 1953-go v Tegerane: zagovor generalov [Hot August 1953 in Tehran: a conspiracy of the generals] // *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2014. № 4. P. 21–27. (In Russ.).
7. Kocheshkov A. A. Neft' i okhlazhdenie sovetsko-iranskikh otnoshenii na rannem etape «kholodnoi voiny» v 40–50 gg. XX v. [Oil and the deterioration of Soviet-Iranian relations in the early phases of the cold war: 1940–1950] // *RUDN Journal of World History*. 2009. № 3. P. 63–79. (In Russ.).
8. Sogrin V. V. *SShA v XX–XXI vekakh. Liberalizm. Demokratii. Imperiia*. [USA in the XX–XXI centuries. Liberalism. Democracy. Empire]. Moscow: Ves' Mir, 2015. 592 p. (In Russ.).
9. Kim J. The first American secret war: assessing the origins and consequences of operation AJAX in Iran // *International Area Studies Review*. 2006. Vol. 9. Iss. 1. DOI: 10.1177/223386590600900110
10. Leonhardt T. L. *Desperate measures: Truman, Eisenhower, and the lead-up to operation Ajax*. Durham: Duke University Press, 2015.
11. Mirak-Weissbach M. A Persian tragedy: Mossadeq's fight for national sovereignty // *Executive Intelligence Review*. 2005. № 4. URL: https://larouchepub.com/other/2005/3243_mossadeq.html (access date: 21.08.2023).
12. Soghomonyan H. The 1953 coup in Iran and the role of Great Britain in it // *Bulletin of the Institute of Oriental studies*. 2022. Vol. 2. P. 111–123.
13. Stewart S. The gilded age: Allen W. Dulles and the CIA // *Vanderbilt Historical Review*. 2016. Vol. 2016. Summer. C. 54–61. DOI: 10.15695/VHR.2016Summer.54
14. Weiner T. Files and whispers: the C. I. A. opens its safe: week in review // *The New York Times*. 1993. 29 Aug. URL: <https://www.nytimes.com/1993/08/29/weekinreview/files-and-whispers-the-cia-opens-its-safe.html> (access date: 24.07.2023).

Бессолицын Александр Алексеевич — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории Российской академии наук.

Bessolitsyn Alexander A. — Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher of Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: A_Bessolisyn@mail.ru

Виноградов Алексей Евгеньевич — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Vinogradov Alexey Ye. — Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher.

E-mail: alwynor@mail.ru

Григорьева Светлана Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Grigorieva Svetlana V. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

E-mail: svetl-grigor@yandex.ru

Гурин Григорий Геннадьевич — аспирант департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Gurin Grigorii G. — Postgraduate Student of the Department of History, Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: guringg@mgpu.ru

Егерова Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Остафьево» – «Русский Парнас».

Egereva Tatiana A. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the State Museum-Reserve “Ostafyevo” – “Russian Parnassus”.

E-mail: taegereva@gmail.com

Кувшинова Елена Евгеньевна — старший преподаватель департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Kuvshinova Elena E. — Senior Lecturer of Department of History, Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: Kuvshinovae@mgpu.ru

Кулаков Сергей Владимирович — аспирант кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Kulakov Sergej V. — Postgraduate Student of the Department of Russian History (XIX–XXI centuries) of the Herzen State Pedagogical University of Russia

E-mail: kulakov_sergey76@mail.ru

Малхозова Фатима Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской академии наук; доцент департамента истории Московского городского педагогического университета.

Malkhozova Fatima V. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for the Study of Contemporary Russian History and Political Science of the Institute of Russian History, Russian Academy of Science; Associate Professor of Department of History, Moscow City University

E-mail: fa-m@yandex.ru

Могилевский Николай Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Mogilevskiy Nikolay A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World and National History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

E-mail: n.mogilevskii@inno.mgimo.ru

Плюйко Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, учитель школы № 16 г. Долгопрудный Московской области.

Pluyko Dmitriy V. — Candidate of Historical Sciences, teacher at school № 16, Dolgoprudny, Moscow region.

E-mail: jan_boden@rambler.ru

Разиньков Михаил Егорович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г. Ф. Морозова.

Razinkov Mikhail E. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov.

E-mail: razinkov_mihail@mail.ru

Челнокова Алла Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Chelnokova Alla Yu. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of History, Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: allajurevna@yandex.ru

Ярмолич Федор Кузьмич — кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник отдела современной истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук; доцент кафедры истории Отечества Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И. П. Павлова.

Yarmolich Fedor K. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Researcher at the Department of Contemporary History of Russia at the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Department of National History, Academician I. P. Pavlov First St. Petersburg State Medical University.

E-mail: f.k.1985@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». **MCU Journal of Historical Studies** принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

Научный журнал / Scientific Journal

**Вестник МГПУ.
Серия «Исторические науки».**

**MCU Journal
of Historical Studies**

2024, № 1 (53)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музаилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 23.04.2024 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 11,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.